

NORWEGIAN JOURNAL OF DEVELOPMENT OF THE INTERNATIONAL SCIENCE

№41/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
 - Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
 - Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
 - Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
 - Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
 - Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
 - Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
 - Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
 - Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
 - Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
 - Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
 - Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
 - Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
 - Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
 - Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
 - Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
 - Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
 - Chan Jiang (Peking University, China)
- and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>

CONTENT

ARTS

Khasenov M., Ayapbekova A., Karimova G.

ANIMALISTIC CODE OF KAZAKHSTAN DESIGN 3

HISTORICAL SCIENCES

Buglay N.

TRANSFRONTAL COLLABORATION IN FOREIGN POLICY
OF REPUBLIC POLAND AT THE END OF XX – IN
BEGINNING OF XXI ITEM 10

Vasilchenko O.

ECONOMIC ACTIVITIES OF THE KOREANS IN THE FAR
EAST OF THE USSR (1923 - 1937) 14

Kozybakova F., Dossymova G.

THE PROCESS OF REPATRIATION OF KAZAKHS 16

Duisebaeva A.

PREVENTIVE DIRECTION AS THE BASIC PRINCIPLE OF
KAZAKH TRADITIONAL VETERINARY 19

Yermekbayeva A.

TRADITIONAL CLOTHES OF KAZAKHS FROM THE
COLLECTION OF THE CENTRAL STATE MUSEUM 21

Mensitova G.

NOMADIC TRIBES OF CENTRAL ASIA IN PRE-
MONGOLIAN PERIOD: CAUSES AND FACTORS OF
MIGRATIONS 24

Stelmakh S.

NATIONALISM AND THE FORMATION OF GERMAN
HISTORICAL SCIENCE IN THE 19th – BEGINNING OF
THE 20th CENTURY 26

PEDAGOGICAL SCIENCES

Tulbasieva S.

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF SOCIAL POLICY
ABOUT THE PROBLEMS OF ORPHANHOOD AND CHILD
NEGLECT IN THE 20-30 YEARS OF XX CENTURY IN THE
MODERN 32

Issayeva K., Tsoi A.

PROJECT TECHNOLOGIES THAT CONTRIBUTE TO THE
FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF
STUDENTS 34

Baubekova G., Kabylda M., Mussina Z.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF KAZAKH PEOPLE
AND THEIR INFLUENCE ON EDUCATION OF STUDENT
YOUTH 37

Kozubovska I., Hvozdyak V.

PROBLEM OF ETHNIC TOLERANCE IN THE
MULTICULTURAL SOCIETY 40

Povidaychyk O., Rohach L.

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL
COMMUNICATION CULTURE AS AN IMPORTANT
SOCIAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM 43

Chigintseva O.

ELUCIDATION OF THE INTERDISCIPLINARY QUESTIONS
AS A BACKGROUND TO THE CREATION OF WESTERN
MODELS OF SELF-REALIZATION OF AN ELDERLY'S
PERSONALITY IN ARTISTIC ACTIVITY 47

PHILOLOGICAL SCIENCES

Vasilevich E.

TRADITIONS AND NOVELTY IN THE NOVEL OF PAVEL
SANAEV "BURY ME BEHIND THE BASEBOARD" 54

Beglyarova A., Khazhokova E.

A NOTION OF INDETERMINATION IN PHILOSOPHY
AND LINGUISTICS 58

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Susi M., Anggraeni Purnama D., Nany I.

RUSSIAN AND INDONESIAN PROPER NAMES IN A
SITUATION OF ACQUAINTANCES 61

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Kobelev A.

USEFUL LESSONS AFFILIATE BETRAYAL 65

ARTS

УДК 338.48; 796.5

ANIMALISTIC CODE OF KAZAKHSTAN DESIGN

Khasenov M.,*Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Turan-Astana University, Nur-Sultan***Ayapbekova A.,***candidate of geographical sciences, Turan-Astana University, Nur-Sultan, Kazakhstan***Karimova G.***Master of Education, Turan-Astana University, Nur-Sultan*

АНИМАЛИСТИЧЕСКИЙ КОД КАЗАХСТАНСКОГО ДИЗАЙНА

Хасенов М.М.,*кандидат педагогических наук, профессор, университет «Туран-Астана»,**г. Нур-Султан, Казахстан***Аяпбекова А.Е.,***кандидат географических наук, доцент университет «Туран-Астана»,**г. Нур-Султан, Казахстан***Каримова Г.С.***магистр педагогических наук, университет «Туран-Астана»,**г. Нур-Султан, Казахстан***Abstract**

The article discusses the reconstruction of the dynamics of scientific knowledge and determining the prospects for the development of archaeological research in the field of rock art in Kazakhstan.

Аннотация

В статье обсуждается реконструкция динамики научного знания и определение перспектив развития археологических изысканий в области наскального искусства Казахстана.

Keywords: petroglyphs, multi-figure composition, expedition, landscape, museum, cave paintings, scythian animals

Ключевые слова: петроглифы, многофигурная композиция, экспедиция, ландшафт, музей, наскальные рисунки, скифские звери

Одними из древнейших визуальных подтверждений существования культа священных животных и птиц на территории Казахстана, несомненно, являются петроглифы, которые охватывают время от неолита до позднего средневековья. Петроглифы, обнаруженные практически по всей стране, представляют собой наиболее исследованный сектор материального культурного наследия, чем другие.

Изучение петроглифов позволил исследователям [1] зафиксировать архетипические зоообразы, доминирующих в ту или иную эпоху; смену и исчезновение одного культа животного и появление другого; а также выявить наиболее характерные образцы анималистического искусства, выяснить их семантическую функцию и установить преемственную связь между ними и аналогами в сопредельных с Казахстаном культурах.

В данной статье будут проанализированы только некоторые казахстанские петроглифы, проведенных в рамках научного проекта Казахским научно-исследовательским институтом культуры в 2016 г. на территории северо-восточного Жетысу; другая посвящена результатам полевых работ в Центральном Казахстане в урочище Теректы-Ау-

лие (эти изыскания проведены совместно с Национальным комитетом по охране нематериального культурного наследия Казахстана при Национальной комиссии РК по делам ЮНЕСКО и ИСЕСКО).

Петроглифы Жетысу: Кыземшек, Курайлы, Тамгалы и другие. Значительную часть памятников, обнаруженных на территории северо-восточного Жетысу, представляет наскальное искусство древних кочевников. Полевые исследования археологов велись по ущельям и долинам крупных рек, были изучены все основные предгорные долины, горные ущелья и ряд высокогорных плато, что дает основание считать имеющийся сейчас в распоряжении ученых список памятников в указанных районах наиболее полным на сегодняшний день.

Петроглифы в урочище Кыземшек расположены на высоте 3000 м на господствующих высотах перевала. Высокая скала, обрывающаяся к каньону р. Иссык у ее истоков под ледниками. Крупнейшее скопление насчитывает до 300 больших композиций (не считая отдельные фигуры), выбитых, процарапанных и зашлифованных на латинизированных гранях скал, составленных мягкими сланцами. Гравюры в большинстве своем выбиты точечной, техникой, сплошной выемкой, проре-

заны металлическими орудиями. В репертуар петроглифов входят, главным образом, антропоморфные фигуры ряженных людей и в звериных масках и хвостами. Они изображают, видимо, жрецов какого-то древнего культа, совершающих связанных с ним обрядовых действий. А также зафиксировано множество граффити, имеющих и самостоятельное значение (неолит, сакское время) и служивших эскизами. Палимпсесты единичны. Многие гравюры «дополнялись» в последующие эпохи (в сакскую-тюрскую) с учетом композиции. Среди сюжетов выделяются циклы предварительно датированные энеолитом-бронзой эпохой: изображение различных антилоп, козлов, оленей и т.д. особенно выразительны сакские гравюры, четко разделяющиеся на ранние и поздние.

Кроме «звериного» стиля (пантеры, барсы, олени, козлы «на цыпочках», крылатые козлы, геральдические пары коней) зафиксированы многофигурные композиции сакского времени: бой лучников, охота, сражение воинов, вооруженных топорами и чеканами. Встречены изображения, имеющие аналогии в Сибири с соответствующей стилизацией. Тюрские петроглифы представлены изображениями тамгообразных козлов, верблюдов и всадников.

Черты «звериного стиля» дают возможность отнести их к сакскому времени. Преобладают силуэтные изображения, изредка встречаются контурные фигуры разной степени латинизации, имеются сравнительно светлые.

Рисунки в горах Курайлы расположены на южных, восточных и западных склонах. Гравюры выбиты или прочерчены на гладкой, покрытой пустынным «загаром» поверхности базальтовых скал. Скалы повреждены трещинами. Рисунки нанесены с помощью тупого каменного отбойника техникой точечной выбивки. Среди рисунков четко читаются фигуры отдельных всадников, диких (козы, архары, олени) и домашних (верблюды, лошади) животных. Встречаются антропоморфные изображения гонимых скот. Фигуры людей и животных выбиты очень схематично. У лучников изображены простые или сложносоставные луки с натянутой тетивой и стрелой. Ноги показаны двумя линиями в ходьбе или при стрельбе стоя. Есть схематическое изображение всадника верхом на лошади с длинными ушами.

Фигуры горных козлов изображены в профиль, идущими или стоящими. У некоторых фигур показано довольно массивное туловище, шея, морда, короткие ноги, хвост и массивные дугообразные рога. Рога чаще всего показаны одной, реже двумя линиями. Изредка у козлов показаны дугообразные длинные хвосты, выделен круп и колени на задних ногах, обозначены выступы на рогах.

Среди животных выделяются изображения волков или собак с массивным туловищем, короткими ногами, вытянутой мордой, выделенными ушами, приподнятым или опущенным хвостом.

Археолого-ландшафтный комплекс Тамгалы (Танбалы) - один из наиболее древних памятников наскального искусства Семиречья, расположенный

в ста семидесяти километрах к северо-западу от города Алматы в горах Аныракай. Здесь в конце 1950-х годов было обнаружено святилище с большим количеством наскальных рисунков.

Большая часть петроглифов относится к эпохе бронзы, т.е. ко второй половине II тысячелетия до н.э. Часть рисунков относится к железному веку и к более позднему времени. Размеры некоторых изображений достигают одного метра. Наскальные рисунки изобилуют самыми разными сюжетами. Рисунки, выполненные в сакском «зверином» стиле, размещены в основном отдельно от более древних петроглифов, но в некоторых случаях дополняют или даже перекрывают их.

Средневековые наскальные изображения выбиты на окружающих ущелье сопках и в примыкающих безводных саях. Центральный комплекс выделяется самой плотной концентрацией петроглифов и, предположительно, алтарей, что указывает на возможное церемониальное предназначение этого места для жертвоприношений. Большинство петроглифов расположено в нижней части главного ущелья и в примыкающем к нему с запада боковом ущелье, а также в семи саях, расположенных к северо-западу от основного ущелья. Общее количество рисунков в главном ущелье - около двух тысяч.

Встречаются изображения солнцеголовых божеств, ряженных, воинов-палиценосцев, брачных пар, рожениц, а также многофигурные композиции с изображением людей и животных, сцены охоты на животных и сцены жертвоприношения быков. Сюжеты с изображением колесниц встречаются редко. Весьма многочисленны солярные знаки - изображения солнца, особо почитаемого у древних племен. Среди животных наиболее часто встречаются лошади и архары (дикие горные бараны) - обладатели мощных загнутых назад рогов. Однако присутствуют и иные представители животного мира, включая даже вымерших, ныне в этих краях уже не встречающихся.

В окрестностях святилища найдены и многочисленные древние захоронения. Особый интерес представляют цисты - погребальные каменные «ящики», которые сооружались из цельных плит сланца, куда укладывались не только усопшие, но и разная утварь и предметы, чаще всего сосуды. Цисты датируются преимущественно концом бронзового века. Более поздние захоронения, относящиеся к железному веку (и далее), представляют собой курганы, сложенные из земли и камня.

Современный охранный статус этой уникальной художественной галереи под открытым небом - Государственный историко-культурный и природный заповедник-музей «Тамгалы», с 2004 года являющийся объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Большие группы петроглифов принято считать межплеменными святилищами. К подобному типу святилищ в Семиречье следует перечислить, прежде всего, Тамгалы и Каракунгей. Здесь расположено по несколько тысяч рисунков. Наличие

больших многофигурных композиций и разнообразие культовых сюжетов выделяет эти святилища из всех остальных.

Неподалеку от скал с петроглифами обнаруживаются многочисленные жертвенники и могильники, различные как по конструкциям, так и по системе погребального обряда и набору вещей. Это дает основание ученым археологам считать, что святилище принадлежало не одному роду или племени. В малых святилищах, разбросанных вокруг, содержится небольшое количество петроглифов, более однообразных по сюжетам. Вероятно, они служили для отправления повседневных культов и почитания покровителя рода.

По результатам экспедиции необходимо отметить, что историю сложения и развития художественных представлений древнейших насельников Казахстана надо, по-видимому, представлять не как продукт творчества какой-то одной или нескольких культурно-исторических областей, одного племени или народа, затем постепенно распространившийся по обширным пространствам степей, а как единый процесс развития натурфилософских представлений и художественного мышления на просторах степных районов во взаимодействии, т.е. в постоянном тесном межкультурном обмене, как единый процесс развития историко-культурного ландшафта как ранних, так и поздних кочевников Великой Степи.

Историко-археологический комплекс Теректы Аулие (в переводе с казахского языка «тополиное святое место»). Тополь (терек) в понимании казахов Мировое Древо (Байтерек), находящийся на территории Национального историко-культурного и природного заповедника - музея «Улытау» (Карагандинская область, Улытауский район, село Улытау) расположен в семидесяти километрах к северо-востоку от г. Жезказган. Свое название комплекс получил от ближайшего населенного пункта. При переводе с казахского языка название местности Теректы означает место, где растут тополя. Эта местность до коллективизации (начало XX века) была полностью занята данным видом деревьев. И, именно тополь-теректы в представлениях древних является Мировым Древом, и даже сейчас это место считается святым - Теректы-Аулие - Святой тополь.

Территория комплекса занимает 1,5 x 1 км. На его территории находятся более 50 памятников, датируемые от эпохи неолита до XIX в.: наскальные рисунки, неолитические стоянки, поселения и некрополи эпохи бронзы, остатки горизонтальных и вертикальных штолен по добыче руд и полудрагоценных минералов, курганы раннего железного века и мазары IX, XVII-XIX в. и началом XX вв. Также на территории комплекса есть множество захоронений наподобие братской могилы, предположительно воинов.

Комплекс представляет собой гранитную гряду холмов розового гранита, сильно вытянутых в широкую цепочку с запада на восток. Холмы, подвергшиеся сильной ветровой эрозии, приобрели вид полусфер. На вершинах и боковых поверхно-

стях холмов нанесены наскальные рисунки, которые классифицированы в четыре группы по месту расположения. В расщелинах скал холмов произрастают кустарники, навешанные лоскутками ткани различных цветов. На одном из холмов пробита вертикальная штольня, наполненная дождевой и талой водой. Штольня замурована сеткой из металлических прутьев, которая также навешана лоскутками ткани.

Напротив, холма с рисунками группы 3 расположено огороженное кладбище мазаров из сырцового кирпича. От большей части мазаров остались фундаменты, у некоторых сохранилась часть стен, и лишь несколько находятся в удовлетворительном состоянии. На нескольких мазарах таблички с именами погребенных и временем проживания (Абылкайыр ата IX в.; Оспан баба IX в.; Жанкайыр ата XI-XII вв.; Муталип баба XI в.; и др.). У подножья этого же холма пробивается природный источник родниковой воды, к которому в скале пробит колодец пятиметровой глубины. Колодец обложен естественным камнем - песчаником, в виде плитняка серовато-розового цвета, который добывался (-ется) в местных карьерах. Вода из настоящего источника считается целебной, биологически активированной, насыщенной кварцевыми и кремневыми солями. Комплекс Теректы Аулие с древнейших времен и до сегодняшнего дня является объектом активного паломничества.

Самое раннее упоминание об урочище Теректы Аулие имеется в работах Аль-Бируни (XI в.) и относится к рисункам человеческой стопы и конских копыт вблизи водных источников [2]. Наиболее комплексно изучены петроглифы Теректы Аулие.

В целом, исследование Теректы Аулие тесно связано с общей историей археологического изучения Центрального Казахстана. В конце 1930-х годов комплекс изучал академик К.И. Сатпаев. Первые серьезные научные исследования комплекса связаны с именем академика А.Х. Маргулана. Масштабные изыскания на археологических памятниках региона происходили в 1947-1956 гг. В статье А.Х. Маргулана «Петроглифы Сары-Арки. Гравюры с изображением волчьего тотема» [3] опубликованы копии некоторых сюжетов наскальных рисунков Теректы Аулие эпохи бронзы и раннего железа.

Комплексное исследование археологического памятника проводилось в 1990 году археологической экспедицией под руководством З.С. Самашева.

С 1999 по 2001 год под руководством Ж.К. Курманкулова велось исследование комплекса: раскопаны два кургана-ограды, относящихся к эпохе бронзы, и два кургана, датируемых раннему-сульманским временем. В 2000-2004 годах изучение комплекса продолжено совместно с учеными Канады и Италии.

Большие усилия к исследованию комплекса приложили научные сотрудники Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. академика Е.А.

Букетова в рамках проекта «Научно-исследовательские и консервационные работы на святилище Теректы Аулие в Улытауском районе», финансируемого Управлением культуры Карагандинской области в рамках областной региональной программы «Культурное наследие 2008-2010 гг.». С 2001 года опубликовано ряд научных работ по комплексу Теректы Аулие.

В 2013 году свет увидело фундаментальное издание по петроглифам комплекса: Самашев З., Байтлеу Д., Ж. Курманкулов. Теректы Аулие - памятник наскального искусства Центрального Казахстана. - Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана.

Наскальные изображения Теректы-Аулие наиболее изучены. Специалисты [4,5] их относят к различным эпохам: бронзы (конец II - начало I тысячелетия до нашей эры), сакской эпохи (XII век до нашей эры - первые века нашей эры) и петроглифы средневековья.

Технически изображения Теректы-Аулие выполнены двумя приемами: выбивка (точечная) и прочерчивание. Ранние рисунки выполнены в комбинированной технике (например, корпус и голова быка тщательно выбиты, а рога резко прочерчены). Часто встречаются палимпсесты - разновременные композиции, когда предыдущее изображение служило фоном для последующих.

Репертуар зооморфных петроглифов Теректы-Аулие составляют образы: коня, бактрианов, быков, козлов, оленей, змей, хищника из семейства кошачьих. Последний уникальный рисунок, представляющий собой фантастический образ: гибрид коня и хищника из семейства кошачьих. Кошачьи признаки составляют: спирально закрученный тонкий хвост и трехпалые лапы. Остальные части тела животного совпадают с лошадиными. Трехпалый зверь из Теректы-Аулие имеет аналоги среди изображений на камнях Алтая и Монголии.

С животными связан еще один уникальный рисунок из Теректы-Аулие один из культовых сюжетов: круг, от которого расходится две линии, одна прямая на север, другая - изогнутая на северо-восток. В центре изображен бактриан, а между линиями - антропоморфные животные, два креста, под рисунком начертан человек. Аналоги этого рисунка встречаются в разных регионах Казахстана.

В особую категорию выделяются изображения символических знаков, лунки различной величины, чашевидные углубления и геометрические фигуры, которые служили местом жертвоприношений солнцепоклонников.

Петроглифы эпохи бронзы условно можно разделить на три группы: солярные знаки/солярные божества; изображения боевых колесниц и изображения животных.

Последние выполнены всегда тщательно: проработаны суставы, гривы лошадей, у быков гипертрофированы рога, выделен горб. Фигуры животных выполнены так, что по ним можно определить его вид, несмотря на многослойность композиции

(палимпсест). На петроглифах Теректы-Аулие визуально просматривается смена одного культа животного, другим. Так, культ быка не потерял своего первоначального смысла как быка-производителя со своим астрально-космическим происхождением и отображался на камнях Теректы-Аулие как мужское оплодотворяющее начало, как властелин водной плодотворяющей стихии. Впоследствии он сменился культом коня.

Так, 90% петроглифов составляют изображения лошади, которые относятся именно к эпохе бронзы. Изображения ориентированы на Восток, что связывается с поклонением богу Агни, где голова лошади - визуальное воплощение самого Бога, расстояние от головы до ног лошади - означало Мир, Вселенную, ноги лошади - земной мир, а хвост - «иной» подземный мир.

Две фигурки лошадей выполнены в «сейминско-турбинской традиции» [4] хронологические рамки которой определяются пределами XVII-XIII веков до нашей эры.

Петроглифы сакского времени. Среди изображений травоядных животных особое место занимают фигуры оленей. Наиболее распространены контурные изображения оленей, стоящих на кончиках копыт, с поджатыми ногами или с клювовидными мордами. Аналогичные изображения обнаружены на оленных камнях, датируемых VIII-VI веками до нашей эры.

Петроглифы раннетюркского времени на скалах Теректы-Аулие крайне редки, в основном представлены всадниками. Но, есть уникальное изображение лошади, выполненной в тюркской традиции. Она передана реалистично: длинное узкое туловище с мощной широкой шеей, сужающейся к голове. С горла лошади до задней стороны ушей проведена четкая линия. Этот факт позволил специалистам сделать вывод о том, что вероятнее всего древний художник хотел изобразить процесс «закалывания» лошади. Ведь, кочевники умерщвляли животное путем разрезания кровеносных сосудов артерии в области горла.

Наскальные изображения Теректы-Аулие, проходя чередой эпохи неолита, бронзы и прочих вех развития цивилизаций, визуально демонстрируют нам, что святилище Теректы-Аулие не потеряло своего прямого предназначения, существовало довольно долго и даже сейчас является местом паломничества множества мусульман, которые данное место возводят в ранг святых.

Урочище Теректы-Аулие с давних пор притягивает к себе многочисленных паломников. В народе считают, что Теректы отмечено Всевышним, о чем свидетельствует приставка к названию местности Аулие.

Современными целителями - народными врачами организуются паломнические туры на Теректы-Аулие, которые длятся в основном около двух часов [5]. Существуют определенные правила совершения ритуалов на святилище, представляющие собой синтез языческих культов и мусульманских традиций, описанных М.В. Бедельбаевой:

- испытание целительной воды из священного

источника и ритуальное омовение лица;

- семикратное «скатывание» с горки, на плоскости, где размещена космогоническая композиция петроглифов с пересекающим ее желобом, возможно, олицетворяющим «Млечный путь»;

- передвижение по священной тропе в гранитных скалах и прохождение узкой расщелины среди камней причудливой формы, что приводит к выявлению «грешников»;

- как знак благополучия или обращения с просьбами к святым используют привязывание лоскута ткани на шест, расположенный в центре панно с зооморфными изображениями и магическими следом ступни легендарного Хазрет-Али, который показывает направление в Мекку;

- горизонтальное семикратное вращение тела человека по поверхности гранитной плиты с наскальными рисунками;

- зажжение семи свечей и сопровождающая молитва на каменной площадке, преобладающей по высоте среди окружающих сопок;

- забрасывание камня через левое плечо, стоя спиной к колодцу, представляющему собой древнюю шахтную штольню;

- молитва на кладбище рядом с древними мазарами и принесение жертвы (животное, платок или кусок ткани, с завязанными в узелок деньгами) [5]. Этот великий ритуал очищения каждый год проходят сотни людей. Трудно представить, сколько их было с энеолита.

Теректы Аулие как крупнейшая в Центральной Азии каменная летопись зафиксировала и сохранила основные исторические вехи эволюции культа коня от неолита до девятнадцатого века, а вместе с ним и важные грани культурного генезиса кочевников-казахов.

Полевые исследования даже двух крупных «месторождений» казахстанских петроглифов выявили репертуар писаниц и наиболее устойчивые анималистические образы [6]. На основе этого и анализа других имеющихся изысканий, посвященных каменной летописи Казахстана, накопившихся за несколько десятилетий, сведения о которых содержатся в трудах специалистов можно сделать вывод о том, что петроглифы есть первейшая визуализация архаической золатрии; они, собственно, во многом формируют каркас степного бестиария, который в дальнейшем будет расширяться и дополняться; самыми распространенными и устойчивыми (следовательно, наиболее значимыми) сюжетами выступают образы копытных животных – быков, горных козлов – теке, коней и верблюдов [7].

Скифо-сакская металлопластика представлена в основном одно- и двухфигурными композициями. Для однофигурных свойственны такие сюжетные мотивы как статичное состояние (спокойно стоящая фигурка), бег (галоп, полет) и, так называемые, поверженные, то есть образ, находящийся в предсмертной агонии на пороге небытия. Двухфигурные композиции чаще всего представлены сценами борьбы (противостояние) и непосредственно терзание.

Существует также особая сюжетная линия, известная как антитетическая, суть которой в противопоставлении фигур животных (как правило не более двух). «Одними из наиболее традиционных в искусстве Древнего Востока были антитетические композиции (иногда их называют также «геральдическими», уподобляя тем самым изображениям на средневековых гербах, - однако такое их наименование приписывает древним композициям функцию, им вовсе не свойственную», - отмечает Е.В. Переводчикова [8]. Этот сюжет появляется гораздо раньше, чем сцены терзания, наиболее распространенные не ранее V в. до н.э., отмечая своеобразный пик расцвета звериного стиля.

Если рассмотреть подробнее однофигурные композиции, можно заметить, что в основном это спокойно стоящие парнокопытные животные. Они могут быть самостоятельными образами, наверху жезлов или головных уборов. В любом случае это, как правило, объемные фигурки, в отличие от галопирующих животных, которые представлены в виде блях.

Изображения хищников чаще всего тоже представляют собой только бляхи, то есть двумерные образы и практически не встречаются как круглые трехмерные фигурки, только разве что как часть жертвенников или алтарей. Причины этого до сих пор не выяснены, но, возможно, будучи персонификациями Верхней и Нижней зоны мироздания, то есть символами смерти, их двухмерность гарантировала хоть небольшую, но защиту для трехмерных смертных копытных, символов Срединной плоскости. Мы имеем в виду то, что звериный стиль был для ранних кочевников именно визуализированным Космосом, объективной реальностью, а не художественным вымыслом.

Отдельно хотим обратить внимание на композиционную специфику однофигурных сюжетов. Примечательно, что здесь можно выделить некоторые закономерности. Несмотря на то, что все образы в любом случае компактно «вписаны» в конкретные геометрические фигуры (треугольники, квадраты, трапеции и т.д.), чаще всего именно хищники «завязаны» в кольцевую структуру. Есть и изображения парнокопытных, скомпонованных в кольцо, но хищники преобладают.

По А.В. Доминяку, в плоской односторонней металлопластике можно выделить три структуры: концентрически-кольцевую, горизонтально-векторную и вертикально-векторную [9]. При этом они могут совмещаться или замещаться, что, скорее всего, есть результат внутренних смысловых трансформаций, где более ранняя концентрически-кольцевая структура переходит в горизонтально-векторную. Здесь для нас самым важным является изменение художественного видения, которое в свою очередь, выступает свидетельством генезиса стиля как целостной ментально-образной установки.

Так, понятным и оправданным становится факт первичности и последующей доминанты зооморфных образов над антропоморфическими. Также именно здесь может быть целосообразно искать причину последующего угасания звериного

стиля. Мы имеем в виду своеобразный трансферт важнейших констант, осуществляющийся медленно, но верно. И здесь смена композиционных стилевых моделей становится искажением парадигм и утратой сакрального смыслового ядра.

Нечто подобное описал А.Х. Маргулан: «Для раннего периода звериного стиля характерен реалистический образ животных. Они изображены в агрессивной и оборонительных позах. Позднее мастера начинают изображать их свернувшимися, в так называемой утробной позе. Дальнейшее развитие искусства идет по пути стилизации, и изображения животных постепенно превращаются в орнаментальные мотивы». Ученый верно уловил скрытые процессы, происходящие внутри самого стиля, но в силу иного научного видения (не искусствоведческого) определил кольцевую или утробную позу как более позднюю, чем сцены терзания, что не соответствует действительности.

Выше мы рассматривали причины, определившие семантику круга, кольца как едва ли основной композиционной модели в зверином стиле. Учитывая, что корни этого стоит искать еще в андроновской эпохе, логично предположить, что кольцевая форма первична. Дальнейший перевес в сторону горизонтально-векторной формы можно рассматривать не только как иконографическое развитие стиля как такового, но и иконологическую трансформацию замкнутой концентрической системы в разомкнутую координатную плоскость, произошедшую под неизбежным культурным влиянием извне.

Пристального внимания заслуживает наиболее специфичное явление в зверином стиле: сцены борьбы и особенно терзания. Это именно то, что делает скифо-сакский звериный стиль уникальным символически-знаковым кодом, отмеченным высокой степенью художественного мастерства. Здесь важно абсолютно все: сакральный смысл, композиционная моделировка и особый образный язык.

Сюжет терзания в зверином стиле как никакой другой постоянно привлекает исследователей из разных областей гуманитарной науки. Ему посвящены отдельные монографии, и этот неослабевающий интерес доказывает, что это и есть один из ключевых параметров «скифской загадки».

В данный момент существует три основных концепции, преследующих цель интерпретировать семантику терзания: тотемическая, магическая и мифологическая. Мы согласны с анализом Е.Ф. Корольковой, представлявшей это следующим образом:

- сцена терзания как отражение борьбы двух тотемов предков-родоначальников в образах животных;
- сцена борьбы и (или) терзания как традиция наделения владельца предмета с этим изображением магическими свойствами дерущихся животных, их силой и решимостью;
- терзание как мифологическая концепция противостояния противоположностей.

Здесь наиболее объективна третья позиция, так как в фокусе внутренний иконологический смысл,

а не поверхностная композиционная интерпретация. Мы полагаем, что это лишь условное разграничение, преследующее цель хоть как-то идентифицировать конкретные образы. Первые две концепции способны органично дополнять третью, ничуть не умаляя или меняя ее значение или ценность. Опираясь на эту классификацию, есть смысл исследовать эту тему дальше, не ограничиваясь уже общеизвестными фактами. Е.Е. Кузьмина одна из первых связала мотив терзания с астрономией и астрологией, потому что сако-скифы рассматривали сцены терзания как идейный символ весеннего возрождения и царского могущества [10].

Терзание есть не просто статическое противостояние, но действие, яростная схватка, борьба не на жизнь, а на смерть. Чаще всего это хищники и парнокопытные животные, которые связаны не только композиционно, но и по смыслу. Они равноправные участники сакрального действия и сами творят свой Космос, включаясь в древнейший ритуал возрождения через смерть. Поверхностный взгляд на этот сюжет даст представление о происходящем как фатуме, неумолимой судьбе, жестокости бытия. Вдумчивый анализ высветит иной смысл, гораздо более глубокий, можно сказать, фундаментальный.

Мы убеждены, что терзание в контексте звериного стиля есть искупительная жертва, обусловленная необходимостью, элемент круговорота, философский концепт. Вертикальный мир разделен на плоскости или уровни, границы между которыми только кажутся непроницаемыми. Руководствуясь принципом «рожденный ползает, летать не может», мы наблюдаем четкую персонафикацию космических зон группами животных-символов. Тогда сцены противостояния подтверждают жесткое разграничение «сфер влияния», а мотив терзания как раз есть способ преодоления барьеров пусть хотя бы и через смерть.

В реальном мире и времени ни у кого не возникнет повод усомниться в целесообразности законов природы, а в вымышленном, или лучше его представлять как параллельном, мире звериного стиля терзание есть магический ритуал, основанный на понимании и принятии своего предназначения.

Парнокопытное животное как смертное существо когтит или терзает хищник, или птица или пантера (лев/барс). Иногда это синкретическое существо, чьи смертоносные качества усиливаются еще больше. Здесь сталкиваются смерть принимающие и смерть несущие. Будучи поверженными более сильными и обладающими иными качественными характеристиками персонажами, копытные становятся добычей и через это своеобразной частью иного мира. Но это все лишь элемент, часть общего процесса, имеющего кольцевую замкнутую структуру, так, как и хищники не гарантированы от нападения себе подобных, то есть на силу всегда найдется иная сила.

А.Т. Толеубаев описывает чрезвычайно интересный артефакт, извлеченный из Шиликтинского сакского кургана Шиликты-2. Там, в золотой бляхе

мы видим изображение беркута-орла в смертельной агонии. Одно крыло приподнято, голова повернута в направлении ранившей его змеи, хвост опущен, раненая лапа прижата к телу. В этом сюжете отражено мировоззрение саков, где отображается борьба двух начал, земного и небесного, борьба представителей двух стихий - земли и неба [11].

Здесь хищник беркут-орел как персонификация Неба побежден змеей, хтоническим существом. На самом деле мы находим тут очень важное свидетельство, подтверждающее нашу концепцию терзания как «базовой» концептуальной модели звериного стиля. Помимо того, что однозначно противостояние Срединной плоскости относительно Неба и Земли/Бездны/Воды, здесь еще налицо антитеза Верха и Низа, борющихся между собой с переменным успехом.

Учитывая, что мотив когтящего змею крылатого хищника тоже достаточно распространенный сюжет, и не только в скифскую эпоху, но и много позже, логичен вывод, что здесь мы сталкиваемся с визуализацией глобального философского принципа «что сверху, то и внизу». А это уже свидетельство приобщения не только к индоиранской, но к индоарийской мировоззренческой традиции.

Получается, что скифо-сакская Модель мира не застывшая «мертвая» формула, а подвижная гибкая структура, и воплощающие ее образы и сюжеты не просто «цитаты», заимствованные из соседних культур, но полноценные элементы, конструирующие самобытную сакскую духовно-эстетическую концепцию.

Помимо основных образных моделей, с одной стороны формирующих звериный стиль, с другой, это осуществляют стилевые особенности как художественный язык. Еще в первой половине XX века были определены основные иконографические максимумы, до сих пор неоспоримые в своей объективности и актуальности.

Принципиально важным было выделить то, что отличает звериный стиль от «изображения зверей». «Скифские звери отличаются от прочих, прежде всего, способом моделировки поверхности тела. И тело животного в целом, и отдельные его детали - ноги с копытами или когтями, рога оленей, клюв хищной птицы, глаза, уши, пасть зверей - составлены из сходящихся под углом плоскостей. Эти плоскости образуют крупные грани с острыми ребрами, на которых создается неповторимая, свойственная только скифскому звериному стилю игра света и тени», - отмечал историк и археолог М.И. Ростовцев [12]. Конечно, главная причина художественного своеобразия звериного стиля не в эффектах света и тени, но в смысловом потенциале, вложенном туда древними кочевниками. Если рассматривать звериный стиль с точки зрения искусствознания, то немедленно возникает вопрос

о стилизации и уровне владения ею в скифо-сакскую эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анималистическая вселенная казахской культуры в диаграмме эпох. - Астана: Каз НИИК, 2017. - 560 с.
2. Бедельбаева М.В. Научно-исследовательские и консервационные работы на святилище Теректи-Аулие в Улытауском районе. // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия. Право». - 2010. - № 2 (58). - С. 5-11.
3. Маргулан А.Х. Петроглифы Сары-Арки. Гравюры с изображением волчьего тотема. // Собр. соч. - Алматы: Дайк-Пресс, 2003. - Т. 3-4. - С. 14-
4. Самашев З., Байтлеу Д., Курманкулов Ж. Теректы Аулие - памятник наскального искусства Центрального Казахстана. - Астана: Издательская группа филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. - 240 с.
5. От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. - Алматы, 2011. - 583 с.
6. Бедельбаева М.В. Святилище Теректи-Аулие как объект неоязыческого культа. // Материалы Всероссийской с международным участием конференции, посвященной 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ: Религия в истории народов России и Центральной Азии. - Горно-Алтайск, 2011. - С. 83-88.
7. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. - Алма-Ата: «Жалын», 1979. - 4.1. - 172 с.
8. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. - М.: «Восточная литература» РАН, 1994. - 206 с.
9. Доминяк А.В. Свидетельства утраченных времен: человек и мир в пермском зверином стиле. - Пермь, Книжный мир, 2010. - 152 с.
10. Кузьмина Е.Е. Сюжет борьбы хищника и копытного в искусстве «звериного» стиля евразийских степей скифской эпохи // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. - Новосибирск, 1987. - С. 3-12.
11. Толеубаев А.Т. Шиликтинское золото раннесакского времени. // Культурное наследие Казахстана: открытия, проблемы, перспективы. Материалы Международной научной конференции. - Алматы, 2005. - С. 507-512.
12. Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. - М.: «Восточная литература» РАН, 1994. - 206 с.

HISTORICAL SCIENCES

TRANSFRONTAL COLLABORATION IN FOREIGN POLICY OF REPUBLIC POLAND AT THE END OF XX – IN BEGINNING OF XXI ITEM

Buglay N.

*Doctor of Historical Sciences, Professor of History Department,
V.O. Sukhomlynskyi Mykolaiv National University
Ukraine, Mykolaiv*

ТРАНСКОРДОННЕ СПІВРОБІТНИЦТВО У ЗОВНІШНІЙ ПОЛІТИЦІ РЕСПУБЛІКИ ПОЛЬЩА НАПРИКІНЦІ XX – НА ПОЧАТКУ XXI СТ.

Буглай Н.М.

*доктор історичних наук, професор кафедри історії
Миколаївського національного університету імені В.О.Сухомлинського
Україна, Миколаїв*

Abstract

Foreign-policy activity of Poland is examined in the format of transfrontal collaboration. RP is one of active participants of transfrontal policy which maximally incarnates European principle is integration of countries through integration of regions. Attention in the article is concentrated on to German-Czech-Slovak direction of transfrontal collaboration of boundary regions of Poland, which is more successful and effective.

Анотація

Розглядається зовнішньополітична діяльність Польщі у форматі транскордонного співробітництва. РП є однією з активних учасниць транскордонної політики, що максимально втілює європейський принцип – інтеграція країн через інтеграцію регіонів. Увага у статті зосереджується на німецько-чесько-словацькому напрямі транскордонної співпраці прикордонних регіонів Польщі, який є більш успішним і ефективним.

Keywords: Poland, foreign policy, integration, regions, transfrontal collaboration.

Ключові слова: Польща, зовнішня політика, інтеграція, регіони, транскордонне співробітництво.

Транскордонне співробітництво відіграє важливу роль у зовнішньополітичній діяльності Республіки Польща. І хоча європейський досвід транскордонної політики не завжди успішно та ефективно впроваджувався в Польщі, сьогодні можна констатувати, що з-поміж країн Центрально-Східної Європи саме Польща є однією з найактивніших учасниць транскордонної співпраці. Стратегічний курс на інтеграцію до Європейського Союзу став вагомим чинником суспільно-політичних перетворень у державі та призвів до вступу РП 1 травня 2004 року в ЄС.

На польському прикладі транскордонної політики можна спостерігати максимальне втілення європейського принципу – інтеграція країн через інтеграцію регіонів. Окремо виділяючи східний та західний виміри транскордонного співробітництва прикордонних регіонів Польщі, потрібно зауважити, що воно є більш успішним і ефективним у німецько-чесько-словацькому напрямі, аналіз якого і є метою нашої публікації.

Польсько-німецьке транскордонне співробітництво є одним із показових з-поміж інших з точки зору ефективності, інституційної складової та соціально-економічного розвитку прикордонних територій [1]. Перші офіційні польсько-німецькі транскордонні контакти виникли ще у 1991 р. між Щецинським воєводством та Мекленбург-

Ворпомернем/Бранденбург. Як свідчить історичний розвиток і, відповідно, узагальнення науковців [5; 16], польсько-німецьке транскордонне співробітництво має модельний характер, як треба розбудовувати транскордонну співпрацю, і є одним із найуспішніших у західному напрямі для наслідування польському транскордонному східному виміру.

Польська дослідниця А. Малковська виокремлює 11 типів перешкод транскордонної співпраці на польсько-німецькому прикордонні, узагальнюючи статистичні та інші характеристики. Зокрема, це локальний бар'єр периферійного розташування, регіональний диспаритет обох прикордонних регіонів Польщі та Німеччини; економічний бар'єр; соціальний бар'єр; інфраструктурний бар'єр; науководослідний потенціал обох регіонів, не пов'язаний з економічною практикою його впровадження; лінгвістичний бар'єр; історичний та культурний бар'єр; правовий та адміністративний бар'єр; фінансовий бар'єр; екологічний бар'єр; відсутність позицій лідера [11, с. 13].

З 1990 р. польсько-німецьке транскордонне співробітництво мало і стратегічний вимір, адже були визначені наступні пріоритети: необхідність подолання культурних бар'єрів та національних стереотипів, а також – створення ефективної комунікації та економічних зв'язків [3]. Загальним контекстом цих пріоритетів слугували положення міждержавного польсько-німецького Договору про

дружнє співробітництво і добросусідство, підписане 17 червня 1991 р., де чітко визначались перспективи масштабного співробітництва між двома країнами, від питань безпеки, економіки до молодіжного, культурного, транскордонного та міжрегіонального співробітництва. З точки зору міжнародних відносин, це слугувало основою для розвитку польсько-німецьких відносин, більше того – для формування нового європейського порядку [9, с. 15–16].

Втім, важлива складова транскордонної співпраці – міжособистісна культура – саме у цьому відрізку була проблематичною. Точніше, у досліджуваний період існувала нестача культурних зв'язків, отже, одним із пріоритетних напрямів до 2004 р. польсько-німецького транскордонного співробітництва було відродження щоденної культурної спадщини. Занепад культурних зв'язків був найочевиднішим саме на польсько-німецькому кордоні, адже кордон до 1989 р. був не просто жорстким бар'єром для комунікацій, але жорстко герметизував, розподіляв прикордонні простори двох різних міжнародних систем, отже, розділяв і прикордонні регіони.

Наприклад, аналіз транскордонного співробітництва двох прикордонних міст: зі сторони Німеччини – це місто Губен і з польської сторони – місто Губін, які до 1945 р. були цілісним містом і становили цілісний зовнішній територіальний простір. Характерними ознаками прикордонних відносин на початковому етапі був жорсткий розподільчий кордон, мінімальні культурні зв'язки, мінімум особистих контактів. Утім, зміна геополітичної ситуації із 1989 р., а потім і підготовчий етап вступу до ЄС суттєво змінили характер транскордонної співпраці колишнього цілісного міста, сприяли значному поживленню соціально-економічного розвитку двох міст, а також фонди ЄС виявилися дуже корисними для розвитку транскордонного співробітництва [2].

Із вступом 1 травня 2004 р. Польщі до Європейського Союзу були фактично ліквідовані правові та інституційні бар'єри активній транскордонній співпраці. Концепція польсько-німецького транскордонного співробітництва, що була розроблена у 2000 р. на найближчі 30 років (оптимістичний, імовірний та песимістичний сценарії), містить в собі розвиток логістичної інфраструктури для обох міст, створення спільного підприємства по очищенню стічних вод двох міст, створення спільного промислового парку та польсько-німецького Євроцентру, велосипедних доріжок, міжнародне фінансування технічного коледжу, спільне управління театром, створення спільної транспортної мережі, і що особливо цікаво відзначити – це активний менеджмент у контексті рекламування спільної європейської спадщини з точки зору подолання всіляких упереджень.

Після 2004 р. найбільш важливим проектом польсько-німецького транскордонного співробітництва став проект «Транслокал» – це була так звана «платформа» зустрічей і консультацій різних осіб, організацій та установ, за допомогою яких здійснювали менеджмент, моніторинг конкретних

заходів, управління кожним аспектом транскордонного співробітництва, забезпечуючи повну фінансову та юридичну підтримку і прозорість спільних дій [6; 7]. Як наслідок, із 2004 р., через відсутність інституційних та правових бар'єрів, значно збільшилось число ініціатив транскордонного співробітництва між польським і німецьким містами, що були спрямовані на покращення рівня життя в обох містах, створення нових робочих місць, збільшення заробітної плати, покращення умов навколишнього середовища.

Програми Європейського Союзу надали широкий спектр інструментів для спільної роботи, що також сприяло запровадженню ініціативної програми «Місто – 2030» у контексті реалізації спільної програми «Синергія». Важливою тематикою, складовою спільних масових програм стало їх спрямування на створення та підтримку спільної місцевої ідентичності, що в кінцевому результаті сприяло розширенню міжлюдських культурних контактів жителів прикордонних регіонів Німеччини та Польщі. Таким чином, цей приклад ще раз підкреслює важливість та ініціативу саме людського фактора у транскордонній співпраці в контексті ефективного використання фондів Європейського Союзу. Численні спільні заходи і потужне фінансування є лише умовами динамічного транскордонного співробітництва, яке здійснюють місцеві, локальні представники, формуючи нові моделі транскордонних відносин.

Польсько-словацька транскордонна співпраця є показовою у сенсі, коли не тільки політичні умови не сприяють, але і політична воля керівництва держави стримує транскордонне співробітництво прикордонних регіонів. Польсько-словацьке транскордонне співробітництво є відмінним від інших суттєво, а саме через причини внутрішньополітичного характеру в Словаччині. На думку дослідника М. Галаса, причини такого стану були наявними у сильній централізації влади, мінімальності локальних ініціатив щодо розвитку транскордонного співробітництва у досліджуваний період. Важливою є наступна думка дослідника: через причини внутрішньополітичного характеру в Словаччині запровадження транскордонної практики, польсько-німецького досвіду не є можливим на польсько-словацькому кордоні [8, с. 30].

З точки зору сьогодення, можна зазначити, що після 2004 р. польсько-словацька транскордонна співпраця є однією із найактивніших: так, із 2007 р. затверджено 350 проектів на європейське фінансування. Цей приклад підтверджує, що політична мотивація чи заперечення політичними важелями є вкрай важливим фактором розвитку чи занепаду транскордонної співпраці.

Таким чином, важливим чинником успішної транскордонної співпраці є децентралізація влади. Більше того, за період до 2004 р. Польщі, а також Словаччині й іншим країнам, що бажали приєднатися до Європейського Союзу, необхідно було провести адміністративну реформу, максимально наближену до європейських стандартів [14]. Польсько-словацький кордон розташований значною

мірою вздовж гірської місцевості, і з польської сторони транскордонні зв'язки здійснюють воєводства із центрами у Катовіце, Кракові, Жешуві, відповідно, з боку Словаччини – це регіони із центрами Жіліна і Прешов. З точки зору децентралізації, органи влади мають різномірні компетенції, а саме – польські воєводства, місцева влада мали більше повноважень як адміністративного, так і фінансового характеру, ніж словацькі краї, відповідно, словацьке транскордонне співробітництво було більш централізованим. В економічній площині обидва прикордонні регіони є периферійними до центру економічного розвитку, логістика, транспортна інфраструктура потребували модернізації, і що цікаво – обидва прикордонні регіони є конкурентами у галузі туризму. Як позитив, слід відзначити потужний розвиток та підтримку спільної культурної спадщини, стійкі між-особисті культурні контакти населення у польсько-словацькому прикордонні.

Порівняння польсько-німецького та польсько-словацького транскордонного співробітництва в ракурсі управління транскордонним співробітництвом свідчить про цікаві факти. Обидва транскордонні регіони є різними за рівнем культурних зв'язків та соціально-економічного характеру, що мало вплив у трьох аспектах ефективності транскордонної політики – формування, впровадження та інновацій. Потужна фінансова підтримка фондів ЄС визначилась уже із 2007 р. Фінансові програми по обидві сторони кордону за період 1995–2005 рр. були меншою мірою різними і не скоординованими, отже, було прийнято рішення з 1995 р. запровадити вперше на німецько-польське прикордоння, а згодом і на інші так звані тоді ще зовнішні кордони ЄС, фонд мікропроектів.

У 1995 р. було засновано фонд мікропроектів саме на проведення численних масових зустрічей на кордоні, спортивних заходів, виставок митців, місцевих ярмарок тощо. Менеджмент цієї фінансової програми був спрощений у порівнянні зі звичайними європейськими проектами, і вважається значно успішною його реалізація, адже було виконано мету – формування взаємної довіри між поляками і німцями в прикордонному регіоні. Наприклад, за період 2000–2006 рр. у рамках фонду було реалізовано 2700 мікропроектів на німецько-польському прикордонні. Польсько-словацьке транскордонне співробітництво, з точки зору реалізації спільних проектів, до 2004 р. вважається одним з найуспішніших у Центральній Європі, адже тут відбувалося майже повне використання наданого фінансування фондів ЄС та реалізація понад 100 проектів на рік [15].

Польсько-чеське транскордонне співробітництво є також одним з динамічних у центральноєвропейському регіоні [10]. В даному випадку акцентуємо увагу перш за все на типології фінансування з боку ЄС – як на підготовці до вступу у ЄС. Програма PHARE CBC (транскордонне співробітництво), що була створена для розвитку транскордонної співпраці в регіонах країн-кандидатів на вступ до ЄС, польською та чеською сторонами розпочала

використовуватись із 1994 р. Головною метою програми була нівеляція негативного впливу кордону та покращення умов життя населення прикордонних регіонів, поглиблення взаємної співпраці та спільне створення умов для кращого подальшого співробітництва по обидва боки кордону.

Програма була націлена на фінансову підтримку прикордонних регіонів країн-кандидатів у контексті їх підготовки до більш солідної транскордонної програми INTERREG після вступу до ЄС. Перший польсько-чеський транскордонний проект у рамках фінансування із PHARE CBC був реалізований у 1999 р. Важливо підкреслити два типи фінансування – потужні інвестиційні проекти на суму 2 млн євро і менші, в розмірі 1 000 – 50 000 євро. Зокрема, польсько-чеські транскордонні програми були спрямовані на розвиток туризму, освіти, підвищення кваліфікації представників органів самоврядування, муніципалітетів, підтримку культурних та спортивних акцій, на підвищення рівня менеджменту з розробки спільних проектів [12].

Починаючи з 1997 р., польська та чеська сторони також використовували і програму PHARE CREDO, яка була розроблена з метою співпраці регіонів Центральної та Східної Європи в контексті підготовки до вступу в ЄС. У цій програмі брало участь 12 країн, і Польща саме на польсько-чеському прикордонні реалізувала цю транскордонну програму, перш за все, щодо сприяння розвитку туризму, розбудови туристичного сервісу, інформаційних туристичних пунктів та різного роду маршрутів, розвитку людських ресурсів – як проведення тренінгів, семінарів та організація спільних виставок митців тощо [4].

Підкреслимо, що саме на польсько-чеському кордоні у Республіці Польща були створені перші найвищі інституційні форми транскордонного співробітництва – єврорегіони за участю прикордонних регіонів країн. За період 1995–2005 рр. метою транскордонного співробітництва було відродження історичних контактів та зв'язків і спільне подолання економічних, інфраструктурних, демографічних проблем. Мотивацією спільної співпраці сторін була саме підготовка сусідніх країн до вступу в Європейський Союз. Головними напрямками транскордонної співпраці є перш за все туризм, а також освіта, наука, інфраструктура, охорона навколишнього середовища, громадські організації, торгові палати, органи самоврядування, втім, існує доволі потужний ще не реалізований потенціал.

Фінансова підтримка динамічної польсько-чеської співпраці з боку ЄС із 1995 р. щорічно складала 1,5 млн євро, а у 1999 р. – 3 млн євро, у 2000–2003 рр. – 5 млн євро, що у порівнянні із польсько-німецьким транскордонним напрямом фінансування щорічно становить 44 млн євро. Мікропроекти на польській стороні – 18 млн євро, тобто стільки ж, скільки у польсько-словацькому вимірі транскордонної співпраці. Важливим, майже домінуючим неінвестиційним аспектом польсько-чеських транскордонних програм протягом 2000–

2003 рр. стала тематика підготовки органів самоврядування, місцевої влади до вступу у ЄС, а також тематика енергетики [13].

Отже, транскордонне співробітництво Польщі наприкінці ХХ – на початку ХХІ ст. було вкрай важливим фактором не тільки з погляду розвитку власне прикордонних регіонів, але і в контексті прискорення європейського інтеграційного процесу країни в цілому. Успішність й ефективність транскордонної співпраці РП із деякими своїми сусідами – Німеччиною, Словаччиною, Чехією, в свою чергу, були вагомими факторами реалізації пріоритетних завдань зовнішньої політики держави.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Brocka-Palacz B. Czy doświadczenia polsko-niemieckiej współpracy transgranicznej mogą być przeniesione na wschodnią granicę UE? / pod red. E. Teichmann, M. A. Weresa // *Rozszerzona Unia Europejska i jej wschodni sąsiedzi: pierwsze doświadczenia współpracy*. Warszawa: Szkoła Główna Handlowa, 2005. 460 s.
2. Brzosko-Sermak A. Polityka lokalna i współpraca transgraniczna miast nadgranicznych – przykład miast bliźniaczych Guben i Gubin [Zasób elektroniczny]. URL: http://www.geo.uj.edu.pl/publikacje.php?pdf=000209_t1_05&to-ken=ac4d077fc90b547bb8a09ced64151023.
3. Brzosko-Sermak A. Theoretical deliberations on frontier location of cities // *Bulletin of geography. Socio-economic series*. 2007. № 7. S. 73–86.
4. Euroregionální přeshraniční spolupráce na česko-polské hranici: sborník z mezinárodní conference (Ostrava 25–26.10.2001). Vyd. 1. Ostrava: Ostravská univerzita. Přírodovědecká fakulta, 2001. 47s.
5. Gorzelak G. Granica polsko-niemiecka – od napięcia do współdziałania w ramach programu współpracy transgranicznej Unii Europejskiej / pod red. G. Gorzelak, K. Krokf // *Nowe granice Unii Europejskiej – współpraca czy wykluczenie*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 1996. 236 s.
6. Guben: Webseite. URL: <https://www.guben.de/>.
7. Gubin: Witryna Internetowa. URL: <http://www.gubin.pl/>.
8. Halas M. Development of cross-border co-operation and creation of euroregions in the Slovak Republic // *Moravian Geographical Reports*. Vol. 15. No.1. 2007. S. 21–31.
9. Jóskowiak K. Polsko-niemiecka współpraca transgraniczna w procesie integracji europejskiej // *Sprawy Międzynarodowe*. № 2. 2009. S. 11–22.
10. Kos B. Rozwój polsko-czeskiej współpracy transgranicznej w ramach euroregionów // *Rozvoj regionů v integrující se Evropě*. Karviná: Slezská univerzita, 2001. S. 278–280.
11. Malkowska A. The Barriers to and Directions of Cross-Border Co-operation in the Northern Part of the Polish-German Borderland // *Współczesne Problemy Ekonomiczne*. № 12. Contemporary Economic Issues. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2016. S. 9–20.
12. Netolický V. Euroregiony: úvod do problematiky. Vyd. 1. Praha: Vysoká škola finanční a správní, 2007. 75 s.
13. Program Inicjatywy Wspólnotowej INTERREG III A Polska – Słowacja [Zasób elektroniczny]. URL: www.slaskie.pl/interreg/i_32_pl_cz_pb_03_05.pdf.
14. Pytlik B. Polityka zagraniczna Republiki Słowackiej w latach 1993–1998 / pod red. J. Osiński // *Administracja publiczna. Między polityką, prawem i ekonomią*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza SGH, 2009. S. 227–261.
15. Sarmiento-Mirwaldt K. Cross-border co-operation in Central Europe: A Comparison of Culture and Policy Effectiveness in the Polish-German and Polish-Slovak Border Regions // *Europe Asia Studies*. Vol. 65. № 8. S. 1621–1641.
16. Współpraca transgraniczna Unii Europejskiej. Doświadczenia polsko-niemieckie / pod red. G. Gorzelak, J. Bachtler, M. Kasprzyk. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2004. 378 s.

Vasilchenko O.*Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Amur State Pedagogical University***ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОРЕЙЦЕВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР
(1923 – 1937 ГГ.)****Васильченко О.***Доктор исторических наук, доцент
Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет***Abstract**

The article describes the main economic activities of Korean immigrants in the Soviet Far East. The characteristic of the policy of the authorities regarding the labor activity of Korean immigrants is given. The author analyzed the reasons for the inconsistency of state policy towards the Korean population of the Far East of the USSR.

Аннотация

В статье охарактеризованы основные виды хозяйственной деятельности корейских иммигрантов на советском Дальнем Востоке. Дана характеристика политики органов власти в отношении трудовой деятельности корейских иммигрантов. Автор проанализировал причины непостоянства государственной политики в отношении корейского населения Дальнего Востока СССР.

Keywords: Koreans, Far East, history, labor**Ключевые слова:** корейцы, Дальний Восток, история, трудовая деятельность

Современное состояние Дальнего Востока России характеризуется значительным увеличением количества трудовых иммигрантов из соседних азиатских стран. В связи с этим представляется актуальным обращение к историческому опыту государственной политики Советской России в отношении корейской трудовой иммиграции в дальневосточном регионе.

Революционные события, гражданская война и интервенция завершились на Дальнем Востоке только в конце 1922 года. Они нанесли значительный урон экономическому положению корейских семей.

Основным видом их деятельности оставался сельскохозяйственный труд. Сдерживающим фактором в развитии сельскохозяйственного производства являлось малоземелье. Например, в 1923 году в Приморской губернии на одну семью русскоподданного корейского населения в среднем приходилось 3,6 десятины земли.

Значительная часть корейцев не имела российского подданства и арендовала землю у казаков, крестьян, а также у государства. Средняя величина арендуемого земельного надела этой группы корейского населения составляла 1,2 десятины на одну семью.

Величина арендной платы за использование земельных угодий колебалась в зависимости от районов Дальнего Востока. Например, в 1925 году корейские семьи Владимиро-Александровской волости Владивостокского уезда платили за аренду одной десятины земли более 47 руб., а в селе Киевичи установили арендную плату в размере 70 руб. за десятину [1, Л. 21].

Размеры земельных угодий не обеспечивали прожиточного минимума корейским семьям. Случавшиеся неурожаи обрекали их на голод.

Безземелье подталкивало корейцев к активным действиям с целью получить дополнительные земельные наделы и снизить арендную плату, что противоречило интересам местных крестьян, опасавшихся лишиться земельных излишков.

Это противоречие породило антагонизм между зажиточными русскими и корейским населением, который усилился в связи с введением в действие 23 января 1923 года Земельного кодекса РСФСР [6, с. 58].

В 1924 году получили земельные участки почти 3 тыс. корейских семей. К концу 1928 года их число достигло 10659. При этом среди корейского населения еще насчитывалось около 12 тыс. безземельных семей.

Наделение корейского населения земельными участками происходило путем перераспределения имевшихся кулацких земельных угодий и переселения части корейских семей на целинные земли в другие районы Дальнего Востока.

По этому поводу на пленуме Дальбюро ВКП(б) (1925 г.) было принято решение: «Считать своевременным и вполне целесообразным начать расселение крестьян-корейцев из Посыетского района и южной части Никольск-Уссурийского уезда вглубь Приморской губернии, а главным образом в Амурскую губернию» [5, Л. 171].

Переселения корейских семей вглубь дальневосточного региона преследовали еще одну цель: рассредоточить многочисленное корейское население, скопившееся в приграничных районах. Например, в 1928 году в Посыетском районе оно составляло 89,2 % от числа всех жителей.

Как и прежде в хозяйственной деятельности корейских семей значительную роль играло культивирование риса. Например, в 1928 году 41,4 % корейских семей (10182 хозяйства) занимались его производством.

Кроме того, органы советской власти активно поддерживали развитие шелководства. Так, 24 ноября 1925 года вышло постановление ЦИК РСФСР «О беспощинном ввозе из-за границы в Дальневосточную область тутовых саженцев» [4, С. 616]. В соответствии с этим постановлением корейцы получили таможенные льготы для импорта тутовых саженцев. В 1931 году по инициативе органов власти был осуществлен ввоз тутовых семян из Японии.

В корейских хозяйствах, как и прежде, преобладал ручной труд. Основными орудиями труда оставались серпы, мотыги, кирки и т.д. Почти не использовались механические двигатели, не хватало плугов и молотилок. Из 15259 корейских семей, занимавшихся сельским хозяйством, пахотных орудий не имели 11280 хозяйств (73,9 %) [3, с. 171].

Органы власти стремились преодолеть техническую отсталость корейского хозяйства, предоставив корейскому населению кредиты для закупки сельскохозяйственного инвентаря и механизмов. Например, в 1925 году Дальревком принял решение, согласно которому финансовые органы открыли кредит для этих целей корейцам Приморской губернии.

По мнению властей, действенным способом подъема хозяйственной деятельности корейских семей могло стать их объединение в сельскохозяйственные артели и кооперативы.

В 1923 году среди корейского населения уже насчитывалось 9 кооперативных объединений, а через год только в Приморской губернии их было 23.

Для роста привлекательности кооперативов местные органы власти оказывали им материальную и финансовую поддержку. Например, их в первую очередь снабжали инвентарем и сельскохозяйственными машинами. Так, в Суйфунском и По-

сьетском районах в 1925 году на коллективные хозяйства корейского населения приходилось 70% реализуемой сельскохозяйственной техники.

Исторические документы позволяют проследить динамику роста кооперирования в хозяйственной деятельности корейцев. В 1931 году 149 корейских колхозов объединяли хозяйства 7442 семей. В 1934 году в крае уже насчитывалось около 200 корейских колхозов. В 1935 году были коллективизированы более 80 % корейских единоличных хозяйств.

Наряду с сельскохозяйственными объединениями получили развитие коллективные хозяйства корейских рыбаков. Например, в начале 30-х годов 2 тыс. корейских семей (5 тыс. человек) были объединены в рыболовецкие колхозы, среди которых наиболее результативно трудились «Аскольд», «Новая искра», «Сучанский партизан», «Ленинский маяк» [2, Л. 65].

Таким образом, характеризуя экономическую политику советских органов власти в отношении корейских семей, следует выделить ее основную направленность – привлечение корейской бедноты на сторону Советов путем наделения земель безземельных и малоземельных крестьянских семей. Государство стремилось к организации среди них колхозов и преодолению технической отсталости корейских хозяйств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 189.
2. ГАХК. Ф. Р-1228. Оп. 1. Д. 159.
3. Пак Б.Д. Корейцы в Советской России (1917- конец 30-х годов). - Москва-Иркутск: Иркутский гос. пед. ин-т, 1995 - 260 с.
4. Российский центр хранения и изучения документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. Р-17. Оп. 68. Д. 191.
5. Собрание законов СССР. - 1925. - № 81.
6. Собрание кодексов и уставов РСФСР с дополнениями и постановлениями Дальревкома. - Чита: Издание Дальне-Восточного Революционного комитета, 1923 -312 с.

THE PROCESS OF REPATRIATION OF KAZAKHS

Kozybakova F.,*Al-Farabi Kazakh national university
Faculty of history, archeology and ethnology
Professor, doctor of historical science***Dossymova G.***Al-Farabi Kazakh national university
Faculty of history, archeology and ethnology
1 course master student***Abstract**

The article discusses the process of repatriation of Kazakhs.

Keywords: repatriation of kazakhs.

About 4.5 mln Kazakh people live outside of Kazakhstan and far and near foreign states. After the Soviet period in the territory of former USSR they lived also in 14 countries and other 25 countries of the world. Nowadays the adoption of Kazakh Diaspora demonstrates the strengthening of the Independence of Kazakhstan. As to the motives of Kazakhs' resettlement, first of all we consider their repatriation periods:

The first period- from 1720 to 1750 persecution of Kazakhs, Alkakol extended years;

The second period- the beginning of XXI century, on the one hand, because of the khanate of Kokand, on the other hand, escaping of the colonial politics of Russian Government Kazakh people relocated the northern part of the Tien-Shan mountains.

The third period –in the 60-80 's of the 21st century, when there is a land bordering between China and Russia thousands of Kazakhs moved to China.

The fourth period – the 1916 national liberation uprising against the Russia's colonial policy, they moved abroad escaping the mass repression of the Russian Empire.

The fifth period -1929-1933s –the period of Stalin's repression.

As a result of the departure of Kazakhs abroad there are 1.3mln Kazakhs in China, 30,000- in Turkey, in Iran -15,000, in Afghanistan –about 45,000 and over 157,000 people live in Mongolia.

The legal support for the repatriates is based on the law "About migration of population" which was published in 1997.

This law provides for integration measures for all repatriates who have moved to the Republic of Kazakhstan. In addition to the "Migration Law," there are various regulatory legal acts. Annually, the repatriates are allocated funding for adaptation of the repatriates through the state budget and financial shares of foreign organizations. International organizations are investigating and providing financial assistance to migrants in the country. These include the UN, the IOM - the World Organization for Migration. If we study Germany's migration experience, they have created a special migration fund since 1947. This fund increased during the 1940's and 1950's, and was collected for the benefit of the German diasporas moving to their homeland in the

second half of the 1980's - early 1990's, in Eastern Europe and the former Soviet republics of the former USSR.

Only 7-8% of Kazakhs currently living in the world have moved to our country. More important is the way they relocated and relocated after the move. Among them there is no national concept as to what specific territory the repatriates should be moving from abroad.

It was focused on relocating only to the northern region for geostrategy and state security. The conduct of the Kazakh Studies (Kazakhization) policy should be the main goal of our state.

In 1991, a letter from President Nursultan Nazarbayev of the Republic of Kazakhstan "White Wishes to Far Brothers" was published.

In 1992, "The Law on Immigration" and "The Citizenship Law" were adopted. These laws provide for numerous benefits for the repatriation of Kazakh diaspora representatives to their homeland. In 1991-1995 137919 Kazakhs moved to Kazakhstan for permanent residence from CIS and far abroad. Mostly from Russia, Uzbekistan, Turkmenistan, Ukraine, Tajikistan, Baltic and Caucasus: 49.4%, Kazakh-immigrants came from far abroad: Mongolia, Iran, Turkey, China, Afghanistan. The main influx of immigrants from Mongolia (1991-1993) during the first three years reached 60,000 people. In the following years, their numbers declined. From 1996 to 1999, 2529 people arrived in Kazakhstan, which is 25.1 times less than in the previous four years, and 623 people left the country. The increase in oralmans' migration from 1996 to 1999 was only 1906 people.

From 1989 to 1999, 4,3057 repatriates relocated to the country. (21636 men and 21,421 women).

The majority of oralmans settled in rural areas, 76.8 percent. Their main settlements were Akmola, Karaganda, Almaty, Pavlodar and East Kazakhstan regions. It was difficult for immigrants to adapt to the country, as they were scattered throughout Kazakhstan. In recent years, intra-republican migration of repatriates has been observed. Only in 1997-1998 650 repatriate families moved in the rural areas and from the village to the city, the villages of the Karaganda region and the regional centers. Due to the severe climate, cold winters, shortages of living necessities and the lack of necessary tools to cultivate the land in most areas of Kazakhstan, they (for hope of finding a job) force them

to move to the city. The repatriates from Mongolia were very difficult to adapt to, except for Russian, their mentality and language different from that of local Kazakhs. Let's talk about the reasons that have made the migration difficult for the last 4-5 years, the most important ones: the beginning of economic crisis in 1995-1996 in Kazakhstan, as a result of which it was very difficult for the main migrant object - agriculture. It took a certain time for the immigrants to understand the challenges of life that were difficult to cope with. Some of the immigrants turned back, not paying attention to what they were aiming for, and convinced that they could not withstand the living and social conditions there.

In connection with these issues, the Migration Law was adopted on December 13, 1997.

It is obvious that the aforementioned problems of the repatriates have puzzled the Kazakh intellectuals. These are the disadvantages that are currently in use.

"Repatriation" means the return of our compatriots living abroad to their historical homeland. 1997 For the first time, the definition of repatriate was applied to our compatriots from abroad in the adopted law "On migration of the population." The law states: "Repatriate (repatriate) is a general act of political repression outside the historical homeland as a result of illegal requisition, forced collectivization, inhumane and other actions expelled and deprived of citizenship, voluntarily for the purpose of permanent residence in the Republic of Kazakhstan immigrants, as well as their descendants "

In March, 2003, according to Article 1 of the Law on Repatriation, repatriates are foreigners of Kazakh nationality, statelessness, and permanent residents in Kazakhstan. The need for the repatriation process in the Republic of Kazakhstan: first, the repatriation process will restore the demographic situation in the country and change the ethnic balance, cover migration costs and restore ethno-demographic inconsistencies of previous years; secondly, it is an important step in establishing the historical truth and preserving national unity; thirdly, the experience of adaptation of our compatriots living among other nations with underdeveloped market relations has the potential to influence the modernization of the economic mentality of the people of Kazakhstan. Fourth, the preservation of the Kazakh language, customs and culture of foreign Kazakhs, the great contribution to the spiritual wealth of our nation, as well as repatriation is proposed as an integral part of the national idea [3]. Sovereignty is the main dream of repatriates to return to their homeland, to become citizens, to get rid of their ancestral lands, to beautify the country. Today, the return of patriotic Kazakhs to the historical homeland affects the growth of our population and improves the demographic situation. It is clear that the migration of ethnic Kazakhs abroad will increase the population and the share of indigenous peoples in the world as a whole. At the same time, in the process of settling down, the ethnic group takes into account certain ethnic and cultural features of the environment, in addition to spiritual and material values, in close contact with other ethnic groups.

Therefore, we should not be afraid of the cultural peculiarities of our compatriots who have returned to their historical homeland, but should be sympathetic to their cultural changes. And in some cases, a group of them are public figures, poets and businessmen, who

are trying to revive the forgotten qualities of our people, to learn from the example of the past. Therefore, we need to welcome our compatriots back to the country in a fraternal way and create conditions for them to find a place in our community and become part of the country.

The most notable features of the repatriation process in independent Kazakhstan are, firstly, the return of ethnic Kazakhs to their historical homeland, which restores the demographic gap in the country, as one of the main priorities of the migration policy of the Republic of Kazakhstan; secondly, the establishment of an existing repatriation mechanism, the availability of a state fund for migration measures, the allocation of benefits and compensation, and thirdly, an annual repatriation quota, which covers all costs of repatriation and partially adapts to Kazakhstani society;

fourthly, the establishment of the Agency for Migration and Demography, the current Committee on Migration under the Ministry of Labor and Social Protection; fifthly, the establishment of the Information and Advisory Commission on the Affairs of Compatriots Living Abroad; establishment of friendship and the existence of its presidium, which will guide the work with the Kazakh diaspora, seventh, to repatriates, the Kazakh diaspora support and social assistance from the individual state.

The return of ethnic Kazakhs to the historical homeland has a special place in migration issues. This is the migration of repatriates, which will improve the demographic situation in Kazakhstan and increase the population.

1990s The peculiarity of repatriation was that it began with the employment contract. During the years of independence, our compatriots from Mongolia went to the repatriation process. This process was continued by our partners in the People's Republic of China, Turkey, Iran, Afghanistan, and later in Tajikistan, Russia, Uzbekistan and Turkmenistan. The process of repatriation in independent Kazakhstan is a phenomenon with a sense of national identity, the realization of the dreams of our compatriots living abroad, associated with various historical phenomena. 1990s Most of them were from abroad. Authorities have attempted to evacuate their compatriots in the Islamic Republic of Iran, which has been hit hard by the threat of war.

In 1991-1993s the majority were from Mongolia. However, since the beginning of the privatization policy in the country, most of those who came have been excluded from these situations and have moved in due to economic burdens. 1993 The first immigration quota was issued in 1997. The adoption of the Law "On Migration" has created a new wave of immigration of our compatriots. The visitors tried to settle in the southern regions of the country. In the beginning of 2000s there were more immigrants. Especially in the neighboring ecological disaster areas there were a lot of migrants. The weather is favorable for visitors, but the workplaces are located in the southern regions. Despite the large allocation of quotas to Uzbekistan, the number of non-quotas is growing. The need for one-time social assistance for repatriated repatriates in the first place facilitates their adaptation to the Kazakh environment. It is also possible to open small government organizations that will organize and prepare for the migration of Kazakhs to foreign lands. Today, the most difficult issue

for ethnic Kazakhs from abroad is permanent registration. Permanent registration can not be obtained without a certificate of morality, ie can not be employed. This is a big obstacle for our compatriots to come to the audience. The solution to such shortcomings will allow our compatriots abroad to visit more and more people.

The issues of employment, housing and citizenship for traders arriving in the historical homeland are of concern. Due to the complexity of the implementation of these conditions, traders are struggling to cope with the situation in modern Kazakhstan. The states have carried out a number of works on employment of repatriates.

Since most of them came from rural areas, they were provided with the necessary tools to build land and farms. The microcredit program is being implemented.

However, not all repatriates stayed in the first place, repatriates from Mongolia preferred Kokshetau, Akmola, Karaganda, Kyzylorda oblasts, and those from Iran - Almaty, South Kazakhstan and Mangistau oblasts.

Recently, their internal migration has been observed in the republic, a number of repatriates have moved to the southern regions of Kazakhstan, and a number of rural areas are moving to the cities.

This is due to the socio-economic interests of repatriates.

Many repatriates face serious challenges in the civil service. Many Kazakhs in Uzbekistan are registered as "Uzbeks" and live among large numbers of Uzbeks. Kazakhs are often found among the Kipchak and Konyrat tribes. At the same time, the renunciation of citizenship of the Republic of Uzbekistan will not be easy for Kazakhs.

The majority of repatriates settled in South Kazakhstan, Mangistau, Almaty and Karaganda regions. Those who returned to our country are becoming citizens of Kazakhstan.

Our compatriots from Afghanistan will be granted citizenship without interruption. Because they have no citizenship.

In Uzbekistan, this problem is exacerbated every year. If our brothers from Uzbekistan and Turkmenistan have the Red Passport of the former USSR, they will be accepted as citizens of our country.

In 1995, the Law "On the Rights of Foreign Citizens" residing in the Republic of Kazakhstan.

According to the law, if a foreign citizen is a permanent resident of the Republic of Kazakhstan, his / her rights are equal to the rights of citizens of Kazakhstan. They do not have the right to vote. In Kazakhstan, dual citizenship is not allowed, and the country is significantly complicated by the law on renunciation of citizenship.

It is especially difficult to relinquish Mongolian citizenship, which makes it difficult for Kazakhs to return to their homeland. And the lack of Kazakh citizenship casts a shadow over the situation of foresters.

The state is taking a number of measures to facilitate the adaptation of Germans. The Kazakh family, who returned to their homeland with a migration quota, will be given shelter.

The Commission on Migration and Demography will provide financial assistance to those who have received a quota and have already received housing. The state is not able to provide for itself and its family, and the necessary documents on this are taken care of by all people. [4].

Kazakhstan, one of the largest countries in the world in terms of land and natural resources, has a promising future. Nowadays such kind of problems are not a secret now, but they are temporary burdens. It will soon be possible to overcome these challenges and become one of the most developed countries in the world. We think that the most important issues of the Kazakh Diaspora will be resolved.

REFERENCES:

1. Esmagambetov K.L "Kazakh diaspora: problems of ethnic survival. Almaty: Atamura, 1997.-224 page"
2. The law of the Republic of Kazakhstan on migration. December 13, 1997
3. Kozybaev I. About repatriation of Kazakhs // Analytic. - 2007. - № 17 - C. 82-88.
4. Nurymbetova K.K Problems and prospects of repatriation in independent Kazakhstan: historical analysis. Author ... Almaty; 2010
5. "Kazakh Diaspora and Repatriation" (1991-2012) monograph. K.N.Baltabayeva, T.A.Mamashev, J.A.Ermekbay, A.J.Baymagambetov - Almaty, Eltanym, 2015: -568 page, 12 illustration
6. Kalish A.B, Kasymova D.B "Ways of integration of oralmans in Kazakhstan society: realities and challenges", Almaty: Kazakh University, 2013, -245 page.
7. Kalish A.B, Kasymova D.B. "The field and meanings of the sociocultural integration of ethnic repatriates"-Almaty: Kazakh University, 2014.-202 page.
8. Kalish A.B, Kasymova D.B "Kazakh migrations: challenges of ethnic repatriation in the context of globalization", Almaty: Kazakh University, 2015, -146 page.
9. "Kazakh Diaspora: today & tomorrow"-Astana: Elorda, 2005.-352 page
10. Kinayatuly Z. "Chronicle of the years of weeping"- Almaty: Merey, 1995-298page
11. Mendikulova G.M. "The historical fate of the Kazakh diaspora. Passage and development", -Almaty, Science, 1997, -261p
12. Mendikulova G.M. "Kazakh diaspora. History and development", -Almaty, Reiz, 2006, -341p
13. N.A.Nazarbaev "The whole Kazakh history is the history of unification, the history of unity"//-Kazakh History.-1998-№ 3.-3-10pages
14. Aydarbaev S. "International legal and internal state aspects of the status of national minorities in Kazakhstan"-Almaty, 2006. - 215p
15. "Kazakh diaspora: problems of ethnic survival" by Esmagambetov K.L Almaty: Atamura, 1997.-298 page"
16. Kalish A.B, Kasymova D.B "The Repatriates of Kazakhstan", Almaty: Kazakh University, 2015, -364 page.

PREVENTIVE DIRECTION AS THE BASIC PRINCIPLE OF KAZAKH TRADITIONAL VETERINARY**Duisebaeva A.***1st year PhD student of Department of History
Al-Farabi Kazakh National University
Kazakhstan, Almaty***Abstract**

The article discusses about the preventive practices of the traditional veterinary medicine of Kazakhs in the 18th-19th century, as one of the basic principles of keeping and preserving, and also protecting cattle from mass mortality, infectious diseases in various natural and geographical conditions.

Keywords: Kazakh traditional veterinary, preventive practices, cattle breeding

The Kazakh people have vast experience in organizing livestock production. This experience is enriched by a number of peculiar folk techniques and methods of keeping and preserving cattle in various natural and geographical conditions. It must say that these methods are largely effective and at the same time can be scientifically substantiated equally from a zootechnical and veterinary point of view.

This includes pre-revolutionary nomadic, and in modern times, "distant" cattle breeding. It is clear that "nomadic" and "distant" cattle breeding are not identical. The main difference between transhumance and nomadic cattle breeding is that with the maximum use of natural fodder resources in pre-designated areas, on the areas of distant pastures, insurance funds for coarse and concentrated feeds are created, lulls are arranged, which completely eliminates the possibility of severe consequences of the elements (snowstorms and ice). The organization of livestock breeding makes it possible not only to increase the quantity of livestock, but also to increase its qualitative side, i.e. improved pedigree and high productivity.

Nomadic cattle breeding also made maximum use of natural fodder resources and achieved a quantitative increase in the herd with constant livestock maneuverability in a vast territory with a very low population density, with the least human effort, could not improve the quality of livestock and increase productivity. Consequently, nomadic animal husbandry was entirely extensive. Driving livestock, using machine technology, improving the quality of the livestock and increasing its productivity, has become intense.

These circumstances inevitably led to the creation of peculiar methods of cattle breeding and its protection inherent in the Kazakh nomadic cattle-breeding farm. What are these methods? The proper use of natural fodder resources, taking into account the diversity of climatic, physical and geographical conditions, vegetation cover and water regime, as well as the registration of the well-being or dysfunction of the area (long or short-term). In the "Eastern Review" it is indicated that the Kazakhs "make the right pasture changes (migrations), stop at a known productivity of grasses, according to the seasons, the abundance of feed. Everything here is an observation experience and a kind of cattle-breeding culture developed over the centuries" [1, p. 2]. Of the widest mass of Kazakh cattle breeders, their experts on livestock diseases stand out, to whom the knowledge of

veterinary medicine is inherited. The steppe pastoralist knows a lot of diseases and can treat them quite rationally [2]. At the same time, the use of natural fodder sources is subject to the inviolability of the law - seasonal exploitation of grazing land: winter livestock (Kystau), spring farm (Kokteu), summer farm (Jailau) and autumn farm (Kuzeu).

Wintering, as a constantly used area annually, has the necessary number of pastures in accordance with the livestock population. As a rule, wintering is located in forests or in wooded and mountainous terrain, which ensures the protection of animals from bad weather, the softness of the snow cover and the presence of dense and high grass stand are maintained. These conditions have the advantage that the animal spends less work, with a small area of clearing from the snow, but produces a larger amount of the necessary food. Summer land is an open, privately owned pasture area, provided with an abundant amount of water in the form of rivers, lakes and other sources.

"Jailau", "kuzeu", "kystau" are an inextricable unity in the process of keeping livestock, which meets the tasks of cattle breeding, as well as the economic, veterinary, in particular, epizootological effect. Failure to comply with the pre-established procedure for the use of pastures leads to a violation of "harmony in the nomadic economy" [3, p. 26]. During the period of summer keeping, the main goal is to ensure the proper feeding of the livestock and to educate the young younger generation. In addition, a partial, selective sale of animals is carried out, primary, small cleaning of the herd, then shearing and using wool for various household needs and selling surplus.

Cattle grazing is still ongoing on the autumn lands ("kuzeu"), but the main content of the work is intensive preparation for winter maintenance. The autumn maintenance is based on the strictest culling, mass sales of livestock, slaughter for one's own needs ("sogm") and fattening, mainly of cattle and horses, followed by slaughter in the autumn-winter time. Thus, only stable, healthy animals go to winter, which can bear the severity of winter conditions for livestock. In spring areas (Kokteu) cattle, foal and calving, breakdown into schools, flocks, selection of producers and everything related to the preparation for frequent summer transitions during the coming season are carried out. From the foregoing it is clear that all these processes in their complex contain a clearly defined preventive direction.

From an epizootiological point of view, it is still very important that the return to each of these seasonal sites occurs, as a rule, after a year. At the same time, in the process of land use, a systematic preventive alternation of pastures takes place, within each seasonal site. Even in winter, a kind of cellular land use system is observed. Of course, such a system can be observed in the presence of one of the main conditions - a sufficient amount of seasonal grazing area. To all of the above, it should be added that the Kazakhs often used artificial preventive treatment of pasture lands. Valikhanov writes on this issue that "Summer migrations are burned out in the autumn to destroy insect larvae disturbing during the summer, while winter remain intact all summer" [4, p. 107]. The main attention of Kazakh traditional veterinary medicine, from the very distant past, was mainly focused on the organization of preventive precautions that meet the basic requirement: it is easier to protect than to treat, "The disease is from food," the Kazakh proverb says. The selected places for temporary use of pasture lands are indicated by the established signs - tribal tamga, etc., which warns that the indicated area is occupied and its face cannot be violated by anyone. The selected territory for temporary operation, regardless of its size, should not bear traces of its use, for the most part during the entire current year season and any mass movement of extraneous livestock along it is prohibited. Further, of course, the frequency of changing parking lots and pastures is of tremendous preventive value. Constant airing of objects "in contact with sick animals, affecting the cessation of the disease in a dysfunctional area, reduces the percentage of diseases in the infected herd by 30-35% of the total number of cattle" [5, p. 76]. There, this conclusion is important that it is made in relation to such an acute infection as cattle plague is. In cases where a disease of an infectious nature has occurred, sick animals are immediately separated from healthy ones and, as a rule, are soon slaughtered; pastures are immediately replaced. Driving animals in this case is differentiated.

In the beginning there is a safe herd, behind it, at a distance of 3-5 km - suspicious of infection. In the event that there are a significant number of sick animals, and they cannot be slaughtered from economic calculations, hoping for a partial cure, this group of cattle remains in place, under appropriate protection, followed by warning of the neighboring nomadic oxen. Kazakh cattle breeders, in particular in relation to anthrax, carefully registered dysfunctional areas. The main natural and geographical signs (locations) were transmitted from one nomad to another, and thus, it became known to the widest circle of local Kazakh population. In addition, Kazakhs "often take radical measures in the form of burning or burying corpses with skin" [6, p. 14]. In order to prevent the su-aura of camels, the driving of which is carried out before the summer horse flies, the dropping of camels to marshy and stagnant video sources, as well as to dense reed thickets, is avoided. Pastures for them are selected in the depths of the steppe. If grazing is done in the meadows, in this case more elevated, dry, windy places are chosen. If necessary, avoid keeping camels in forests and moving them during the flood period. Watering is

carried out mainly from wells or from flowing water sources. When keeping livestock in winter-stable conditions, which applies to sheep and partly to cattle, preference is not given to a warm, but to a cool room, which, however, must be dry, "so that the cattle in the rooms are not sweated and kept dry," in Otherwise, "various skin diseases" easily appear [6, p. 15]. Also, V. Benkevich noted that "by starting to keep cattle in the yard and driving it only into the snowstorms in a cool stable, we were able to make sure that all animals have a better look and get better" [6, p. 18]. A warm room is used only for newborn young animals and exhausted animals. The pasture-steppe keeping of animals has long attracted the attention of practitioners and scientists who have noticed its slight advantage over the stall.

Already at the beginning of the 18th century, scientific livestock breeders, having come to such a conclusion based on observations, from the end of the 19th and even the beginning of the 20th century began to reinforce it with the setting of extensive experiments, studying, first of all, the economic, fodder and sanitary value of free pasture livestock. As a result, positive experimental findings were obtained on the high efficiency of grazing. What are the benefits established through rigorous experimentation?

The grazing content of livestock has a beneficial effect on the growth and development of the animal's body, accelerating the age and fertilization by 3-4 times, compared with the stall content, increasing the quality and quantity of dairy products. Improving the growth of young dairy cattle, in which the chest develops well and the digestive system is strengthened, in meat-producing animals, in addition, a wide skeleton is created, the constitution is strengthened as a whole and their excessive effeminacy is eliminated. It was established that the digestibility of feed with a stall content is lower than with pasture and that gastrointestinal diseases are sharply reduced. Resistance to infectious diseases increases, in particular, the percentage of tuberculosis infection drops sharply, colds are reduced. Simplicity of upkeep is also economically viable, which reduces the costs of covering the labor force for caring for animals, the purchase of concentrated feed, and more.

A solid place in Kazakh traditional veterinary medicine is occupied by the problem of specific prophylaxis, as a method that can protect animals from infectious diseases. Among them, first of all, is the practice of artificial re-conditioning in foot and mouth disease, tissue immunization in case of infectious pleuropneumonia (booth) of goats, smallpox of sheep, etc. These methods of protecting animals from mass death, to a certain extent, have justified themselves in practice, which actually was later confirmed by scientific research [7, p. 59].

Veterinary and medical practice arose and developed along with the cultural growth of a person, expanded its activities with increasing domestication. The instinct of self-preservation, a sense of fear of illness and death, prompted a person to search for means that could stop and defeat a painful condition. He found

these funds, accumulated and improved. Curative practice was not a profession of a narrow circle of people, but was the property of all. Remedies and methods of their use were characterized by mass character and diversity: "the whole nation, everyone could be initiated into the secrets of treatment, everyone could apply their medical experience and knowledge" [8, p. 97]. This can be explained by the fact that the life of the Kazakh people was inextricably linked with cattle breeding. Over the course of many centuries, its own specificity has developed, which differs sharply from the methods of its conduct with other peoples, and is therefore endowed with originality and independence.

REFERENCES:

1. Vopros o zaselenii stepej i priuchenie kochevnikov k zemledeliju // vostochnoe obozrenie. – 1885. – №40. – S. 2-4.
2. Argynbaev H.A. O narodnoj veterinarii kazahov / Istorija i kul'tura Aralo-Kaspija: sb. st. Vyp.1. – Almaty: Kys zholy, 2001. – 228 s.
3. Dzhanjurin S. Ocherki kirgizskogo kon-evodstva // Konnozavodstvo. – 1883. – № 7-8. – S. 26-33.
4. Valihanov Ch.Ch. V 5-i tomah. Tom 4. – Alma-Ata, 1985. – 463 s.
5. Ocherk Kirgizskih stepej v veterinarno-sanitarnom otnoshenii. – SPb., 1890. – Kn. 5-6. – S.76-77
6. Benkevich V.Ja. Nabljudenija, materialy i zametki, sobrannye v kirgizskoj stepi // V.O.V. – 1905. – №18. – S. 12-26.
7. Kozhakin S.K. Istorija veterinarii v Kazahstane: Diss. kand. vet. nauk: Alma-Atinsk. zoovet. institut. Alma-Ata, 1949. – 623 s.
8. Vrachebnyj byt dopetrovskoj Rusi: (Materialy dlja istorii mediciny v Rossii) / Vrach. F.L. German. Vyp. 1. – Har'kov: A. Darre, 1891. – 119 c.

TRADITIONAL CLOTHES OF KAZAKHS FROM THE COLLECTION OF THE CENTRAL STATE MUSEUM

Yermekbayeva A.

Phd student. Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

Abstract

The article discusses the traditional clothing of the Kazakhs from the collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan as one of the basic components of the life support system of the ethnic group. Mainly the article reveals headaddresses and underwear of women and men. Preference was given to the so-called anthropomorphic principles.

Keywords: Traditional Kazakh costume, functions of clothes, ethnographic collections of Central State Museum of the Republic of Kazakhstan.

Clothing takes a special place in the material culture of the people and reflects its centuries-old history. The Kazakh folk costume reflects the ancient traditions associated with their ethnic history, economic, social and climatic conditions.

A unique manifestation of the material culture of the past is the Kazakh folk costume, created under the influence of living conditions in the steppes with their sultry summers, with piercing winds, frosty winters, large differences in daytime temperatures. It reflected the aesthetic ideals of the people, their lifestyle, social equivalents. It is distinguished by a distinctive originality and played a role in preserving and strengthening the ethnic identity of the people.

The study of Kazakh clothing, as well as any area of national life, is closely connected with the study of a number of important problems of the history and culture of the Kazakh people. Clothing occupies a special place in the material culture of the people, reflecting its centuries-old history. Changing under the influence of new economic and political living conditions of the people, clothing steadily preserves a number of ancient features in the forms, details of cut and jewelry, the identification of which provides material for studying the specific history of the people and their culture [1, p.59].

The traditional costume of the Kazakhs has long been an object of study of ethnographic science. The

Kazakh folk costume reflects the ancient traditions associated with their ethnic history, economic, social and climatic conditions. As an object of study of ethnographic science, it was reflected in A.Kh. Margulan [2], H.A. Argynbayev [3], U. Dzhanibekov [4], N.Zh. Shakhanova [5], in numerous articles of Kazakhstan ethnographers. Particular value is the monograph written by Zakharova and Khodzhaeva "Kazakh national clothing of the XIX-early XX centuries."

The costume of the people of Kazakhstan throughout its history has constantly changed, like any other phenomenon of culture and life. However, it retained elements related to the traditional past, bearing ethnic lines that had developed in the process of historical development of the people.

As in any other culture, the clothing of the Kazakhs in a traditional society performed several functions. The main pragmatic function of clothing is to protect a person from the effects of the environment. But, besides this, the traditional costume also played the most important "identification" function: by the way and what the person was dressed in, it was possible to determine not only his gender and age, but also his social status, gender affiliation.

Kazakh traditional clothes, which reflected the aesthetic tastes of the people, the way of life in the past, social relations, pronounced originality. The total number of traditional Kazakh clothes in the collections of

the Central Museum is 371 storage and exhibiting units (I must say that these data were presented in 2009, at the moment this figure is more than the units shown), the chronological range of existence that covers the period from XVIII to mid XX. With a certain degree of conventionality, we can say that the process of forming stock and expositional collections, in particular, Kazakh clothes, and the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan consists of two stages: Orenburg and Almaty itself. According to available data, out of all 371 items of various types and types of Kazakh clothes, the Orenburg stage of adding up the museum's stock and exposition collections accounts for only 8 storage and exhibiting units [6].

A few words about the history of the museum. The Central State Museum of the Republic of Kazakhstan (Almaty) is the oldest and largest museum not only in Kazakhstan, but also in the entire Central Asian region. The composition of the organizational foundations of the Central Museum of Kazakhstan dates back to the 30s of the XIX century and has an almost two-century history. The museum's stock collections include about 300 thousand items.

The foundation of the first collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan was based on the collection of the Orenburg Museum. The creation of the museum in the city of Orenburg in 1831 can be considered the time of adding up the stock and expositional collections of the leading museum of Kazakhstan. The first museum in the city of Orenburg was founded in 1831 by the Orenburg military governor, adjutant general Pavel Petrovich Sukhtelen. In July 1929, the Central Regional Museum of Kazakhstan completely moved to the city of Almaty, and in the same year on July 13, a meeting of the museum council decided to rename the Central Regional Museum of Kazakhstan to the Central Museum of Kazakhstan.

Subsequently, the Central State Museum, in its formation and development, experienced tangible events and, as one of the main cultural, educational and scientific institutions, made an invaluable contribution to the development of the republic. Having survived the Orenburg, Kyzyl-Orda, Alma-Ata periods and having achieved certain results in the study of archaeological, ethnographic and geographical wealth of the region, he introduced the public to the history of the country. The museum has seven main stationary halls, the diverse collections of which allow you to get a visual representation of the history and culture of Kazakhstan from ancient times to the present: "Hall of paleontology and archeology", "Hall of historical ethnography", "Kazakhstan during the 2nd World War, the culture of diasporas", "Modern Kazakhstan", "Open Fund", "Museum of Anthropology", "Khludov Hall" Since 2006, the museum has been operating with the official status of a research organization, which served as a new impetus for improving both research and cultural and educational work.

Describing in a short form the history of this museum, I wanted to explain why the indicated 8 units of Kazakh traditional clothing are assigned to the collection of the Orenburg Museum. And besides, I want to

note that 371 units of storage and exhibiting of a collection of traditional clothes in fact are represented in such a small number of countries. Director of the Central State Museum, the famous scientist ethnologist, professor Nursan Alimbay explains the above collection of low-quantity traditional clothing of Kazakhs by the fact that, at the end of the 19th - 20th years of the 20th century, Kazakhs, being in the orbit of the strongest and permanent socio-economic, cultural, historical and political influences and domination of the Russian Empire, began to actively use products, including various types of factory-made clothes. As a result, a number of species (especially the so-called mass types of hats, outerwear, underwear, shoes) have lost their former practical expediency and relevance. Secondly, he notes that many elitist types and types of clothing of nomads (festive, ritual, ceremonial) stored at home were mercilessly destroyed in the second half of the 1920s and 1930s [6, p.11]. Similar data were given in the works of Zakharova and Khodzhaeva. They wrote that as Russian capitalism penetrated the Kazakh steppe, Russian goods, including fabrics, began to displace Central Asian products. At the same time, factory fabrics supplanted home-made fabrics, which was associated with the general process of developing the marketability of the Kazakh economy and the destruction of its natural character [7, p.32].

In general, Kazakh national clothing is simple. Fur trim, applique, embroidery, widespread use of all kinds of jewelry give her elegance. The material base for writing this article was the scientific catalog "Traditional Kazakh costume", which is the first volume of ethnographic collections of the head museum of the republic, characterizing almost all aspects of the traditional way of life of Kazakhs. Also there was widely used scientific literature, covering the most diverse aspects of traditional clothing as a special historical and ethnographic category.

The most expressive and distinctive part of the traditional costume is the headgear, since they play a leading role in the identification function of clothing. In headgear, both age and gender and territorial differences are most stable. Kazakh hats are divided into two groups: men's - hats of various shapes and sizes and married women - bedspreads and a turban (female turban), and both are made of white fabric. Girls wore hats of the same type as men. The headgear of a young woman combined the features of one and the other group - a solid (felt) hat and bedspread [1, p.208].

In the collections of the museum from the traditional clothes of the Kazakhs, there are two units of ceremonial men's hats - murak. In relation to such ceremonial and ritual purpose of the headdress as the murk, the Kazakhs had a rather clear and tough order that had developed over the centuries: only one category of nomadic society had the exclusive right to wear the muruk - representatives of the especially privileged estate of the torah (khans and sultans) considered direct descendants of Genghis Khan on the paternal side [6, p.20].

The upper headdresses of the Kazakhs were diverse. In summer they wore light felt hats (kalpak)

and a hat with a fur edge (borik), in winter they wore fur hats of a special cut (tymak).

Kalpak (felt hat with brim) - a hat made of thin felt was widespread in Kazakhstan. They sewed it mainly from white felt, sometimes when felting crushed chalk was poured into the felt to enhance whiteness [1, p.210]. In the museum fund there are 5 units of kalpaks that were acquired during an ethnographic expedition. The authors of the article "Kazakh hats (local classification experience)" Zakharova and Khodzhaev distinguished three options for tailoring a kalpak. The first is cut in the form of a semicircle, with one seam extending from behind. The lower part was cut from the sides and turned away as fields. The second option: the kalpaks were sewn from two identical halves, resembling an anchor in shape, the tulle was high, narrow, with a rounded crown, and the semi-lunar edges that were not sewn below were greatly expanded, they were bent, forming fields. The third cut is made of four identical wedges of a triangular shape [1, p.210].

The wedding headdress of the girls, sukele, was rich and beautiful. This is a tall hat trimmed with expensive fur and decorated with silver, sometimes golden curly plaques, inlaid with precious stones, with temporal pendants made of coral and pearl strings [4, p. 42]. The main parts of saukele are taj (crown), tobe (crown), kulak bau (ear lobes) and artky bau (rear lobes). A separate inner hollow part of the sukele, worn with it, is called a «zere».

In the past, sukele was the bride's mandatory headdress. They prepared it in advance, and he was already in the dowry of the girl. Sukele determined the social position of the girl and was her dowry, which, however, irrevocably passed to the husband's family, remaining at the disposal of this family [7, p.111]. And in the collections of the Central State Museum of Republic of Kazakhstan there are 6 units of women's wedding hats purchased from different regions of Kazakhstan.

The most versatile and common type of Kazakh hat is borik, which men wore all year round. The basic cut was the same throughout Kazakhstan. A hat with a fur band with the same name was worn by girls. In form, it did not differ from the male. The top of a girl's borik is decorated with owl feathers or various tassels [1, p.212].

Body garment, which includes dresses, shirts and pants. Wearable women's clothing in the XIX century consisted of a shirt that served as a dress at the same time, and pants. The dress shirt (koylek) was made from different fabrics. Light cotton fabrics slit on his everyday shirt. In the XVIII and early XIX centuries dresses were blue and red colors.

By the end of the XIX century and at the beginning of the twentieth century there was a new cut dress, which gradually completely replaced the old one. The dress was detachable, with a bodice, and a skirt cut-off at the waist. The bodice was sewn in an old tunic-like fashion, the width of one piece of cloth, and a straight, very wide skirt was sewn to it, assembled in an assembly or laid in a fold [7, p.81].

Rich women sewed dresses from silk, satin, velvet and they did not differ in a special cut. In the late XIX - early XX century dresses were often decorated with

rows of silver coins or special plaques, plates with patterns.

Dresses with decorations were worn only by girls and young women up to thirty years old. Older women considered it indecent to wear a dress with embroidery and silver. The elderly wore clothes without decorations. An exception was the chest patch - onir [7, p.84].

The complex of men's clothing of the Kazakhs was very stable. For many centuries, the types of material, cut elements, clothing decorations changed, but the basic composition and principles of cut remained almost unchanged. Social differences in clothing were also primarily manifested in its material and workmanship.

Men's clothing consists of a body shirt and trousers, upper shoulder overalls and harem pants and harem pants usually tucked into boots.

Directly on the body, a man wore a shirt and pants. In the XVIII - early XIX century kazakhs used to wear overalls "zheide". In the XIX century there was some changes in tailoring zheide. In some regions, the name "zheide" was renamed to "koylek". The shirt and dam-bal are considered among the Kazakhs lower underwear [7, 34].

The classification of the symbolic functions of the costume can be built on a different principle. For the criterion of difference, one can take not the specifics of a person's practical activity, as was done above, but the qualitative originality of a symbol. Each type of symbol can, in one way or another manifesting itself in a culture, perform a special function due to its specificity. From this point of view, the question of whether the costume or another cultural phenomenon is the bearer of one or another symbolic function becomes secondary.

And in the end, I wanted to show the identification of Kazakh national clothes, in particular men's and women's costumes, as a harmony of traditions and innovations in ethnic culture, distributing this according to an anthropomorphic principle from the collection of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. The material database for writing this article was the scientific catalog "Traditional Kazakh costume", which is the first volume of ethnographic collections of the head museum of the republic, characterizing almost all aspects of the traditional way of life of Kazakhs.

REFERENCES:

1. Zaharova I.V., Hodjaeva R.D. Golovnye ýbory kazahov (opyt lokalnoi klassifikatsii) // Traditsionnaya odejda narodov Srednei Azii i Kazahstana. – M.: Naýka, 1989. – 255 s. (204-228)
2. Margýlan A.H. Kazahskoe narodnoe prikladnoe iskýsstvo. Alma-Ata: Oner, 1986.
3. Argynbaev H.A. Qazaq halqyndaǵy semia men neke. Almaty, 1973.
4. Djanibekov Ý. Kýltýra kazahskogo remesla. – Alma-Ata: Óner, 1982. –144 s.
5. Shahanova N. Mir traditsionnyı kúltýry kazahov (etnograficheskie ocherki). –Almaty: Qazaqstan, 1998. – 184 s.
6. «Qazaqtyń dástúrli kúim-keshegi» (ıllýstratsıalangan ǵylymı katalog). – Almaty: Óner, 2009
7. Zaharova I.V., Hodjaeva Ý.D. Kazahskaaıa natsionalnaıa odejda. Alma-Ata, 1964. 178s.

NOMADIC TRIBES OF CENTRAL ASIA IN PRE-MONGOLIAN PERIOD: CAUSES AND FACTORS OF MIGRATIONS

Mensitova G.

PhD student. Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Abstract

This article focuses on the migration processes of Turkic ethnic groups in the pre-Mongolian period. The author analyzed the main causes and factors of migrations of nomadic tribes, who, mixed during the endless conquests, settling on new lands, thus expanded the political boundaries of the Great Steppe.

Keywords: Central Asia, Great Steppe, nomads, migrations, tribe.

The modern ethnic map reflecting the resettlement of Turkic peoples is the result of thousands of ethnogenetic and migration processes. The oldest centers of Turkic ethno- and glottogenesis are inextricably linked with the east of Eurasia - Southern Siberia and Inner Asia. This huge region was not isolated from neighboring civilizations, nor from mountain taiga and steppe tribes of a different ethnic appearance.

Along the mountain ranges of Altai, stretching south to the Gobi Desert, along the valley of the upper Yenisei and its tributaries, an ethno-contact zone passed in that distant era, to the east of which Proto-Altai tribes predominated, and to the west Indo-European. The routes of migration flows, now intensifying, then calming down, permeated the entire Great Steppe. For thousands of years, up to the first centuries of our era, Turkic ethnogenesis was associated with the east of the mountain-steppe zone of Eurasia.

The history of interaction and, in part, the merging of all groups of the ancient population over two and a half thousand years is the process during which ethnic consolidation was carried out and Turkic-speaking ethnic communities were formed [1, p. 108].

Nomadic herders have always been distinguished from agrarians by their mobility due to the need to graze livestock and regularly switch to new pasture. However, these cyclical "mini-migrations" were for the most part limited to movements over comparatively short distances — up to 100 km during the season. Under normal conditions, seasonal migrations rarely led to the long-distance movement of stationary winter roads and places traditionally chosen for villages of individual households and family-clan groups. Only in some cases, when the dependence of the nomadic economy on the natural and environmental factor was fatally aggravated, did nomads overcome more than a thousand kilometers of cattle [2, p. 55]. Drought, a prolonged decrease in temperature, snowstorms, deep snow cover without the possibility of shade, prolonged cold spring, epizootics - everything that led to a mass mortality of animals periodically forced nomads to move over considerable distances in order to find new pasture territories favorable in climate and epidemiologically. However, military-political factors played a decisive role in nomad migrations both within individual regions of Inner Asia or more familiar to domestic historians of Central Asia and in the direction of China, and within the entire arid zone of Eurasia. In the early Medieval Pe-

riod, its history was marked by the dominance of various nomadic empires [3, p.153, 158]. The conquests and predatory campaigns by the nomad caused numerous migrations to the northern borders of China and in the latitudinal direction from east to west. The migration of nomadic groups, sometimes large ethnic communities and tribal associations from the Mongolian steppes to the western regions of the arid zone, especially to East Turkestan, Semirechye and the steppe regions of Central Asia and Southern Kazakhstan, was quite typical. And both the reasons and the factors of these migratory flows, both intra and inter-regional, in the pre-Mongol period were varied.

One of the most revealing and lengthy migrations of this kind is Turkic. It is obvious that powerful and multidirectional migration impulses were created, as a rule, as a result of the fall of nomadic empires. These political events caused, in addition to migrations in the territory of Internal Asia and the movement towards China, the nomad movement in the western direction. The most famous are the migrations in the pre-Mongol period to the western steppes of the Yuezhi (middle of the 2nd century BC), Huns (I – II centuries BC), Avars (550th years), Turks (second half of VI - first third of the VII century), Karlucs (VIII century), Oguzes (VII – VIII centuries), Kypchaks (VIII – IX centuries), Uyghurs (840s – early X century), Khitan in led by Elyu Dashi (1120–1140s). To this can be added the numerous migrations of individual tribal groups and clans to East Turkestan, Dzungaria, Semirechye, Southeast Kazakhstan and other regions. An example is the relocation of the Tele (Gaoju, Gaoguy) at the end of the V century to Dzungaria and the migration of their individual tribes under the pressure of the Juan-Juan to the west, right up to the Northern Black Sea [4, p. 62].

Migration of Turkic tribes to the west in the 10th - early 11th centuries, it is also interesting because it left information about the struggle of the Turks with Muslim Karakhanids. "The Islamized Karakhanid Karlucs, - in the recent past - Nestorian Christians, became a barrier for the «unbelieving» Turks on the way to the oases of Semirechye and Maverannahr [5, p. 528]. Mahmud Kashgari names the tribes who opposed the Muslims - these are Basmyls, Kai, Yemeki, Chomuly. The role of the Basmyls as the main allies and the leader of the association of Turkic pagan tribes, the leader of the Yabaku named Budrach, is emphasized. Researcher S. Akhinzhanov identifies the Kai tribe with the Kimaks. The Kun tribes participating in the migration are also

called the "Marka", and since the Kuns are also identified with the Polovtsy, the "Marka", according to some scholars, was a separate genus among the Polovtsians. Under 1068, they are referred to in the Hungarian chronicles as "black" and "white" Kuns. Russian chronicles also indicate their stay in the Polovtsian steppe. In 1095, the Polovtsian prince Kitan was killed. Under 1103, a whole genus of Khitan was mentioned - Kitan-opa. The reflection of the name Kun is visible in the name of the Polovtsian khan Ku-nuy. I. Marquart and P. Pelio, relying on the message of Aufi, who ranked the «Marka» as «Turks», who left the country of Kyt, also called Kun, consider that we are talking about the Polovtsy, which the Magyars call Kuns. G.E. Grumm-Grzhimailo believes that this should be "understood in such a way that, as part of the Polovtsian nationality ... the "Marka" constituted a separate gender or department" [6, p.73]. Researchers wrote earlier about the early penetration of some ethnic components, the appearance of which is usually identified with a later time. Some Turkic ethnic components were far away in the west of Central Asia, possibly even in the Hunnic period. As for the Mongolian ethnic component, we believe that the main conglomerate of Mongolian elements could appear in the south only with the mass migration of tribes caused by the formation of a new state and the subsequent aggressive campaigns. Such a phenomenon could be precisely the movement of the Khitan (Kara khitai). The impact of migration processes that occurred in the pre-Mongolian period is difficult to overestimate. As a result of the collapse of the Turkic state formations of Central Asia, the invasion of the Khitan and the conquest of the Karakhanids, the ethnic map of this region changed greatly, which was reflected in medieval sources. The data of medieval authors allow us to reconstruct the early stages of the formation of the Turkic-speaking tribes, as well as to determine the time of appearance of some Turkic and Turkic-Mongolian elements.

Analyzing about the migration of nomads from Mongolia to the Western regions, researcher S. Vasyutin identified several different causes and, accordingly, the types of such migrations:

1. Migration in order to join the existing empire of the western territories. Examples: campaigns to the Huns, campaigns of the Turks at Istemi in 554–558, attempts to capture the Seven Rivers by the Kapagan-Khagan at the beginning of the VIII century.

2. Long-distance migration after losing the dominant position in East Asia with the aim of creating political associations and states in the newly developed lands: Yuezhi, Zhuan-Zhuani, Turks, Seyanto, Uyghurs, Khitan.

3. Migration of individual tribes in order to get rid of requisitions, loots, war terror from the side of the

dominant tribal groups: some Karluks, Yagmis, Chigilas forced to migrate to Semirechye, where after the fall in 840 of the Uigur Khaganate, the Karakhanid Khaganate arose.

4. Forced migration "along the chain" under the pressure of other migrants. The ousting of the Yunzhei Huns from Central Mongolia led to the displacement of other nomadic associations: Se, Tochars, Assians. Uyghurs migrations in the middle - second half of the 9th century also caused a wave of movements, in particular, Kimaks and Oguzes (Torques and Guz), which in turn forced the Pechenegs to move west, cross the Volga and invade the Black Sea steppes.

5. Migration as one of the consequences of the struggle for China's resources. It took place in the Turkic Khaganate at the turn of the 6th – 7th centuries: after the defeat of the Western-Turkic ruler Kara-Churin-Turk, part of the units of the Turks and the body moved to Semirechye and the empire finally divided into West-Turkic and East Turkic Khaganates [4, p. 63].

In conclusion, the diversity of causes and factors of nomadic migrations in Central Asia and beyond should be emphasized. The military-political reasons for the relocation were undoubtedly predominant. At the same time, reasons and factors of a different kind turned out to be quite significant, sometimes almost decisive: natural and climatic conditions, depletion of old pastures, territorial proximity to sources of resources highly valued by nomads, the availability of commodity exchange with a settled urban population.

REFERENCES:

1. Klyashtornyy S.G. Migratsii i stanovleniye tyurkskoy gosudarstvennosti v Tsentral'noy Azii // Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov'ye. Migratsii, rasseleniye, voyna kak faktory politogeneza. XXIV Chteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'yevicha Pashuto (Moskva, 18-20 aprelya 2012 g.). – P. 108-113.
2. Kradin N. Kochevyye obshchestva. – Vladivostok: Dal'nauka, 1992. – 239 p.
3. Khazanov A.M. Kochevniki i vneshniy mir. – Almaty: Dayik-Press, 2002. – 604 p.
4. Vasyutin S. Kochevniki Vnutrenney Azii v domongol'skiy period: prichiny i faktory migratsiy vnutri regiona i pereseleniy v Vostochnyy Turkestan, Semirech'ye i Srednyuyu Aziyu // Ot veka bronzovogo do veka tsifrovogo: fenomen migratsii vo vremeni. – Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. – 436 p.
5. Klyashtornyy S.G. Pamyatniki drevnetyurkskoy pis'mennosti i etnokul'turnaya istoriya Tsentral'noy Azii. – SPb.: Nauka, 2006. – 591 p.
6. Pikov G.G. Zapadnyye kidani. – Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1989. – 195 p.

NATIONALISM AND THE FORMATION OF GERMAN HISTORICAL SCIENCE IN THE 19th – BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Stelmakh S.

*Doctor of Historical Sciences (Dr. Hab. in History), Professor,
Taras Shevchenko National University of Kyiv*

НАЦІОНАЛІЗМ І ФОРМУВАННЯ НІМЕЦЬКОЇ ІСТОРИЧНОЇ НАУКИ В XIX – НА ПОЧАТКУ XX СТОЛІТТЯ

Стельмах С.

д-р іст.наук, професор, Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Abstract

The article deals with the main stages of the formation of German historical science in the 19th and beginning of the 20th centuries. Particular attention is paid to the social and political context, in particular, the development of nationalism in German society and the formation of the political component of historical knowledge and historical science.

Анотація

У статті розглянуто основні етапи становлення німецької історичної науки в XIX – на початку XX ст. Особлива увага приділена соціальному і політичному контексту, зокрема, розвитку націоналізму в німецькому суспільстві і формуванні політичної складової історичних знань і історичної науки.

Keywords: nationalism, German historical science, legitimization of history, historicism.

Ключові слова: націоналізм, німецька історична наука, легітимація історії, історизм.

Постановка проблеми. В XIX ст. національні історіографії, які являли собою «специфічну форму історичної репрезентації з метою формування національної держави», сприяли становленню та стабілізації державних націй лише у Великобританії, Франції і Голландії. У більшості ж країн сучасної Європи історіографії спрямовували свої зусилля на формування національних держав в межах існуючих імперій та псевдо-державних союзів (імперія Габсбургів, Російська та Османська імперії, Німецький союз). В різний спосіб вони використовували минуле (політична інструменталізація): а) звернення до минулих державних утворень; б) використання міфів та історичної пам'яті про ранню державність; в) конструювання минулого на прикладах спільності етнічних груп, що проживали на території, яка розглядалася в межах майбутньої омріяної держави [6, 13].

Історіографія. Серед найбільш вагомих праць, які дають можливість зрозуміти політичний і соціальний контекст становлення німецької історичної науки в XIX ст. виділимо фундаментальні дослідження Е. Брозе, Г.-У. Веллера, Д. Вільямсона, Т. Ніппердея і Ф. Рінгера [4, 8, 25, 26, 27]. Проблеми становлення німецького «освіченого суспільства» (*Bildungsbürgertum*) розкриті у працях Л. Галя, Д. Гейдера, Дж. Сперберга [9, 10, 24]. Становлення і розвиток історичної науки в Німеччині у зв'язку із проблемами національного відродження і об'єднання нації представлені у дослідженнях В. Гартвіга, Г. Іггерса, Ф. Майнеке, Т. Шляєра та ін. [2, 3, 11, 19, 23].

Мета статті. Розкрити роль соціально-політичного контексту, зокрема розвиток націоналізму, в Німеччині в становленні професійної історичної науки.

Виклад основного матеріалу. Німецький історик Р. Козеллек відмітив «дивовижний феномен», який був характерний для німецької історії, починаючи з епохи пізнього середньовіччя і до середини XX ст. Він полягав у тому, що слово «німці» співвідносилось лише з тими князями, які мали право обирати імператора та здійснювати паломництво до Рима. При цьому йшлося про німецькі землі й Німеччину, але не про єдиний «німецький народ». Такий стан зберігався впродовж всього існування Священної Римської імперії і навіть в рамках Німецького Союзу після 1815 р. А отже, з одного боку, «ця історія була і залишається історією багатьох народів, котрі відрізняються між собою з точки зору соціальної історії та історії менталітету, попри всі численні спільні риси, що притаманні їм як народності», а з іншого – «Священна Римська імперія аж до свого насильницького повалення була, таким чином, європейським союзом правителів. Свідченням цього є її осмотичні кордони, котрі взагалі не давали можливості провести чітке розмежування між внутрішнім і зовнішнім... В таких умовах було важко сформувати націю, об'єднану кордонами держави, як внутрішньої і зовнішньої цілісності, націю, існування якої виправдане усвідомленням спільності та суверенного місця у міжнародній сім'ї народів» [1, с. 393-396].

Остаточного удару по Священній Римській імперії було завдано французьким імператором Наполеоном, котрий у ході Другої коаліційної війни (1799-1802 рр.) окупував лівобережжя Рейну, де розташовувалися десятки князівств імперії, і за Люневільським миром 1801 р. фактично були визнані французькою територією. В новоствореному Рейнському союзі продовжилась медіатизація, внаслідок чого всі вільні міста (Бремен, Гамбург, Любек, Аугсбург, Нюрнберг та ін.) перейшли до Франції,

Баварії, а в 1811 р. до Рейнського союзу приєдналися ще 20 німецьких держав [8, р. 52-58]. У 1813 р. після переможної битви під Лепцігом Рейнський союз розпався і за рішенням Віденського конгресу 1815 р. було створено нове об'єднання німецьких земель – Німецький союз. Він включав 39 монархій і 4 вільних міста (Бремен, Гамбург, Любек і Франкфурт), повторюючи в цілому кордони Священної Римської імперії. Найбільшими членами були Австрія і Пруссія, частина територій яких не входила в Союз. Пруссія була головним суперником Австрії за лідерство в Союзі й значно зміцнила свої позиції з утворенням у 1834 р. Німецького митного союзу, куди Австрія не увійшла. Незабаром до Митного союзу входили майже всі члени Німецького союзу – на 1842 р. 28 із 39 держав Німецького союзу. Митний союз створювався не з метою «національних» інтересів і політичних мотивів, а виключно із фінансових інтересів. Водночас, він об'єктивно створював умови національного об'єднання і встановлення прусської гегемонії, був прикладом для формування концепції «малонімецького» національного об'єднання [18, s. 360-361; 26, s. 125-127].

На початку 1860-х років загострилося суперництво між Пруссією і Австрією. В 1864 р. обидві держави спільно воювали проти Данії, проте вже через 2 роки конфлікт між ними переріс у військове зіткнення і Пруссія окупувала Голштейн. За умовами мирного договору 1866 р. Пруссія змусила Австрію вийти із Німецького союзу та погодитись на утворення Північно-Німецького союзу під егідою Пруссії. Фактично було створене федеративне об'єднання німецьких держав (в 1868 – 22 держави) з єдиною зовнішньою політикою, об'єднаною армією, грошовою і транспортною системою, поштою, фінансами і митною політикою на чолі із пруським королем. Для характеристики цих політичних процесів, які здійснювалися під керівництвом О. Бісмарка, сучасний німецький історик Х.-У. Велер використав метафору «революція зверху» (*der Revolution von oben*) [26, р.10-47; 27, s. 251-253]. У ході франко-пруської війни 1870-1871 рр. до союзу приєдналися Баварія, Вюртенберг, Баден, Гессен і кількість держав збільшилась до 25. Наприкінці 1870 р. Рейхстаг прийняв рішення, що об'єднана держава має називатися Німецькою імперією, яка була проголошена у Версалі 18 січня 1871 р. Таким чином була створена «друга імперія», або «другий рейх».

В соціальному і культурному розвитку Німеччини у XIX ст. велике значення мало формування «освіченого середнього класу» (*Bildungsbürgertum*) [9, 10, 24] та становлення системи освіти з модерними університетами, які визначили значення і роль історичної науки в німецькому суспільстві. В становому німецькому суспільстві XVIII і початку XIX ст. люди, котрі прагнули зміцнити своє становище, намагалися насамперед отримати гарну освіту і вступити на державну службу, передаючи потім це прагнення своїм дітям. Л. Галь стверджував, що саме поняття «бюргер», яке різнилося в ні-

мецьких державах, з середини XVIII ст. в політичному, соціальному і культурному сенсі стає більш динамічнішим, набуваючи нового внутрішнього змісту, яке пов'язане із освітою і опануванням культури, що і визначило його особливе місце в становому суспільстві: «Тільки бюргер отримує прекрасну освіту» (Гете) [9, s. 6]. Формування «освіченого середнього класу» відбувалося протягом XIX ст. і було тісно пов'язано з освітніми реформами в Пруссії і державах Рейнського союзу (зокрема, в зміні змісту освіти) на початку століття, впливом неогуманізму, романтичної філософії і особливим місцем університетів та університетських професорів в суспільстві. Німецький неогуманізм поширював думку про те, що освіта має сприяти самостійному розвитку унікальної особистості і з цією метою більше уваги звертали на естетичну гармонію, властиву грекам, ніж на латинську філологію та римську історію, протиставляючи це французьким раціоналістам. «Освіта» означала формування індивідуальності культурним середовищем, яка повинна розвинути у досконалу, проникнуту цінностями особистість, формування в ній певної універсальності, яке досягається через чуттєве розуміння і співпереживання культурних цінностей. «Культура відображала духовне удосконалення, в той час як цивілізованість були 'просто' продуктом фактичного, раціонального і технічного навчання» [4, с. 56-57, 108-113]. Таке переконання німецьких інтелектуалів продовжувалося і до Першої світової війни: «Укорінені в історичній традиції германців *Kultur* протиставлялася західній *Zivilisation, Bildung* поверховій західній культурі, а звичаєве традиційне право – західній політичній і філософській традиції» [19, р. 21].

Принцип «єдності дослідження і викладання», закладений в основі німецьких освітніх реформ, гарантувався особою викладача-дослідника, свободою вибору лекцій для студентів, організацією семінарів та інститутів, зв'язком з дослідницькими інститутами Академії наук тощо. Це передбачало також інституційні зміни самої науки. Поняття «наука» в німецькій духовній традиції набувало специфічних ознак, відмінних від утилітарних уявлень французів та англійців [20, 22], в чому також виявився своєрідний німецький протест проти раціоналізму останніх і претензії на лідерство в духовному і культурному житті Європи – «культуртрегерство». Під впливом ідеалістичної філософії німецькі університети, які дуже швидко перейняли організаційну модель Берлінського університету, були позбавлені вимог утилітарного впливу на суспільство, а здійснювали функцію духовної просвіти нації і ставали своєрідними національними святинями. Успіхи німецьких університетів, на думку Т. Ніпперде, були пов'язані із загальною модернізацією науки. Університети мали особливе значення «для формування свідомості і повсякденного життя німців в державі і суспільстві» [18, s. 470]. Зрозуміло, що особливе місце в німецькому суспільстві XIX ст. зайняла постать німецького університетського професора, який часто виступав в якості «пророка» у своїй вітчизні.

Теоретичною і методологічною основою розвитку німецької історичної науки був «історизм», який ґрунтувався на ідеалістичній німецькій філософії. «Історизм перш за все – не що інше, як застосування до історичного життя нових життєвих принципів, набутих у ході великого німецького руху від Лейбніца до смерті Гете. Цей рух продовжував слідувати великим європейським шляхом, і корона досталася німецькому духу. Він здійснив тим самим свою другу велику справу після Реформації. А оскільки йдеться про нові життєві принципи, набуті німецьким духом, остільки і історизм означає дещо більше, ніж лише тільки метод в науках про дух. Світ і життя виглядають по-іншому, і відкриваються більш глибокі пласти, якщо звикнути дивитися на них власними очима... Ядром історизму є заміна генералізуючого способу розгляду історичних і людських сил індивідуалізуючим», – стверджував Ф. Майнеке [3, с. 6].

Крім німецької ідеалістичної філософії корінням історизму був «романтизм» як реакція німецьких інтелектуалів початку XIX ст. проти «універсальної егалітаристської моралі», «всього математико-механістичного духу західноєвропейської науки», «порожньої абстракції загальної гуманності» французького і англійського раціоналізму та Французької революції. Новими етичними і історичними принципами стали концепція індивідуальності та «народного духу» [4, с. 124-125]. Головним же було те, що романтики переконували німецьке суспільство в тому, що історія має власну силу і індивід в своїй внутрішній самостійності формується історично – «ми є тим чим ми є, тому що ми у певний спосіб визначені минулим» (Новаліс). Тому завданням історичної науки, як важливої частини гуманітарних наук – *Geisteswissenschaften*, – було засобами минулого пояснити сучасникам їхнє значення в теперішньому суспільстві [11, с. 20-22].

Велику роль в значенні історичної науки в суспільстві відігравала національна свідомість європейських народів, оскільки в умовах «повторного пробудження» (*Wiedererdeckung*) національних ідентичностей могла завдяки романтизму відкрити «народний дух» (*Volksgeist*). Оскільки нація була своєрідною «уявною спільнотою» (*imagined community*), а отже пороженням інтелектуалів. У зв'язку з цим на початку XIX ст. все більше зусиль докладається по збиранню документів і залишків минулого, які переважно були пов'язані з власною національною історією. «Дослідження історії своєї батьківщини від початку її існування розцінювалось як важливе завдання актуалізації національної свідомості освічених верств суспільства, що могло здійснюватися або шляхом догляду за національною літературою, або завдяки збиранню документів, що стосувалися передісторії формування нації, або шляхом створення фондів національних музеїв» [17, с. 387].

Вивчення історії стало ядром буржуазного виховання, завдяки чому історична наука досягла значних успіхів, оскільки її суспільний авторитет ґрунтувався на тісному зв'язку з політикою та культурою. Історія переважно служила для того, щоб

розчистити дорогу суспільній модернізації і допомогти при цьому буржуазії скинути політичний баласт і позбавити успадкований політичний, культурний, релігійний та суспільний порядок ореолу цінності, який цей порядок мав в силу традиції. Національно-політична спрямованість німецької історичної науки XIX ст. обумовлювалася тим, що «історична наука пізнанням минулого робить внесок до культурного прогресу, виконуючи загально-освітню функцію в сучасному суспільному житті, оскільки дії й мотиви поведінки людини обумовлені історично й їхнє пізнання складає вищий сенс буття. Історизм розвивав політичну теорію, легітимуючи політичний стан суспільства аналізом його історичного розвитку» [7, с. 548]. Саме історизм створював такий тип історіографії, в якому обґрунтовувалася позитивна роль держави і влади, і політична історія на все XIX і початок XX ст. стала основним типом історіописання і завдання легітимзації державних інтересів формулювалося чітко і відверто [5, с. 418]. Водночас, як зазначають сучасні дослідники, «відмінною рисою історизму було те, що самостійна і сильна держава ототожнювалася із моральною і розумною державою» [14, с. 56]. Разом з тим важливу роль в розвитку історичної науки відігравала державна підтримка, що позначалася у першу чергу в реалізації завдань історичної науки через публічні інституції. Історичні дослідження і вивчення історії в навчальних закладах були важливим компонентом освіти бюргерів, котрі служили цій державі і діяли на публічне благо. «Особливу роль відігравала «вітчизняна історія» (*Heimatgeschichte*), оскільки «нація» і «національний патріотизм» були найважливішими об'єднуючими засобами становлення колективної ідентичності» [16, с. 12-13].

Таким чином «ідеалістичний історизм» початку XIX ст. з одного боку був загальним науковим каноном і зміцнював інтерес до минулого в науці і повсякденному житті, а з іншого – спрямовував розуміння історії як індивідуального історичного процесу, а розгляд історії на ідіографічні, описові методи, він концентрувався на духовній інтерпретації минулого і приматі політичної історії.

Німецький історик Г. Шляер виділив три періоди (епохи) в розвитку німецької історичної науки і визначив їх характерні особливості: 1. З середини XVIII ст. і до 1815 р.; 2. 1815–1890 рр.; 3. 1890–1950 рр. Перший період характеризувався впливом на історичну думку пізнього Просвітництва і класичної німецької філософії, становленням Історизму в широкому сенсі, велику роль в історичній теорії відігравали універсально-історичні праці з акцентом на культурно-історичні підходи. Важливі «інноваційні поштовхи для модерної історичної думки надходили зовні Німеччини, із Шотландії, Франції, Нідерландів та Італії, оскільки всередині німецьких університетів не існувало численних професійних істориків». Проте вже в цей період в університеті Геттінген формується впливова група дослідників античності і державного права, які звертаються до розробки історичних проблем з оригінальними методами і темами. Наступним важливим здобутком

стала професіоналізація історії, яка перетворилася в університетську фахову дисципліну. Цей процес супроводжувався розробкою методів допоміжних історичних дисциплін, створенням нових інституцій та видань документів і наукових періодичних видань. Французька революція 1789 р. та революційні війни визначили нову свідомість німецького суспільства, що позначилося на національно-патріотичному піднесенні й стимулювало нове розуміння минулого, сприяло відкриттю бібліотек та архівів, розвиваючи історичні дослідження [23, s. 138-140].

Найважливішими ознаками другого періоду розвитку німецької історичної науки були: 1. Реформування німецьких університетів і становлення історії як наукового фаху, а також важливого елементу фахової підготовки для викладачів гімназій, університетів, бібліотекарів, архівістів тощо. Відкриття в університетах двох і більше історичних кафедр, які поряд із семінарами з їх бібліотеками сприяли інституціоналізації історії, створення системи наукової атестації для професійних істориків. Історизм надав інтернаціонального поштовху розвитку німецькій історичній науці. «Починаючи з 1830-х років в Німеччину приїжджали численні закордонні студенти для навчання історії, захисту дисертацій, чи для завершення наукових досліджень. Вони приносили на свою батьківщину елементи професіоналізації, які десятиліттями пізніше там вкорінювалися» [23, s. 141]. 2. Попри те, що панівною залишалася дидактично-риторична функція історичної науки, нові джерела, які історики відшукували в архівах, відкривали нові пізнавальні можливості. Модель історичного дослідження отримала нові методологічні регулятиви і критерії наукового дослідження. 3. «Як реакція на зміни внаслідок Французької революції, революційних і визвольної війни Історична школа звернулася до історії німецького народу, його ранньої і середньовічної історії». І хоча більшість романтиків ідеалізували цей період, але звернення до ранньої німецької історії характеризувалося не лише національно-патріотичною розповіддю, але й базувалося на широкій джерельній базі. Ці процеси супроводжувалися паралельним вивченням минулого в Історичній школі права, німецькій германістиці, пізніше в Історичній школі національної політекономії тощо. Історичні товариства почали розробляти локальну і регіональну історію, збирати і публікувати джерела. 4. Друга генерація німецьких істориків на основі архівних джерел концентрувалася в своїх дослідженнях на розгляд індивідуальних дій і мотивів, тобто на реальних історичних феноменах на противагу релігійним і абстрактним історіософським принципам. «Спостереження над минулими явищами і процесами супроводжувалося внутрішнім історичним порівнянням і описанням історичних наслідків» [23, s. 142-143]. Цей період був позначений становленням історико-політичної науки, що не в останню чергу визначалося політичною боротьбою революційних років 1830 і 1848/49, дискусіями між істориками про-австрійської і пруської орієнтації, а вплив школи Л. фон Ранке і створення

Німецької імперії сприяв перетворенню останньої в офіційну історичну школу кайзерівської імперії. Останнє десятиліття XIX ст. призвело до нових тенденцій в історичній думці і німецькій історичній науці. Становлення модерного індустріального суспільства супроводжувалося національними і соціальними протиріччями, почалася активна фаза імперіалістичної світової політики, посилення активності міжнародного робітничого руху і поширення ідей марксизму поставили під сумнів традиційні інтерпретації минулого і призвели до пошуку міждисциплінарного синтезу з використанням здобутків соціології, національної політичної економії, народної психології тощо. З 1890-х років починається третій період розвитку німецької історичної науки, на початковому етапі якого найголовнішим була дискусія навколо культурно-історичної концепції К. Лампрехта («Methodenstreit»). «Інноваційні поштовхи, які на межі століття виходили насамперед від Франції і США в Німеччині були відкинуті... Німеччина була ізольована майже на півстоліття від нових міжнародних тенденцій історичної думки та історіографії» [23, s. 146-147].

В історіографії романтизм виступив у двох варіантах – консервативному та ліберальному. Перший розвивав домінуючий напрям німецької історіографії, представлений «об'єктивною» школою Л. Ранке та його послідовників, а другий – «суб'єктивною» школою Ф. Шлоссера та культурної історії. Заперечуючи ідеї Просвітництва, німецькі романтики підкреслювали індивідуальний характер історичного явища. «Гайдельберзька школа істориків», яку започаткував Ф. Шлоссер, автор знаменитої «Історії XVIII століття до падіння Французької монархії» (1836), значно відрізнялася від домінуючого державницького напрямку німецької романтичної історіографії. Ф. Шлоссер стояв біля витоків дослідження Нової історії в університеті, був лідером так званого «суб'єктивного» напрямку в німецькій історіографії. Шлоссер був послідовником німецького філософа І. Канта і відчував сильний вплив його поглядів і Просвітництва загалом. Він критикував сучасне йому німецьке суспільство і протиставляв йому суспільно-політичні зрушення, що відбулися у Франції в період революції, яка принесла, на його думку, більше політичних свобод. Його твори були розраховані на масового читача і користувалися великою популярністю в німецькому суспільстві до «березневої» революції 1848 р. Загалом необхідно підкреслити, що південно-західні німецькі землі (зокрема, Баден і Вюртемберг) у середині XIX ст. стали центром поширення ідей німецького лібералізму, де провідну роль відігравали «викладачі-політики» (Gelehrtenpolitiker) [15, s. 47]. Вони всі були переконані, що «наука повинна мати тісний зв'язок з політичним життям», а викладання має виходити із «національно-педагогічної мети» (Д. К. Блюнчлі).

Панівне становище в німецькій історіографії другої половини XIX ст. займали «малонімецькі» історики, які отримали таку назву за активну участь в політичній боротьбі навколо об'єднання Німеччини під керівництвом Пруссії та після 1871 р.

стали офіційною історичною школою Німецької імперії. Визнаними лідерами малонімецької школи були Й.Г. Дройзен, Г. фон Зібель, та Г. Фон Трейчке. До них належала й низка інших відомих істориків, серед яких був великий дослідник античності Т. Моммзен, який, на відміну від інших представників, зберіг ліберальні погляди й після створення Німецької імперії [12, s. 216-219; 21, s. 165-193].

Сучасний німецький історик Х. Корнеліссен, даючи загальну характеристику історикам національно-консервативного напрямку німецької історіографії національної історії другої половини XIX ст., твердив, що визначальним фактором у напрямі їхніх праць було їхнє походження і політична соціологізація. «Це соціальне середовище і міцне укорінення в національно-протестанську політичну культуру залишалося домінуючим для німецьких університетських істориків у згаданий період і мало глибокий вплив на їхню самосвідомість» [2, с. 16]. Вони були представниками освіченого німецького суспільства, брали активну участь у тогочасних політичних дискусіях, чим сприяли формуванню громадянської національної свідомості. Саме це і визначило головну функцію німецької національної історіографії – сприяння вирішенню головного завдання німецької нації, яке полягало в об'єднанні країни й створенні могутньої держави.

Висновки. Протягом XIX ст. німецька історична наука у своєму розвитку пройшла кілька етапів. Перший етап був безпосередньо пов'язаний із становленням її організаційних і професійних основ, виникненням історичних семінарів, наукових періодичних видань, відкриттям для істориків архівів та виданням документів тощо. У цей період закладалися основи критики джерел та правила наукового дослідження, де домінуючими ставали основи, закладені Л. Ранке та його школою. У другій половині століття завершуються процеси інституціоналізації та професіоналізації науки, створюються численні наукові товариства, виникає фахова наукова періодика й збираються перші загальнонімецькі з'їзди істориків. Проте визначальним стає політична функція історичної науки, яка полягала в історичному обґрунтуванні місії Пруссії щодо об'єднання Німеччини. Це знайшло свій вияв у т. зв. «пруський» школі, яка заклала основи для національно-консервативної історіографії.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Козеллек Р. Німеччина – запізнiла нація? // Козеллек Р. Часові пласти / Пер. з нім. – Київ, 2006. – С. 389-411.
2. Корнеліссен Х. Національно-консервативна історіографія в Німеччині з 1870 року // Історія та історіографія в Європі. – Вип. 3. – 2004. – С.14-24.
3. Майнеке Ф. Возникновение историзма / Пер. с нем. – М., 2004. – 480 с.
4. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890-1933. / Пер. с англ. — Москва, 2008. –648 с.
5. Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. В двух томах. – Том 1: Конструирование прошлого. – Москва, 2003. –632.
6. Стельмах С.П. Інтернаціональні впливи – національні традиції: національні історичні культури та історіографії в Європі // Історія та історіографія в Європі. – 2003. – № 1-2. – С. 7-18.
7. Стельмах С.П. Історизм // Енциклопедія історії України. – Т. 3. –Київ, 2005. – С. 548-549.
8. Brose E. D. German History. From The Holy Roman Empire to the Bismarckian Reich. – Berghahn Books, 1997. –382 p.
9. Gall L. "...ich wünschte ein Bürger zu Sein". Zum Selbstverständnis des Deutschen Bürgertums im 19. Jahrhundert // Gall L. Bürgertum, liberale Bewegung und Nation: ausgewählte Aufsätze. – München, 1996. – S. 3-21.
10. Geyer D. Zwischen Bildungsbürgertum und Intelligenzija // W. Conze u. J. Kocka (Hrsg.) Bildungsbürgertum im 19. Jahrhundert. – Stuttgart, 1985. – S.207-227.
11. Hardtwig W. Konzeption und Begriff der Forschung in der deutschen Historie des 19. Jahrhunderts // Konzeption und Begriff der Forschung in den Wissenschaften des 19. Jahrhundert. Referate und Diskussionen des 10. wissenschaftstheoretischen Kolloquiums 1975. / Alwin Diemer (Hrsg.) – Meisenheim, 1978. – S.11-26.
12. Heuß A. Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. – Stuttgart, 1996. – 290 s.
13. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. – Cambridge, 1985. – 253 p.
14. Fehrenbach E. Rankerenainssance und Imperialismus in der wilhelmischen Zeit // Geschichtswissenschaft in Deutschland. Traditionelle Positionen und gegenwärtige Aufgaben. / Hrg. Bernd Faulenbach. – München, 1974. – S. 54-65.
15. Fenske H. Gelehrtenpolitik im liberalen Südwesten. 1830-1880 // Gelehrtenpolitik und politische Kultur in Deutschland. 1830-1930: Referate und Diskussionsbeiträge. – Bochum, 1986 – S. 47-57.
16. Miccoli G. Über die gesellschaftliche Rolle der Geschichtsforschung // Die Mauern der Geschichte: Historiographie in Europa zwischen Diktatur und Demokratie / Gustavo Corni/Martin Sabrow (Hrsg.) – Leipzig, 1996. – S. 10-20.
17. Mommsen W.J. Der Historismus als Weltanschauung des aufsteigenden Bürgertums // Horst Walter Blanke u.a. (Hrsg.) Dimensionen der Historik: Geschichtstheorie, Wissenschaftsgeschichte und Geschichtskultur heute. – Köln, Weimar u.a., 1998. – S.383-394.
18. Nipperdey Th. Deutsche Geschichte. 1800-1866: Bürgerwelt und starker Staat. — München, 1998. –840 s.
19. Iggers G. G. Nationalism and historiography, 1789-1996. The German example in historical perspective // Writing national histories: Western Europe since 1800 / Ed. by S. Berger, M. Donovan, and K. Passmore. – New York, 1999. – P. 15-29.

20. Pandel H.-J. Wer ist ein Historiker? Forschung und Lehre als Bestimmungsfaktoren in der Geschichtswissenschaft des 19. Jahrhunderts // Geschichtsdiskurs. Bd 1: Grundlagen und Methoden der Historiographiegeschichte. Hrg. W. Kütler, J. Rüsen, E. Schulín. – Frankfurt/Main, 1993. – S. 346-354.

21. Rebenich S. Theodor Mommsen. Eine Biographie. – München, 2002. – 273 s.

22. Rüegg W. The New Scientific Spirit // A History of the University in Europe. Vol. III: Universities in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries (1800-1945). / Ed. by W. Rüegg. – Cambridge, 2004. – P. 13-16.

23. Schleier H. Epochen der deutschen Geschichtsschreibung seit der Mitte des 18. Jahrhunderts // Wolfgang Kütler, Jörn Rüsen, Ernst Schulín (Hrsg.) Geschichtsdiskurs. — Bd. 1. — S.133-156.

24. Sperber J. Bürger, Bürgertum, Bürgerlichkeit, Bürgerliche Gesellschaft: Studies of the German (Upper) Middle Class and Its Sociocultural World // The Journal of Modern History. – 69 (June 1997). – P.271-297.

25. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte: Von der "Deutschen Doppelrevolution" bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges, 1849-1915. – München, 1995. – 1515 s.

26. Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte: Von der Reformära bis zu industriellen und politischen Deutschen Doppelrevolution. 1815-1845/49. – München, 2005. – 914 s.

27. Williamson D. G. Bismarck and Germany. 1862-1890. – New-York, 2013. – 167 p.

PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 9.433

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF SOCIAL POLICY ABOUT THE PROBLEMS OF ORPHANHOOD AND CHILD NEGLECT IN THE 20-30 YEARS OF XX CENTURY IN THE MODERN

Tulbasieva S.

Kazakh National Pedagogical University named Abay, Institute of History and Law, Department of History of Kazakhstan named after Academician T.S.Sadykov, The Republic of Kazakhstan, Almaty

Abstract

The article discusses the causes of the problem of homelessness and orphan hood, as well as the ways and methods of solving them within the framework of the emerging and developing Soviet system of the social system of "state children". The author analyzes the scientific work in the historiography of the history of social policy regarding the problems of orphan hood and child homelessness in the 20-30 years of the twentieth century in modern times.

Keywords: history, historiography, children, homelessness, history of 20-30 years of the XX century.

The history of society essentially represents the everyday life of a person in its historical dimension, reflecting certain unchanging properties and qualities in accordance with the consolidation of new forms of housing, food, travel, work and leisure.

It is in the analysis of everyday life that lies the key to unraveling the question that often arises when being acquainted with specific destinies: how could people survive and maintain human dignity in the extreme conditions of revolutions, wars, terror, hunger and devastation? How people adapted to life circumstances. The social side of the life of Soviet citizens remained in the shadows.

For each person, primary socialization is especially important when the basic psychophysical and moral qualities of a person are laid. In relation to the child undergoing socialization, parents occupy a superior position. One of the main tasks facing the state regarding orphans is to ensure their social security because of the implementation of social protection, the possibility of a full life [1, c 70].

An analysis of the daily lives of children in the war and post-war period based on a large number of archival materials, new possibilities of visual anthropology, and also the recollections of eyewitnesses of those events allows us to gain new knowledge about the experience of not only "ordinary" children, but also children from those social groups that were struck in rights and in political and economic terms. The analysis of the experience gained by the Soviet state in the elimination of child homelessness and neglect in the extreme conditions of the war becomes an important factor in developing the right strategy and tactics in overcoming negative phenomena at the present stage of development of the state.

Thus, the development of this topic is of practical importance. Since the activities of the state and public organizations in relation to orphans in 1920-1930 in the Kazakh Autonomous Soviet Socialist Republic as part of the RSFSR deserve a special historical study.

The object of this article is the social policy regarding the problems of orphanhood and child homelessness in 1920-1930.

The purpose and objectives of the study are to identify the characteristic features of the evolution of the system of orphanages in 1920-1930. Achieving the goal involves solving a number of specific tasks:

- analysis of state policy on the development of the system of orphanages and its evolution;
- identification of sources of filling the contingent of orphanages; characteristics of the material conditions of the system;
- summarizing the historical experience of the creation and functioning of the system of orphanages in 1920-1930.

The first stream of historiographic scientific source can be attributed to the largest number of publications on the study of the history of orphans were articles of public education - "Krasnaya nov", "On the way to a new school", "Public education", "Educational work", "Orphanage" and others .

In the late 1920s and early 1930s, orphanhood and the problems of adolescents without parents became a hot topic.

At the entrance of the discussion, the question of orphanhood and the homelessness of children caused by socio-political and economic influences was increasingly raised.

The issue of homelessness in the 1920s was reflected in the Great Soviet Encyclopedia, issued in 1927. Encyclopedias published articles on this subject M.S. Epstein, A.B. Zalkinda and other statesmen [2].

The contents of the article reflected the causes of homelessness and the measures taken by the Soviet state.

At the present stage of studying the topic of combating child homelessness and neglect, a number of problems are being rethought, and new research approaches are being sought, including taking into account the regional characteristics of these phenomena.

It should be named the work of E.A. Bender, Yu.G. Salov, E.F. Krinko, I.G. Tazhidinova, T.P. Khlypina, Zh.B. Abylkhozina, M.L. Akulova, A.V. Tsai, T. Anpilogova, T. M. Smirnova, etc.

E.A. Bender in his scientific work "Combating the homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920-1930s. (based on materials from Leningrad and the Leningrad Oblast)" believes that, "after the 1917 revolution, the idea that family parenting was a temporary phenomenon characteristic of a specific historical moment, replaced by public education, prevailed. Nevertheless, as historical experience has shown, this theory turned out to be erroneous. In modern conditions, on the contrary, the family is considered the preferred form of education. Despite this, it must be assumed that boarding schools will remain the main institution for the socialization of orphans for a long time, since it is impossible to place every homeless child in the family. [3. c 3].

The study guide of Yu.G. Salov "Children's leisure in Soviet Russia (1920s)", reflected the issues of studying and organizing children's reading, staging theater work with children, the use of cinema in children's leisure, as well as diverse forms of club work with schoolchildren. According to the author: "Leisure was supposed to educate in the ideas of modernity, modernity had to flow in a broad river in an organized way. Since modernity was conceived as a struggle of "reaction and revolution", the child was to become a "soldier at the front of the struggle", armed with a Marxist world outlook, class instinct and proletarian interests" [4, c 5].

In the monographic works of E.F. Krinko, I.G. Tazhidinova, TP Khlypina "Everyday life of a Soviet man of the 1920-1940s: life under conditions of social transformations" analyzes the everyday life of a Soviet man of the 1920-1940s, as well as the features of labor, military service, leisure time are reflected in the work Soviet citizens, their perception of time and space, as well as the basic strategies for the survival of the population of the USSR in the conditions of social transformation. According to the Authors of the monograph "Soviet historians and social scientists paid much more attention to the issues of life and life of citizens of the USSR, but they, as a rule, acted only as secondary additions illustrating the processes of socialist construction. Thus, in the preparation of fundamental works on the history of the Soviet working class and the collective farm peasantry, descriptions of the culture and material situation of these social groups, as well as their socio-political activity, invariably occupied the last pages." [5, c 15].

In the scientific work under the editorship of Zh.B. Abylkhozina, M.L. Akulov, A.V. Tsay "Living memory. Stalinism in Kazakhstan - the Past, Remembrance, Overcoming" examines the history of the Stalinist repressions in Kazakhstan in the 1930s - 1940s, the memory of them and their understanding by modern Kazakhstani society. The monograph consists of three sections: "History", "Memory", "Art" - and addresses the history of Stalinism: collectivization of agriculture, industrialization, forced deportations, mass repressions and the organization of a system of forced labor camps. The topics of totalitarian state violence and collective memory about that period of deprivation, suffering, and violation of human rights of a Soviet

citizen are also raised. The monograph gives a lecture to Katrion Kelly, a famous British scientist, historian of Russian and Soviet culture, a member of the British Academy of Sciences [6, c 6].

In T. Anpilogov's monograph "Children's homelessness in the Luhansk region of the 1920s and 1930s: the genesis and ways of eliminating" [7] the process of eliminating child homelessness and neglect in the Luganshina region in 1920-1930, the stages of the formation of a system of residential institutions for orphans are considered. Based on the analysis of numerous archival sources and scientific literature, the reasons for the emergence of child homelessness are revealed. As well as the role of state and public organizations in its struggle, the daily life of children in boarding schools. The fight against homelessness and its consequences took various forms. At first, it consisted of saving the children from the famine of 1921-1923, and, accordingly, the main forms of it were the evacuation of children, the opening of canteens and children's reception centers. In subsequent years, emphasis was put on the process of overcoming the consequences of hunger (the opening of inpatient facilities, the involvement of chefs in work with street children and assistance to childcare facilities). Then, at the turn of 1923 - 1924, the authorities switched to planned work - the development of clear forms of combating homelessness began, the development of a network of special institutions and institutions for helping children [7, c 38-39].

The scientific article by T.M. Smirnov "Orphanages and labor of the colony: life" the life of state children "in Soviet Russia 1920-1930" analyzes the Soviet regime of education of the so-called "state children" 1920-1930. According to the author: "In 1921, the Soviet Union was not only aware of the number of street children and children in need of placement in children's institutions, but also the number of orphanages, schools and other children's institutions, as well as the number of their pupils. Accordingly, the supply of children's institutions was random in nature, the beginnings of planning were introduced only after the creation of the All-Russian Central Executive Committee Children's Commission [8, c 18].

And also on this subject, A.A. Slavko devoted his doctoral dissertation on "Children's homelessness and neglect in Russia in the late 1920s-early 1950s: a social portrait, causes, forms of struggle" [9]. In the scientific work, a historical-comparative approach is used, which made it possible to analyze the mechanism for the implementation of certain measures to combat child neglect in their interconnection and interdependence, against the background and in comparison with other political and socio-economic phenomena that took place in the USSR in the period 20 - 50s of the XX century.

In the Ph.D. thesis Samsonova S. A. "Politics and social practice of overcoming child homelessness in the Stavropol and Terek in the 20s - 30s. XX century" analyzes homelessness as a social phenomenon of early Soviet society and the features of its overcoming in the context of economic and sociocultural processes in the Stavropol and Terek in the 1920 - 1930 y [10].

In general, in our article we tried to briefly analyze and compare part of the research work. In general, all scientific works provide an analysis of historical experience in solving the problem of orphan hood in the Soviet space. The causes of the problem of homelessness and orphan hood are studied, as well as the ways and methods of solving them within the framework of the emerging and developing Soviet system of the social system of "state children".

Still, all scientific research work has determined the relevance and relevance of this problem to historical science in modernity. Especially the study of the history of homelessness and orphan hood in the context of local history, which is becoming more relevant and is a response to the challenges of globalization.

REFERENCES:

1. Nazarova I. Opportunities and conditions for the adaptation of orphans // Socis, 2001, No. 4, - p. 70
2. The Great Soviet Encyclopedia. S. 94-96; C 61-64.; S 783-790
3. Bender E. A. The fight against homelessness and neglect of minors in the RSFSR in the 1920s and 1930s. (based on materials from Leningrad and the Leningrad region). Diss. work. As a manuscript. St. Petersburg, 2015, 187 s
4. Salova Yu.G. "Children's leisure in Soviet Russia (1920s)" Yaroslavl, 131c.
5. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlypina T.P. "The everyday life of Soviet people in the 1920s and 1940s: life under conditions of social transformations." Rostov-on-Don, 2011, 360s
6. Zh. B. Abylkhozina, M. L. Akulova, A. V. Tsai "Living memory. Stalinism in Kazakhstan - the Past, Memory, Overcoming" Almaty, 2019, 272c.
7. Anpilogova T. Children's homelessness in the Lugansk region of the 1920-1930s: the genesis and ways of eliminating Lugansk, 2016, 176 pp.
8. Smirnova T.M. "Orphanages and labor of the colony: life" the life of state children "in Soviet Russia 1920-1930" // <https://cyberleninka.ru/article.1-23s>.
9. Slavko A.A. Children's homelessness and neglect in Russia in the late 1920s-early 1950s: a social portrait, reasons, forms of struggle. // Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences, Samara, 2011, 43 pp.
10. Samsonova S. A. About politics and social practice of overcoming child homelessness in the Stavropol Territory and the Terek in the 1920s and 1930s. XX century Stavropol 2012-27s.

УДК 378.1

PROJECT TECHNOLOGIES THAT CONTRIBUTE TO THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS

Issayeva K.,

*candidate of pedagogics, Professor,
Faculty of physics and technology*

E. A. Buketov Karaganda state University, Karaganda, Kazakhstan

Tsoi A.

Graduate, Faculty of physics and technology

E. A. Buketov Karaganda state University, Karaganda, Kazakhstan

ПРОЕКТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

Исаева К.Р.,

*кандидат педагогических наук, профессор, Физико-технический факультет
Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, г.Караганда, Казахстан*

Цой А.А.

*магистрант, Физико-технический факультет
Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова, г.Караганда, Казахстан*

Abstract

Informatization today is considered as one of the main ways to modernize the education system, which is associated not only with the development of technology and technology, but also the development of the information society. Accordingly, one of the main tasks of the modern education system is to develop projects and programs that contribute to the formation of professional competence of a specialist in modern society.

Аннотация

Информатизация сегодня рассматривается как один из основных путей модернизации системы образования, которое связано не только с развитием техники и технологий, но и развитием информационного общества. Соответственно, одной из главных задач современной системы образования является разработка проектов и программ, способствующих формированию профессиональной компетентности специалиста современного общества.

Keywords: information technologies, project technologies, professional competence, pedagogical technologies

Ключевые слова: информационные технологий, проектные технологий, профессиональная компетентность, педагогические технологий

Анализ учебного процесса в учебных заведениях свидетельствует о том, что, как правило, для практического обучения выделяются частные умения, не отражающие целостную профессиональную деятельность, в основе которой лежит целеполагание и целеосуществление, а сами частные умения весьма разрозненны и в совокупности не охватывают все стороны деятельности специалиста.

Одним из способов определения содержания практической подготовки является моделирование профессиональной деятельности специалиста в учебном процессе (создание модели профессиональной подготовки специалиста), которое предполагает разработку комплекса задач и заданий для овладения необходимыми умениями; определение их места в содержании обучения; внесение коррективов в рабочие программы. Новая модель обучения и развития, основанная на гуманистических принципах, модель, обеспечивающая возможность реализовать сотрудничество в обучении.

Сущность современного образовательного процесса заключается не только в том, чтобы дать знания, умения, навыки, развивать у них мышление, но и обучить их формам, методам, средствам самостоятельного добывания знаний. Формирование студентов умению самостоятельно пополнять знания, ориентироваться в стремительном потоке информации – одно из направлений совершенствования качества подготовки специалистов. Личность будущего учителя способна решать основные задачи образования, сформулированные в Законе «Об образовании», программа развития образования республики Казахстан до 2011-2020 годы, творческая индивидуальность которого должна проявляться не только в стремлении создать нечто новое, но, прежде всего в способности к изменению самого себя.

Современный преподаватель, находясь в условиях многообразия учебных программ, пособий, учебников, из разнообразия педагогических технологий он может выбирать те, которые наиболее соответствуют особенностям его профессиональной культуры. При этом данные технологии должны быть рассчитаны на развитие личности, на возможности его самореализации. Среди разнообразных направлений новых педагогических технологий преподаватель отдает предпочтение тем, которые наиболее эффективны по результатам, невысоки по затратам и гарантируют достижение образовательного стандарта. Конечно, никакое учебное заведение не в состоянии научить своих выпускников всему и на все случаи жизни. Но оно может и обязано вооружить методами и опытом научного познания, чтобы специалист мог с наименьшими затратами дополнительного труда и времени усваивать новую информацию, пополнить профессиональные знания и расширить свой теоретический кругозор, т.е. выпускник наряду с базовыми знаниями должен приобрести такое важное качество, как умение учиться.

Для решения данной проблемы важным представляется формирование у будущих учителей спо-

собности проектировать педагогическую деятельность с учетом специфики задач, стоящих перед тем или иным типом школы. Наиболее эффективной формой обучения является та, которая основывается на активном включении студентов в информационные технологии. Информатизация сегодня рассматривается как один из основных путей модернизации системы образования, которое связано не только с развитием техники и технологий, но и, прежде всего, с переменами, которые вызваны развитием информационного общества. Соответственно, одной из главных задач современной системы образования является разработка проектов и программ, способствующих формированию профессиональной компетентности специалиста современного общества. Сбор, обработка и анализ результатов с помощью информационных технологий помогают активизировать мыслительную деятельность учащихся, расширяют кругозор, а также способствуют развитию качеств личности, необходимых будущим учителям.

Опираясь на исследования [1], под информатизацией образования будем понимать процесс обеспечения сферы образования теорией и практикой разработки и использования современных информационных технологий, ориентированных на реализацию психолого-педагогических целей обучения и воспитания, принципиально новые, востребованные современным обществом образовательные результаты.

Для развития профессиональной компетентности преподавателя необходимы соответствующие условия:

- комфортный психологический климат в процессе обучения студентов и работы преподавателя;
- организация самостоятельной, творческой и поисковой деятельности;
- профессиональное обучение преподавателя и студентов

Использование информационно-коммуникационных технологий качественно повышает уровень деятельности учащегося. Поднимаясь по ступеням интеллектуальной активности и самостоятельности, учащийся идет от восприятия и усвоения готовой информации – через воспроизведение полученных знаний и освоенных способов деятельности, знакомство с образцами научного решения проблем – к овладению методами научного познания, к самостоятельному и творческому их применению.

В процессе обучения в колледже принципиальное значение имеет решение задач по формированию профессиональной мотивации учащихся, как необходимого условия успешного обучения будущего педагога. Правильно организованные информационные практические занятия способствуют формированию будущего специалиста, который сможет не только выполнять работу по заданию, но и вести самостоятельный творческий поиск. Научить анализировать и обобщать полученную на практических занятиях информацию, можно только

на основе умения учащихся самостоятельно ориентироваться в изучаемом материале. В большей степени этому способствует использование проектной технологии обучения. Информационная деятельность при проектной технологии представлена следующими структурно-содержательными блоками: диагностическим, мотивационным, научно-практическим.

Использование информационных технологий в процессе обучения дает возможность студентам применять свои навыки и умения на практике. Это нацеливает их на развитие определенных исследовательских, творческих замыслов в рамках заданной темы, самостоятельно добывать, анализировать необходимую информацию, взаимодействовать с другими участниками работы. С. В. Панюкова, развивая концепцию реализации личностно — ориентированного обучения при использовании средств новых информационных технологий делает вывод, что ряд дидактических принципов этого обучения не может быть реализован в учебном процессе без средств информационных и коммуникационных технологий. Ею сформулированы «требования к личностно-ориентированному обучению в условиях использования информационных — коммуникационных технологий»; индивидуализация и дифференциация обучения; доступность к необходимой информации; объективный контроль знаний; обеспечение условий, способствующих саморазвитию и самоуправлению [2].

Одним из ярких проявлений сформированности информационных технологий, исследовательского подхода у учащихся колледжа является умение анализировать, моделировать, представить результаты своего труда в виде графиков, диаграмм, схем, таблиц.

При проектной технологии интегрируются два основных принципа познавательной деятельности — исследовательский и творческий. Сам процесс получения и усвоения знаний становится равноценным научно-исследовательскому поиску, а результат для студентов является своего рода научным открытием. Именно процесс исследования, поиска представляют максимальную методическую ценность. Проектные технологии представляет собой единое научное сообщество студентов и преподавателей. Где каждому предоставляется возможность творчества, возможность реализации собственных взглядов, позиций, научных концепций. Проектные технологии основывается во многом на реализации творческого научного и личностного потенциала учащихся и преподавателей. Работа при проектной технологии всегда начинается с постановки актуальной проблемы, затем определяются цели и задачи исследования. Творческий подход заключается, прежде всего, в том, что участники проекта ничем не ограничены в выборе целей и методов исследования. Все участники проекта, работая над проблемой, приходят к какому-то общему результату, который определяется конкретными целями.

Проектные технологии предполагает использование самых разных форм работы, единственное

требование заключается в том, что они должны стимулировать исследовательскую и творческую активность а также профессиональную компетентность студентов, а также использовать познавательный потенциал группы. Наиболее эффективными и интересными представляются такие формы работы, как работа в малых группах, тренинги, психологические игры.

Необходимо также отметить, что проектные технологии является универсальным методом и может быть использована при изучении самых разных предметов и дисциплин. Научно-методический поиск проектной технологии организован по следующему алгоритму:

- диагностика уровня профессиональной деятельности ;
- выявление и актуализация проблемы;
- теоретическое решение проблемы;
- практическое решение проблемы;
- выработка методических рекомендаций.

Опережающий характер образования возможен только тогда, когда студенты будут непосредственно участвовать в проектировании, в разработке новых технологий и форм его организации. Поэтому готовность специалиста к профессиональной деятельности следует определять по интеллектуальным умениям — умению анализировать ситуацию и стоящие перед профессионалом задачи, проектировать деятельность, видеть перспективу в своей работе.

Для успешного осуществления профессиональной деятельности современному специалисту уже недостаточно наличия глубоких познаний в области психологии, педагогики и преподаваемого предмета. Все большую значимость приобретает формирование и совершенствование проектной деятельности [3]. Для этого необходимо не только и столько совершенствовать методику преподавания, сколько выходить на уровень дидактического требования и формированию профессиональной компетентности. Важнейшим качеством будущего специалиста является его профессиональная компетентность — способность нестандартно и эффективно изменять окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями, что подразумевает:

- целевая личностная установка на выполнение работ нетрадиционными методами, с новыми результатами;
- органический интерес к знаниям, навыки поисковой, познавательной деятельности;
- поиск оптимальных способов получения конечного результата на основе осознанного и обоснованного выбора вариантов;
- способность испытывать удовольствие от выполненной работы с использованием нетрадиционных методов, средств, способов;
- внутренняя установка на непрерывность приобщения к результату творчества и навыки её поэтапной реализации.

Проектные технологии — прекрасная, ничем не заменимая школа для будущего учителя. Её главное

достоинство в том, что она не только даёт прочные начальные знания, но и воспитывает в человеке своеобразный психологический комплекс: настойчивость, сознательное стремление к достижению цели, умение взяться за дело, способность к усвоению знаний и переработке самой разнообразной информации на собственном опыте. Создав новый проект можно поэтапно решать поставленные теоретические и практические задачи, всесторонне и достоверно изучать объект или явление с помощью адекватных методов исследования, а по завершению работы обсуждать и оценивать.

Проектные технологий мы рассматриваем как модель учебного процесса, как источник интеллектуального и эмоционального развития учащихся колледжа, их познавательных интересов и коммуникативных умений. Зная то, что будущий учитель будет учить своих учеников так, как его учили в колледже, необходимо с первого курса включать учащихся в атмосферу поиска и творчества, поставить их в активную позицию учебной деятельности.

Творческое удовольствие, оптимистический взгляд на жизнь прямо зависит от уровня активности педагога. Ориентация на профессию формируется и углубляется на протяжении всей жизни педагога, и каждый этап несет свои возможности для самореализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Осипова С. И., Гафурова Н. В. О реализации психолого-педагогических целей обучения в информационной образовательной среде // Сибирский педагогический журнал. — 2010. № 1. С. 117–124.
2. Панюкова С. В. Информационные и коммуникационные технологии в личностно-ориентированном обучении. — М.: Прогресс. 1998. 43 с.
3. Исаева К.Р. Компетентность профессионально-педагогической подготовки специалистов для профильной школы // Вестник Карагандинского университета. Серия Педагогика. 2012. №2(66). С. 37–43

SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF KAZAKH PEOPLE AND THEIR INFLUENCE ON EDUCATION OF STUDENT YOUTH

Baubekova G.,

doctor of science, professor of Turan-Astana university, Nur-Sultan,

Kabylda M.,

master of sciences, teacher of Turan-Astana university, Nur-Sultan

Mussina Z.

master of sciences, senior teacher of Turan-Astana university, Nur-Sultan

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАЗАХСКОГО НАРОДА И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПИТАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Баубекова Г.Д.,

д.п.н., профессор, университет «Туран-Астана»,

г.Нур-Султан, Казахстан

Кабылда М.Б.,

магистр, преподаватель, университет «Туран-Астана»,

г.Нур-Султан, Казахстан

Мусина Ж.А.

магистр, старший преподаватель, университет «Туран-Астана»,

г.Нур-Султан, Казахстан

Abstract

The article shows the influence of Kazakh folk pedagogy on spiritual and moral development of the individual.

Аннотация

В статье показано влияние казахской народной педагогики на духовно-нравственное развитие личности.

Keywords: personality; value; ethnocultural traditions; folklore; education.

Ключевые слова: личность; ценность; этнокультурные традиции; фольклор; воспитание.

На современном этапе развития общества в экономической сфере завершается переход к рыночной экономике, в политической сфере развиваются институты гражданского общества, в идеологической сфере осуществляется переход к общечеловеческим, гуманистическим ценностям. Именно теперь востребована ориентация системы образования на духовную, национальную идентификацию и

социализацию личности для усвоения, закрепления, проявления и трансляции опыта национальной культуры.

Необходимо внести гармоничное переплетение демократических ценностей и национальной специфики в формировании личности. Предложенное в статье Н.А.Назарбаева «Взгляд в буду-

щее: модернизация общественного сознания» духовное обновление казахстанского общества является поэтапным возрождением в современных условиях. В этих стратегических документах реализуется антропологический принцип, т.к. в центре внимания находится человек [1].

Академик Г.Н. Волков, отмечая историческую эволюцию ценностей, считал особо важными общечеловеческие, непреходящие ценности. Фундаментом духовно-нравственного развития, он считал усвоение элементарных норм человеческого общения, отраженных в фольклоре: неприкосновенность личности, неприкосновенность чужих и общественных вещей, трудовое обслуживание самого себя, этикет и товарищеское отношение к людям, бережное отношение к природе и продуктам человеческого труда, учение и общение с искусством [3, 12].

Большинством ученых понятие «ценность» характеризуется как выделение признаков, свойственных всем формам общественного сознания; значимость, нормативность, полезность, необходимость, целесообразность. Понятие «ценность» охватывает широкий круг материальных и духовных явлений, служащих условием её формирования (Г.Н. Волков, Л.С. Выготский, Е.В. Бондаревская, М. Рокич). Существует взгляд на культуру как на ценность, выполняющую межпоколенную связь (В.В. Давыдов, А.Е. Леонтьев, Э.С. Маркарян, М. Мид, А.Б. Панькин, Э.В. Соколов и др.). Формирование личности, по мнению Л.С. Выготского, происходит через присвоение ею ценностей культурно-исторического опыта в активной деятельности. Эти нормы зафиксированы в этнокультурных традициях, фольклоре, религиозной культуре и выступают как образцы, где сосредоточены лучшие качества личности, нравственные эталоны, принятые в этом обществе. Так как социальный опыт передается и фиксируется в форме исторически сложившихся явлений человеческой культуры, то приобщение к культуре происходит через освоение определенных образов [4, 38].

Современная педагогика призвана сделать эти постулаты мудрости предусловием и условием интегрального синтеза двух основ: природосообразующей и трудосообразующей. Их взаимосвязь и взаимодействие через человеческую суть создадут гармонически развитого, созидającego и творящего человека. Это будет, как утверждал Г.Н.Волков, симбиоз двух составных: любви и примера [3, 17-18].

С раннего детства ребенок наполняется духовностью, любовью и примером, далее формируется и развивается уже заложенное. Масару Ибука в книге «После трёх уже поздно» отмечает, что до 3 лет уже формируется личность ребенка, её интеллектуальные задатки. Ребенок в три года лучше понимает Моцарта, нежели в 30 лет. Образная память сохраняет духовные ценности народа, интеллектуальные задания, эмоциональные впечатления раннего детства на всю жизнь [5, 46].

С раннего детства ребенок растет на основных средствах фольклора – сказках, притчах, легендах,

пословицах, поговорках и т.д. Фольклор является национальным богатством, огромным пластом духовной культуры, который складывался усилиями многих поколений на протяжении столетий. Казахский национальный фольклор – один из самых богатых в мире. Он насыщен педагогическим опытом и народной мудростью. На основе народного фольклора был создан огромный пласт этико-педагогических идей: уважение к старшим, патриотизм, свободолюбие, трудолюбие, гостеприимство, толерантность, доброжелательность, уважение к чужому мнению. Патриотизм, свободолюбие, толерантность, любовь к детям, гостеприимство, как традиционные добродетели, постепенно стали отличительными чертами казахов. Более того, они соседствуют с такими качествами, как личное достоинство, целенаправленность, активность. Фольклор с воспитывающим содержанием, бытовые традиции, праздники, казахская классическая литература – это те понятия, которые оказывают огромное влияние на формирование национального характера.

Забота и внимание к ребёнку с рождения отражены в таких семейных традициях, как «Шилдехана», «Ат кою», «Бесикке салу», «Кыркыдан шығару», «Тусау кесер» и т.д. Яркая эмоциональная насыщенность этих семейных традиций, искреннее проявление добрых чувств по отношению к малышу со стороны родителей и родственников служили основой для формирования и развития личности ребенка, а также были примером для подражания, ориентируя других детей на проявление заботы о младших, прочные семейные взаимоотношения в будущем.

Общеизвестно, что в духовно-нравственном воспитании детей большое значение имеют пословицы. В семье казахов постоянно в форме пословиц и поговорок дают наставление, советы детям. Казахская мудрость гласит: «Речь украшают пословицы, семью - дети». Народ издавна очень высоко ценил силу, педагогическую направленность слова. Например, чтобы сформировать у подрастающего поколения уважение к родителям, народ подчёркивал: "Ата - асқар тау, ана - бауырындағы бұлақ, бала - жағасындағы құрақ"(отец - высокая гора, мать – на груди горы родник, дитя - рядом выросший тростник). Действительно, испокон веков отец для казаха – это авторитет, защитник, советник, образец для подражания.

Но не только советник и защитник, он наставник и строгий судья поступкам детей: "Ата - балаға сыншы" (отец – оценитель, критик ребёнка). И не только оценивает поступки сына отец, он ответственен за их совершения, это он их научил действиям, вот почему тяжело и почётно быть отцом: "Атаның жүгі - атанның жүгі"(тяжела ноша отца, словно выюк верблюда). Наверное, поэтому аксакалы спрашивают: «Кімнің баласысың? (Чей сын ты?)». И, если отец человек достойный, то и на сына переносится часть заслуженного отцом уважения: "Жақсы әке - жаман балаға қырық жылдық ризық"(Добрая слава отца сорок лет защищает неупутевого сына).

Особое место отводится в семье роли матери, ведь она не только рождает и воспитывает детей, но и поддерживает авторитет мужа: "Жаксы әйел жаман еркекті хан қылады" (хорошая женщина и плохого мужчину сможет сделать ханом). Неотценима роль матери в воспитании дочери: "Анасын көріп қызын ал" (Узнав, кто мать, женись на её дочери).

В казахской семье, в отличие от других родственных народов, особое место занимает дочь: "Қыз - қонақ" (дочь – гостья в доме), она выйдет замуж, уедет в другую семью, поэтому в отчем доме стараются её баловать.

Если у узбекского, таджикского, туркменского народов дочь садится за стол после отца и братьев, казахи сажают дочь на почётное место, оберегают, за шалости строго не наказывают. У узбекского и таджикского народов есть пословица: «если в отчем доме дочь – служанка, в доме мужа будет шахиней», т.е. научившись всем премудростям быта в родительском доме, она займёт достойное место в доме мужа. А у казахского народа девушка и в доме отца любимица, баловница, и в семье мужа старается остаться такой. В отличие от других центральноазиатских сверстниц, казашки не носили паранджу. Много казахских пословиц о девушках, отражающих их особое положение в семье: "Қыз жоқ жерде қызық жоқ" (если нет девушек - нет радости в жизни), "Астың дәмін тұз келтірер, ауылдың сәнін қыз келтірер" (пища с солью вкусна, аул красив своими девушками), "Ырыс алды қыз" (дочь - предвестник достатка и счастья).

К семейным ценностям казахов относится умение поддерживать тёплые отношения к снохам и зятям, а также к сватам. "Жаксы келін - қызындай, жаксы күйеу - ұлындай" (хорошая невестка, что дочь родная, хороший зять, он сын родной), а о сватах до нас дошли такие изречения: "Күйеу жүз жылдық, құда мың жылдық" (зять дан на сто лет, сват же - на тысячу), "Досты періште қосады, құданы құдай қосады" (друга находит ангел, а свата приводит сам Бог).

Одним из ценностей семейного воспитания, оказывающим влияние на воспитание нравственности ребёнка, является обычай «бел көтерер» - угощение для пожилых, которые нуждались в заботе, особом уходе. Для них готовили угощение: казы (деликатес из конины), сливочное масло, жент (разновидность халвы из

пшена), кумыс (кобылье молоко), шубат (верблюжье молоко), творог, мед и т.д. Продукты готовили и приносили дети, соседи, близкие. Аксакалы и бабушки выражали свою признательность «батой» (благопожеланием).

Казахи говорят: «Жас келсе – іске, кәрі келсе - асқа» (молодой пришёл на подмогу, а пожилому готовыте угощение), «Қарты бар үйдің қазынасы бар» (пожилой человек в доме – сокровище данной семьи). Эти пословицы служат подтверждением того, что люди пожилого возраста олицетворяют мудрость и являются хранителями житейского опыта и этнокультуры.

Все факторы, обуславливающие духовно-нравственное становление, и развитие личности можно разделить на три группы: природные (или биологические), социальные и педагогические. Во взаимодействии со средой и целенаправленными воспитательными влияниями личность социализируется, приобретает необходимый опыт нравственного поведения.

Принятие обоснованных решений по вопросам формирования духовно-нравственных ценностей не может быть осуществлено без привлечения всестороннего анализа и оценки опыта мировых образовательных систем с учетом их взвешенного осмысления, критической переработки и соответствующей адаптации к условиям казахстанской системы образования, имеющей свой богатый опыт и свои плодотворные традиции. В мировой науке сложились определенные теоретические и эмпирические предпосылки изучения проблемы формирования духовно-нравственных ценностей на основе фольклора.

Список литературы:

1. Амонашвили Ш.А. Размышление о гуманной педагогике. – М., 1996.- с.38
2. Волков Г.Н. Этнокультурная направленность ценностных ориентаций // Гегярлт. № 1,2 - 2006. - с. 12-18.
3. Масару Ибука . После трёх уже поздно. - М., 2013. - 223 с.
4. Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания. «Казахстанская правда», 13 апреля 2017 г.
5. Послание Главы государства Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее». – Астана, 17 января 2014 г

PROBLEM OF ETHNIC TOLERANCE IN THE MULTICULTURAL SOCIETY

Kozubovska I.,*doctor of pedagogic sciences, professor, head of Department of General Pedagogic and Pedagogic of Higher School of Uzhhorod National University, Ukraine,***Hvozdyak V.***candidate of philosophic sciences, associate professor of the department of philosophy of Uzhhorod National University, Ukraine*

ПРОБЛЕМА МІЖЕТНІЧНОЇ ТОЛЕРАНТНОСТІ В ПОЛІКУЛЬТУРНОМУ СУСПІЛЬСТВІ

Козубовська І.В.,*доктор педагогічних наук, професор, завідувач кафедри загальної педагогіки та педагогіки вищої школи,***Гвоздяк В.М.***кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії**ДВНЗ «Ужгородський національний університет», м. Ужгород***Abstract**

In this article the problem of tolerance is discussed. The meaning of the term is defined. The history of investigation of this phenomenon is analyzed. Special attention is paid to the research of ethnic tolerance in multicultural society. The necessity of the development of ethnic tolerance in modern world is underlined and the important role of multicultural educational environment in this process is discussed.

Анотація

В статті розглядається проблема толерантності. Розкрито значення терміну «толерантність», проаналізовано історію наукових досліджень явища толерантності. Особлива увага звертається на дослідження етнічної толерантності в багатокультурному суспільстві. Підкреслюється необхідність розвитку міжетнічної толерантності в сучасному світі. Наголошується важлива роль в цьому процесі освітнього полікультурного середовища.

Keywords: tolerance, ethnic tolerance, multicultural society, development, multicultural educational environment.

Ключові слова: толерантність, етнічна толерантність, розвиток, багатокультурне суспільство, полікультурне освітнє середовище.

Сьогодні перед світом постає дилема: конфлікт різних цивілізацій, релігій (наприклад, Схід і Захід, християнство і мусульманство), або налагодження між ними діалогу, спроб взаєморозуміння, сприйняття, взаємної критики, самокритики. Складність сучасної ситуації полягає в тому, що, з одного боку, нетерпимість у сучасному світі не зменшується, а, навпаки, зростає, з іншого – цілком зрозуміло, що без згоди, мирного співіснування держав, народів, релігійних конфесій взаємне знищення різних цивілізацій, культур, соціальних і етнічних груп більш ніж ймовірно. Терпимість нині, як ніколи раніше в історії, є не просто філософським Ідеалом, а реальною умовою виживання.

На жаль, сучасний світ сповнений протиріч, конфліктів, суперечностей, проте людство все більше приходить до розуміння того, що безкомпромісність і непримиренність у боротьбі за ідеали повинна поступитися місцем більш високим цінностям – умінню знаходити взаємоприйнятні рішення, запобігати виникненню конфліктів.

Уміння прийняти іншу точку зору стає однією з важливих характеристик людини, яка володіє стійкими соціальними й моральними переконан-

нями, вміє засвоювати й переробляти нову інформацію, здатна до соціальної адаптації й соціальної творчості. Виходячи із цього, формування толерантності виступає і як умова успішного розвитку сучасного суспільства, і як соціальне замовлення системі освіти.

Етимологія слова «толерантність» (від латинського *tolerantia* – терпимість) зазвичай розкривається як терпимість до чужих думок і вірувань [1, с. 374].

Передісторія проблеми толерантності сягає корінням в античність. Хоч толерантність не стала предметом глибоких і всеосяжних міркувань античних філософів, у цей час було сформульовано багато теоретичних установок, що пізніше одержали подальший розвиток. Не випадково мислителі більш пізніх періодів часто посилаються у своїх працях за толерантності на ті або інші ідеї античних політичних діячів і філософів (Арістотеля, Марка Аврелія, Квінта Септимія Тертуліана та ін.). «Нехай один почитає Бога, інший – Юпітера! Нехай один піднімає руки із благанням до неба, інший – до жертovníка Вірності!» – одне з висловлювань Тертуліана, яке свідчить про розуміння філософом необхідності толерантності.

Прийнято вважати, що початком інтенсивного розвитку ідей толерантності є XVI століття – епоха Реформації, коли з особливою гостротою постала проблема толерантності як віротерпимості. У першій половині зазначеного століття християнський гуманізм сприяв розвитку релігійних дискусій у напрямку волі. Гуманісти не визнавали будь-який примус і особливо смертну кару для єретиків. Для релігійних дебатів того часу були характерні заклики до милосердя й поваги особистої свідомості.

Ідеї толерантності можна знайти в працях М.Монтеня, пізніше Вольтера, Дж.Локка та інших відомих учених минулого.

Сьогодні різні аспекти проблеми толерантності продовжують досліджувати вітчизняні і зарубіжні вчені: Б.Андрієвський, Т.Атрощенко, М.Беннет, І.Бех, А.Гольдман, Г.Дмитрієв, Я.Довгополова, О.Дубасенюк, Л.Жигун, Ю.Тодорцева, А.Томас, Т.Фокіна, Н.Якса та ін.

Дослідження науковців засвідчують, що проблема толерантності охоплює усі сфери суспільного життя нації: соціальну, релігійно-конфесійну, політичну, особистісну, міжнетічну.

Вітчизняні вчені пропонують різні визначення феномену толерантності: духовно-моральна властивість особистості, яка в своєму поведінковому розгортанні трансформується у вміння глибоко усвідомлювати себе і оточуючих, налагоджувати комунікацію, вільно взаємодіяти, виявляти милосердя та віру в людину (І. Бех); якість, що характеризується ставленням до іншої людини як до рівновартісної особистості й виявляється в свідомому пригніченні відчуття неприязні, що викликано усім тим, чим відрізняється інший: зовнішність, манери, мовлення, смаки, спосіб життя, переконання (О. Брюховецька); прояв у житті терпимості до інших думок, вірувань, світоглядних уподобань, а також визнання за людиною права на власну думку, публічне оприлюднення та доведення її правомірності; спокійне виважене ставлення людини до суджень інших людей (В. Зима); усвідомлення особистістю цінностей іншого та готовність жити конструктивно і діяти в різноманітному світі (Л. Жигун); здатність знижувати рівень емоційного реагування на несприятливі фактори міжособистісної взаємодії, поборювати ставлення до інакомислення (Н. Якса).

Дуже розлога характеристика поняття «толєрантність» пропонується в Декларації принципів толєрантності ЮНЕСКО («Declaration of principles on tolerance», прийнятій 16 листопада 1995 року [2, с.134-135], де, зокрема, стверджується наступне:

1.1.Толєрантність означає повагу, прийняття й правильне розуміння багатого різноманіття культур світу, форм самовираження й способів проявів людської індивідуальності. Їй сприяють знання, відкритість, спілкування й воля думки, совісті й переконань. Толєрантність — це гармонія в різноманітності. Це не тільки моральний обов'язок, але й політична і правова потреба. Толєрантність – це чеснота, яка уможливує досягнення миру й

сприяє заміні культури війни культурою миру.

1.2.Толєрантність – це не поступка, полегкість або потурання. Толєрантність — це, насамперед, активне ставлення, яке формується на основі визнання універсальних прав і основних свобод людини. Ні за яких умов толєрантність не може служити виправданням зазіхань на ці основні цінності, толєрантність повинні проявляти окремі люди, групи й держави.

1.3.Толєрантність – це обов'язок сприяти ствердженню прав людини, плюралізму, демократії й правопорядку. Толєрантність означає відмову від догматизму, абсолютизації істини, утверджуючи норми, установлені в міжнародних правових актах в галузі прав людини.

1.4.Прояв толєрантності, який співзвучний повазі прав людини, не означає терпимого ставлення до соціальної несправедливості, відмови від своїх або поступки чужим переконанням. Це означає, що кожний вільний дотримуватися своїх переконань і визнає таке ж право за іншими. Це означає визнання того, що люди по своїй природі різняться зовнішнім виглядом, положенням, мовою, поведінкою й цінностями, і мають право жити у світі й зберігати свою індивідуальність. Погляди однієї людини не можуть бути нав'язані іншим.

Відомі різні види толєрантності: гендерна, вікова, освітня, міжнаціональна (міжетнічна), расова, релігійна, географічна, фізична і фізіологічна, політична, сексуальна, маргінальна та ін.

У контексті нашого дослідження найбільший інтерес викликає міжетнічна толєрантність, яка загалом тлумачиться як основоположна якість людини, що забезпечує налагодження ефективних стосунків, розуміння, поваги до іншої нації, етносу, культури, конфесії. Тобто міжетнічна толєрантність є цінністю та соціальною нормою громадянського суспільства, що забезпечує право всіх громадян, незалежно від їх національної приналежності, бути різними та мати повагу до культурної різноманітності, збереження та розвиток розуміння, співробітництва, власної самобутності та самобутності інших.

Міжетнічна толєрантність розглядається нами як необхідна умова соціального розвитку та суспільного миру, одна із засадничих цінностей громадянської свідомості, механізм захисту культурної різноманітності світу, а також як ефективний засіб модернізації нації. Сформована міжетнічна толєрантність забезпечує взаємоповагу людей, дозволяє уникати руйнівних соціальних розбіжностей, запобігати конфліктам та агресії на міжнаціональному ґрунті. Вона акумулює в собі значний загальноосвітній та виховний потенціал, спрямований на підвищення рівня загальної культури особистості, культури мислення, готує до міжкультурної комунікації з представниками різних етнічних груп, допомагає глибше проникнути в систему цінностей і життєвих орієнтирів та при цьому грамотно інтегрувати їх у власну картину світу та розширити власне світобачення.

Безперечно, міжетнічна толєрантність повинна починати формуватися вже в дитячому віці. Проте

вважаємо, що найбільші можливості в цьому плані існують в умовах полікультурного середовища навчальних закладів вищої освіти.

Полікультурне середовище розуміється як процес освоєння підрастаючим поколінням етнічної, загальнонаціональної й світової культури з метою духовного збагачення, розвитку планетарної свідомості, формування готовності й умінь жити в багатокультурному суспільстві, представленому системою культурних цінностей.

Полікультурне середовище дає можливість глибше вивчити й усвідомити різноманіття народів, що населяють світ, орієнтувати майбутніх фахівців на цінності культури, діалогу, світорозуміння. Полікультурне середовище також спрямоване на вивчення формальної і неформальної системи освіти й передачі національних цінностей, традицій, ритуалів, що виражають погляди й вірування різних народів. Тільки через діалог з іншою культурою можна досягти певного рівня самопізнання, тому що при діалогічній зустрічі двох культур, кожна зберігає свою єдність і відкриту цілісність, одночасно збагачуючи іншу.

Г. Рогальова зазначає, що полікультурне освітнє середовище є культурним простором, у якому виділяють безліч конкретних середовищ, у них відбуваються процеси соціалізації, формується індивідуальність кожного. Полікультурне освітнє середовище виступає засобом збереження й розвитку етнічних культур, включення цінностей етнічних культур у практику виховання й навчання, та, відповідно, вирішення актуальних проблем педагогіки» [3, с.66-67].

Полікультурне освітнє середовище вищого навчального закладу є місцем можливих дискусій, дозволяє студентам навчитися вирішувати проблеми і конфлікти міжкультурної взаємодії шляхом діалогу, співробітництва і компромісів, дає уяву про смисл існування людства загалом, формує якості, необхідні для успішної інтеграції особистості в іншу культуру, виховує навички толерантної поведінки людей в полікультурному суспільстві. Це – простір позитивної взаємодії індивідів, груп, культур, які представляють різні етноси, культури, релігії, заклад з багатокультурним, різновіковим контингентом викладачів і студентів, який покликаний задовольнити освітні, соціальні і адаптивні потреби індивіда в багатокультурному суспільстві.

Очевидно, що в умовах багатокультурного світу й поліетнічного українського суспільства полікультурне середовище стає невід'ємною частиною педагогічної культури викладача. Воно містить культурологічні, етноісторичні знання, розуміння важливості культурного плюралізму, умінь виділяти й вносити в зміст загальної освіти ідеї, що відображають культурне різноманіття світу, а також умінь організувати педагогічний процес як діалог носіїв різних культур у часі й просторі.

Формування толерантності студентів в умовах полікультурного освітнього середовища передбачає наступні аспекти:

- розуміння кожним індивідом унікальності інших народів, різноманіття їх культур та історичних особливостей;

- цілеспрямоване й планомірне систематичне навчання відмові від насильства, використанню мирних засобів для вирішення розбіжностей і конфліктів;

- прищеплення поваги до інших, солідарності й причетності, які базуються на усвідомленні й прийнятті власної самотності, здатності до визнання множинності людського існування в різних культурних і соціальних контекстах.

Як основні умови формування толерантності студентів у полікультурному середовищі вищої школи можна визначити: єдність навчальної і позааудиторної діяльності студентів у полікультурному середовищі вишу; інформаційно-психологічну освіту з метою підвищення рівня поінформованості з проблеми толерантності й навчання студентів (спецкурс, тренінги, вправи та ін.); індивідуально-орієнтовану взаємодію «студент - викладач», при якій реалізуються навички міжкультурної комунікативної толерантності й виникають передумови для успішного розвитку духовних і моральних якостей; виробничу практику в полікультурному середовищі регіону (міста); наукову роботу з дослідження міжетнічної толерантності; організацію спеціальних виховних заходів та ін. Загальна мета полікультурного середовища у навчальному закладі вищої освіти – підготовка молоді до життя в умовах багатонаціонального соціуму.

Аналіз теоретичних робіт вітчизняних і зарубіжних авторів, присвячених проблемі полікультурної освіти (Дж.Бенкс, Ф.Бех, М.Галицька, О.Гуренко, Л.Жигун, В.Євтух, З.Малькова, Р.Портер, А.Садокін, Е.Швачко, Н.Якса та ін.), дає можливість виділити основні виховні напрямки в полікультурному середовищі навчального закладу вищої освіти: формування в майбутніх фахівців уявлень про різні типи характеру культур (расового, етнічного, соціального, гендерного, релігійного) як у нашій країні, так і зарубіжжям; формування вмінь спілкуватися й співробітничати із представниками різних національностей, рас, віросповідань, соціальних груп; створення умов для інтеграції в культуру інших народів; виховання позитивного ставлення до культурних відмінностей, розуміння рівноцінності культур; виховання в душі миру, терпимості, продуктивного спілкування, формування гуманістичного світогляду; сприяння активній діяльності, спрямованій на вирішення існуючих культурних конфліктів, мінімізацію культурної дискримінації, культурної агресії і культурного вандалізму.

Державні стандарти освіти в Україні дають сьогодні можливість доповнити освітні програми етнокультурними компонентами, що сприяє ознайомленню студентів із власною історією, художнім мистецтвом, традиціями в контексті культурного розвитку країни і світу. Це дозволяє більш чітко визначити роль і місце рідної культури в загальноцивілізаційному процесі, не допустити

самоізоляції етносу, забезпечити єдиний культурний і освітній простір і в остаточному підсумку сприяє розширенню соціальної мобільності особистості. Включення в навчальні плани інтегрованих курсів літератури, культури, історії, релігії, мистецтва народів регіону допомагає зрозуміти взаємовплив, взаємопроникнення і взаємозбагачення культурно-історичного досвіду різних етнічних спільнот, виявити його загальнолюдський потенціал.

Такий напрямок у реалізації завдань полікультурної освіти, зокрема, формування міжкультурної толерантності, дозволяє педагогам орієнтуватися на:

- всебічне оволодіння студентами культурою свого власного народу, як неодмінна умова інтеграції в інші культури;
- ознайомлення студентів правам людини й навчання миролюбству;
- формування уявлень про різноманіття культур в Україні і світі;
- виховання позитивного ставлення до культурних відмінностей, що сприяють прогресу людства;
- створення умов для інтеграції в культури інших народів;
- формування вмінь і навичок ефективної взаємодії із представниками різних культур:

- виховання в душі миру, терпимості, гуманного міжнаціонального спілкування.

Таким чином, полікультурне середовище навчального закладу активізує процеси самопізнання, саморозвитку, що сприяють розвитку механізмів рефлексії; спрямовує діяльність викладачів вищої школи на виявлення специфіки суб'єктів освіти, їх найважливіших потреб і проблем в організації процесу педагогічної взаємодії, у якому кожний має можливість виявити особисто значиму мету життєдіяльності (індивідуальної сфери самореалізації); актуалізувати пошук засобів і форм адаптації, захисту й підтримки особистості, надавати допомогу консультативного, інформаційного й практичного характеру, спрямовану на розвиток толерантних якостей особистості студентів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Словник іншомовних слів // Укладач О. Давидова. Тернопіль. Підручники і посібники. 2007. 430 с.
2. Декларація принципів толерантності. Утверджена резолюцією 5.61 Генеральної конференції ЮНЕСКО від 16 листопада 1995 р. Електронний ресурс. Режим доступу: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/995_503
3. Рогалева Г. Социальная и культурная среда школ в мультикультурном регионе. *Новые ценности образования: культурная и мультикультурная среда школ*. М.: Инноватор, 1996. Вып. 4. С. 65–68.

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL COMMUNICATION CULTURE AS AN IMPORTANT SOCIAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM

Povidaychuk O.,

Doctor of pedagogic sciences, professor of the Department of Sociology and Social Work of Uzhhorod National University, Ukraine,

Rohach L.

Candidate of philological sciences, associate professor of the Department of English Language of Uzhhorod National University, Ukraine

ФОРМУВАННЯ КУЛЬТУРИ МІЖНАЦІОНАЛЬНОГО СПІЛКУВАННЯ ЯК ВАЖЛИВА СРІЦІАЛЬНО-ПЕДАГОГІЧНА ПРОБЛЕМА

Повідайчук О.С.,

Доктор педагогічних наук, професор кафедри соціології і соціальної роботи Ужгородського національного університету, Україна

Рогач Л.В.

кандидат філологічних наук, доцент кафедри англійської мови Ужгородського національного університету, Україна

Abstract

This article deals with the questions of international communication in multicultural state. The content of terms «international communication», «culture», «culture of international communication» is determined, the main functions and content of the culture of international communication are analyzed. The most important peculiarities of the development of international culture communication in the multicultural region are revealed.

Анотація

В статті розглядаються питання міжнаціонального спілкування в багатокультурному суспільстві. Визначено сутність понять «міжнаціональне спілкування», «культура», «культура міжнаціонального спілкування», проаналізовані основні функції культури міжнаціонального спілкування, розкрито її зміст. Виявлено особливості формування культури міжнаціонального спілкування в поліетнічному регіоні.

Keywords: multicultural state, international communication, culture, development, multicultural region.

Ключові слова: багатокультурна країна, міжнаціональне спілкування, культура, формування, полікультурний регіон.

Україна є багатонаціональною державою і питання ефективної міжнаціональної взаємодії завжди були в центрі уваги. Останнім часом в зв'язку з посиленням міжетнічної напруги, воєнними діями на сході країни вони ще більше активізувалися.

Вітчизняні науковці (К. Баханов, О. Гуренко, Л. Пуховська та ін.) глибоко досліджують різні аспекти проблеми, зокрема, наголошують на необхідності реалізації в процесі виховання молоді в багатонаціональній державі принципу полікультурності, який відзначений як провідний у вихованні молоді в «Концепції громадянського виховання особистості в умовах розвитку української державності». Його реалізація означає, що в процесі громадянського виховання мають створюватись умови для формування особистості, вихованої в національній культурі і водночас відкритої іншим культурам, ідеям і цінностям. Тільки така особистість здатна зберегти національну ідентичність, оскільки глибоко усвідомлює національну культуру як невід'ємну складову світової культури [1, с. 8].

У Національній доктрині розвитку освіти наголошується на таких пріоритетних завданнях сучасної полікультурної освіти: збереження та збагачення українських культурно-історичних традицій, виховання шанобливого ставлення до національних святинь, української мови, а також до історії та культури всіх корінних народів і національних меншин, які живуть в Україні; формування культури міжетнічних і міжособистісних стосунків; виховання людини демократичного світогляду, яка дотримується громадянських прав і свобод, з повагою ставиться до традицій, культури, віросповідання та мови спілкування народів світу [2].

Реалізація принципу полікультурності освіти передбачає формування культури міжнаціонального спілкування.

Ми розглядаємо культуру міжнаціонального спілкування як спосіб організації й розвитку міжнаціональних взаємин, спрямованих на освоєння й взаємозбагачення прогресивних національних цінностей і традицій, на створення умов для росту матеріального й духовного багатства кожної людини й суспільства в цілому.

Поняття «культура» включає всі матеріальні й духовні цінності, створені людським суспільством, способи, норми людської діяльності, що характеризують особливості функціонування конкретного суспільства. Поняття «культура спілкування» є видовим стосовно родового поняття «культура», оскільки саме в спілкуванні виявляються суспільні зв'язки людей. При цьому спілкування виступає як необхідна передумова становлення не тільки соціальних відносин, але й культурного світу в цілому. Таким чином, культура міжнаціонального спілкування й матеріальна культура взаємодіють, змінюючи в процесі матеріально-перетворюючої діяльності, як саму людину, так і характер її відносин з іншими людьми.

Сутність культури міжнаціонального спілкування полягає в тому, що забезпечуючи збереження й розвиток накопичених окремими націями й переданих від покоління до покоління цінностей і традицій, вона сприяє реалізації повноцінного спілкування між представниками різних національностей на основі взаємозбагачення культур і створює умови для творчого, духовного розвитку особистості.

Доцільно виділити специфічні функції культури міжнаціонального спілкування, до яких ми відносимо: трансляційну – зберегти історичну пам'ять, критично переосмислити досвід попередніх поколінь і на цій основі виробити правильні критерії й соціальні орієнтири взаємин різних націй і народностей; нормативну – виробити норми й вимоги, що забезпечують соціальний тип поведінки у взаєминах представників різних національностей, відповідний до вимог сучасного етапу розвитку суспільства; комунікативну – формувати вміння й готовність установлювати контакти з особами інших національностей, повніше використовувати можливості міжнаціонального спілкування для розвитку й удосконалення особистості; сприяти формуванню толерантності у взаєминах із представниками різних культур, національностей.

Враховуючи все вищевикладене, правомірно включити в зміст поняття «культура міжнаціонального спілкування» наступні складові:

- знання про основні ціннісні характеристики (інтернаціоналізм, патріотизм, дружба народів, громадянськість, толерантність та ін.); знання про можливості досягнення взаєморозуміння в міжнаціональному спілкуванні; знання рідної мови, мови країни проживання, мов інших народів; знання й перетворення в життя загальноприйнятих на міжнародному рівні норм і правил, які регулюють відносини представників різних етнічних груп; розуміння необхідності трудитися на благо своєї нації, народів країни проживання та ін.;

- національну скромність і турботу про гідність своєї нації; народів країни проживання, усього людства; глибока повага до національної гідності громадян своєї національності і будь-якої іншої, доброзичливість і такт у взаєминах; соціально й професійно орієнтовані реакції на характер, стиль і особливості поведінки людей інших національностей; поєднання почуття національної й загальнонародної гордості, приналежності до людського роду; нерозривний і постійний інтерес до культури свого народу, народів країни проживання, усвідомлення її місця в загальнолюдській культурі; розуміння значення культури міжнаціонального спілкування та ін.;

- дотримання традиційних форм міжнаціонального спілкування, які склалися; прагнення до оволодіння й підвищення культури міжнаціонального спілкування; прагнення й сприяння розширенню взаємозв'язків своєї нації з народами країни

проживання й усього світу; прагнення реалізувати на практиці взаємно погоджені принципи безконфліктного взаєморозуміння в процес міжнаціонального спілкування; здатність протистояти національній обмеженості й замкнутості, упередженості й ворожнечі, національній недовірі й відчуженості й ін.

Змістова характеристика поняття «культура міжнаціонального спілкування» показує, що кількість компонентів, що становлять його, може бути більше, причому комбінації цих компонентів також різні, проте комплекс даних комбінацій, з якого випливає існування аналізованого явища, можна вважати достатнім.

Доцільно уточнити сутність поняття «формування культури міжнаціонального спілкування», під яким маємо на увазі цілеспрямовані педагогічні дії, спеціально організовані на забезпечення нормальних міжетнічних взаємин серед вихованців.

Формувати культуру міжнаціонального спілкування молоді означає:

- 1) прилучати особистість до основ знань своєї національної, народної культури;
- 2) допомогти усвідомити особистості власну етнічну ідентичність;
- 3) прищеплювати почуття терпимого, поважного ставлення до представника іншого етносу в умовах багатонаціонального середовища;
- 4) формувати навички взаємоприйнятного спілкування між представниками різних етнічних груп на основі ділового співробітництва й партнерства;
- 5) навчати способам культуровідповідної взаємодії в кризових, напружених ситуаціях;
- 6) розбудовувати звички толерантного самовираження й толерантного ставлення до інших культур.

На думку вчених, формування культури міжнаціонального спілкування включає: визначення загальної мети й конкретних завдань; ознайомлення молоді із системою наукових знань про права й свободи окремої людини і народів, про нації і їх відносини, про раси й релігійні конфесії; формування громадянських і загальнолюдських почуттів і свідомості; розвиток позитивного досвіду культури спілкування з людьми різних націй, рас і релігійних конфесій; забезпечення високоморальної мотивації вчинків і поведінки молоді в процесі їх спілкування.

Слід підкреслити, що формування культури міжнаціонального спілкування можливо тільки тоді, коли дотримується рівновага між її двома взаємозалежними ланками: розвитком національної самосвідомості людини на базі своєї культури, мовного середовища й оволодінням досягненнями світової культури, системою загальнолюдських цінностей.

Виховання культури міжнаціонального спілкування відбувається через освіту і прилучення

особистості до культури: рідної (культура конкретного етносу), національної і світової. Виникає необхідність проектувати зміст діяльності інститутів освіти так, щоб сприйняття, освоєння й відтворення національних культурних цінностей відбувалося в контексті загальнонаціональної, регіональної і світової культури, що веде до взаємозбагачення культур при збереженні кращих рис самотності.

Зміст діяльності інститутів освіти й виховання включає наступні рівні:

- глобальний, що передбачає орієнтацію на світові цінності, які увібрали в себе все краще, створене людством;
- державний (національний), заснований на культурних досягненнях українського суспільства, який водночас увібрав у себе культурні цінності різних народів;
- регіональний (місцевий), що охоплює місцеві етнічні культури, звичаї, традиційні види діяльності;
- одиничний – синтез, що представляє собою поєднання всього позитивного, ціннісного в особистості, що дозволяє розкрити й реалізувати потенційні можливості кожного й допомагає швидкій адаптації в будь-якому полікультурному оточенні.

У формуванні культури міжнаціонального спілкування вчені (З. Гасанов, В. Крисько, В. Матіс та ін.) виділяють кілька компонентів:

Перший – знання історії, культури свого етносу, його традицій. Без національної соціальної пам'яті немає й не може бути національної культури.

Другий компонент – знання національної культури етносу, з яким здійснюється процес спілкування. В умовах полікультурного суспільства особливо важливими є знання народних звичаїв і обрядів, свят і народних традицій, танців, прислів'їв, казок, народної педагогіки й медицини – всього, що пов'язане з духовною культурою, що може вберегти від некомпетентності, помилок при прийнятті важливих рішень і попередити необдумані вчинки.

Третій компонент – знання ролі своєї національної культури й ролі культури етносу – партнера у світовій культурі. Ці знання особливо важливі й допоможуть уберегти від національного чванства, хизування. Об'єктивна інформація й глибокі знання дозволять адекватно оцінювати не тільки свій етнос, але й партнера по спілкуванню. Це одна з найважливіших умов оцінки явищ громадського життя й формування культури міжнаціонального спілкування.

Четвертий компонент – знання особливостей національної культури як вираження національної психології, що також дозволить уникнути помилок у спілкуванні.

У якості п'ятого компонента може виступати емпатія, що означає знання й розуміння психологічних особливостей етносу, здатність до співпереживання, уміння поставити себе на місце ін-

шого. Ця якість найбільш важлива в періоди нестабільності й різних конфліктів у суспільстві, коли особливо потрібна підтримка один одного. На жаль, ця якість розвинена далеко не однаково в усіх, що також може приводити до проблем спілкування. Часто трапляється так, що люди, не знаючи досконало мову, відчувають труднощі у виборі слів, вони можуть бути не зовсім точними, але тон, яким вони розмовляють, міміка можуть підказати подальшу реакцію його співрозмовникові. Тобто, важливими у спілкуванні є вербальні і невербальні засоби.

Шостий компонент – знання рідної мови(мови свого етносу) і мови міжнаціонального спілкування (державної). Визначення етнічного компонента освіти в сучасних умовах навчальних закладів полікультурної моделі здійснюється на мовному рівні, оскільки саме в мовах і, насамперед, у діалектних формах відображені культурні традиції різних етносів. Оволодіння рідною мовою передбачає не тільки формування уяви про систему мови, але й розвиток комунікативних умінь і навичок, оволодіння нормативною стороною мови. При цьому рідна мова, будучи культурною спадщиною, що увібрала в себе всі закономірності історичного розвитку, виступає також як засіб пізнання культури свого народу.

Слід відзначити, що в сучасних виховних системах формування культури міжнаціонального спілкування серед молоді, має певні складності.

Особливо це стосується поліетнічних регіонів України, до яких, зокрема, належить Закарпатська область, де здавна проживають українці, росіяни, білоруси, вірмени, угорці, румуни, словаки, поляки, німці, євреї, цигани та інші національності. Найбільшою в області є угорська спільнота.

На сьогоднішній день в Закарпатській області функціонують 123 загальноосвітні школи, гімназії та ліцеї з мовами навчання національних меншин. Зокрема, в Берегівському, Ужгородському, Виноградівському і Мукачівському районах працюють навчальні заклади для угорськомовних дітей, в Рахівському і Тячівському районах – навчальні заклади задовольняють освітні потреби румунів, в Ужгороді та Ужгородському районі – словаків. Є також школи, де переважно навчаються діти-ромі Ужгород, Мукачево). Крім цього, поширеними є недільні школи (російські, вірменські, ромські, німецькі, єврейські та ін.) Їх налічується близько 20.

Педагогічні кадри для цих шкіл готує Ужгородський національний університет, Мукачівський державний університет, Закарпатський угорський інститут.

Важливим напрямком процесу оптимізації регулювання міжнаціональних відносин в поліетнічному регіоні є підвищення ефективності мовної політики. Мовна політика включає в себе сукупність правових, політичних, культурних та інших засобів, спрямованих на задоволення багатограних мовних потреб людей різних національностей з урахуванням регіональних особливостей, вільний

розвиток та рівноправне використання мов, збагачення білінгвізму на основі загальнонаціонального та регіонального.

Необхідна умова оптимізації мовної політики – створення відповідних умов для посилення в суспільстві ролі та значення державної української мови, вирішення суперечностей між сутністю національної культури та мовними засобами її реалізації, і одночасно врахування необхідності зміцнення етносоціальної культури, забезпечення правових гарантій розвитку мов національних меншин, задоволення духовних потреб усіх народів.

Сьогодні однією з суттєвих проблем в роботі шкіл з мовами навчання національних меншин в Закарпатській області є вивчення державної мови, оскільки вивчення української мови як державної у школах національних меншин розпочалося тільки з 1991 року. Опанування ж українською мовою як державною створює передумови для активної участі у суспільно-громадському і культурно-освітньому житті та забезпечує право на відповідні робочі місця для громадян України незалежно від расової, національної належності, віросповідання. Повноцінним громадянином держави можна бути, коли людина володіє мовою держави, в якій проживає, але водночас рідна материнська мова, безперечно, є найважливішим, найбагатшим і найміцнішим зв'язком, що з'єднує минулі і майбутні покоління народу в одне велике, історичне живе ціле, і теж обов'язково повинна вивчатися.

Підкреслимо, що перші роки навчання мають велике значення у розвитку дитини. Ця істина відома давно, але вона не втратила свого значення і нині. На нашу думку, в ідеалі предмети в початковій школі мають викладатися мовою меншин. Викладання мови меншини як предмета повинно здійснюватись на постійній основі. Офіційна мова держави також повинна бути предметом постійного викладання, бажано вчителями, які володіють двома мовами і добре знають рівень культурної і мовної підготовки дитини. У середній школі необхідно збільшувати кількість предметів, які викладаються державною мовою, причому, чим поступовішим є таке забезпечення, тим краще для розвитку дитини.

Проте, здійснюючи навчально-виховний процес, потрібно гармонійно поєднувати як вивчення державної мови, так і вивчення рідної/материнської мови. Необхідно пам'ятати, що якщо для загального розвитку особистості важливішим критерієм є вивчення материнської мови, то для повноцінної соціалізації особистості, як рівноправного громадянина України, в такій же мірі є оволодіння державною мовою. Вивчення державної мови знімає обмеження з комунікативних можливостей, сприяє формуванню комунікативної компетентності, як важливого фактору соціалізації і різностороннього розвитку особистості, виховання громадянина.

Крім цього, реалії сучасного розвитку суспільства, розширення міжнародних контактів вимагають знання принаймні однієї із поширених світових іноземних мов. Як слушно відзначає академік

В.Кремінь, інтеграція України у світову спільноту потребує досконалого володіння громадянами іноземними мовами. Без таких знань долучитися до міжнародного співтовариства неможливо [3, с.5].

Таким чином, сьогодні в навчальних закладах повинно органічно поєднуватися вивчення рідної, державної та іноземних мов, що сприяє формуванню культури міжнародного спілкування, попередженню міжетнічних конфліктів.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ:

1. Концепція громадянського виховання. Міністерство освіти і науки України. Інф. зб. Мін. освіти України, 2000. № 22. С. 7–20.
2. Національна доктрина розвитку освіти. Освіта України. Нормативно-правові документи. К.: Міленіум, 2001. 472 с.
3. Кремінь В.Г. Виховання і наука – пріоритетні сфери розвитку суспільства у ХХІ ст. *Вища школа*. 2002. №4. С.5.

ELUCIDATION OF THE INTERDISCIPLINARY QUESTIONS AS A BACKGROUND TO THE CREATION OF WESTERN MODELS OF SELF-REALIZATION OF AN ELDERLY'S PERSONALITY IN ARTISTIC ACTIVITY

Chigintseva O.

*Candidate of Pedagogic Sciences, additional education teacher
Municipal Autonomous Institution of Continuing Education
"Station of young technicians" of the Novouralsk city district*

ОСВЕЩЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВОПРОСОВ ПРИ ОБОСНОВАНИИ ЗАПАДНЫХ МОДЕЛЕЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ ПОЖИЛОГО ЧЕЛОВЕКА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Чигинцева О.Н.

*к.п.н., педагог дополнительного образования
Муниципальное автономное учреждение дополнительного образования
«Станция юных техников», г. Новоуральск*

Abstract

The actual problem of self-realization of an elderly's personality is raised in this article, artistic activity is offered as a way of self-realization. There is no single, universal conception of self-realization, that is why the author put the accent on self-realization of representative of Western culture and make the interdisciplinary questions, that are from the problem's fields of various sciences, clear enough. These sciences are the following: anthropology, gerontology, culturology and others. On the ground of conclusion the description of Western models of self-realization of an elderly's personality in artistic activity is done there.

Аннотация

В данной статье поднимается актуальная проблема самореализации личности пожилого человека, в качестве способа самореализации предлагается изобразительная деятельность. В связи с тем, что не существует единого, общечеловеческого представления о самореализации, делается акцент на самореализацию личности представителя западной культуры, для этого освещаются междисциплинарные вопросы из проблемного поля различных наук: антропологии, геронтологии, культурологии и др. На основании сделанных выводов дается описание западных моделей самореализации личности пожилого человека в изобразительной деятельности.

Keywords: self-realization of elderly's personality, artistic activity, Western models, anthropology, gerontology, culturology.

Ключевые слова: самореализация личности пожилого человека, изобразительная деятельность, западные модели, антропология, геронтология, культурология.

В последние несколько десятилетий во многих странах мира происходит увеличение абсолютного числа пожилых людей и их доли в общей численности населения. Для этого в 1991 году Генеральной Ассамблеей ООН провозглашены «Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей», касающиеся независимости, вовлеченности, ухода, самореализации и достоинства [12]. На основе этих принципов во всем мире применяются комплексные меры – социального, экономического и технологического характера, а именно: декларируются условия для комфортного суще-

ствования пожилого человека в «обществе для людей всех возрастов» [4]; меняется пенсионное законодательство, пересматривается пенсионный возраст; происходит адаптация системы здравоохранения и других услуг социальной сферы с учетом особых потребностей людей старшего возраста, развивается медицина, достижения которой расширяют границы возраста «активной старости».

Кроме того, что в обществе предпринимаются внешние меры, каждому человеку необходимо самому решить, станет ли «активное долголетие» нормой его жизни? В настоящей статье к проблеме старения личности пожилого человека обращается

интерес педагогической общественности. Люди старшего поколения больше всего нуждаются в психологической и педагогической поддержке, по сравнению с людьми других возрастных групп – детьми и молодыми людьми. Первое поколение, или дети, не могут жить самостоятельно, для этого они имеют недостаточное в норме физическое, душевное и умственное развитие, но о них в полной мере заботятся их родители, государство оказывает помощь в организации бесплатного общего образования. Второе поколение, или молодые люди, достигшие пика зрелости своих физических, душевных, интеллектуальных сил, сами способны обеспечить себе материальное и психологическое благополучие. И только людям старшего поколения, начинающим испытывать возрастание уязвимости своего организма, не приходится полагаться на кого-либо, а только на себя, т.к. их дети заняты проблемами своих собственных семей, а государство может дать только самое необходимое для продолжения жизни, но не обеспечивает бесплатное образование.

Универсальность феномена так называемого элегантного возраста и последующего старения заключается в том, что он касается не только большой социо-возрастной группы населения в возрасте 60+, но и каждого конкретного человека в более молодом возрасте, который еще не получил свой опыт проживания этого возраста, но получит его в период, который ему предстоит прожить (т.н. «перспективного старения»). То, как мы, находясь в молодом или зрелом возрасте, расцениваем жизнь человека в пожилом и старом возрасте, может оказаться вполне реальным взглядом на наше собственное будущее.

Однако, в образовании следует учитывать не только универсальность пожилого и старого возрастов, но и особенности человека как индивида на второй половине жизненного пути. К этим особенностям социальные психологи и геронтологи относят следующие возрастно-нормативные события этого периода [10, с. 37-60; 13, с. 165-201]: перестройку структуры внешнего окружения (прекращение работы и выход на пенсию; снижение уровня жизненной и социальной перспективы – утрату профессионального и социального престижа, изменение в составе семьи, ограничение социальных контактов, уменьшение доходов); внутреннюю перестройку (снижение уровня работоспособности, продуктивности деятельности, а также интеллектуальных способностей, самооценки, частое проявление мнительности, тревожности, неуверенности в будущем; болезненное восприятие неизбежности и близости смерти; потерю биологической адаптивности, снижение физической активности, ухудшения в работе органов чувств).

Для преодоления отрицательного отношения к комплексу названных факторов, современное образование может предложить личности пожилого человека – подготовку к самореализации и один из ее способов – в изобразительной деятельности. При разработке методологии самореализации в россий-

ских условиях необходимо сохранять лучшие традиции отечественного образования и одновременно учитывать мировые тенденции развития образовательных систем, в т.ч., западные тенденции.

Проблема самореализации впервые в условиях современности начинает разрабатываться на Западе психологами А. Маслоу, К. Роджерсом. Они видят самореализацию личности, исходя из целостного отношения к человеческой природе, включая в нее духовные переживания и красоту – как имеющие естественное происхождение. В фокусе внимания педагогического взаимодействия оказываются не столько потребности пожилого человека или его проблемы, сколько его нереализованные способности. Кроме того, психологами и геронтологами на Западе (Э. Блэкберн, Г.Л. Мэддокс, Э. Эриксон) постулируется возможность непрерывного развития способностей на всех стадиях жизненного пути и постоянное нарастание уникальности личности на фоне преемственности развития – в противовес устойчивому стереотипу предвзятого отношения к старению как пассивному приготовлению к смерти.

В культурном ареале на Западе понимание «человеческой природы» изначально выходит за рамки общецивилизационной «нормы», в направлении рационального знания о человеке, акцентирующего центральную фигуру «познающего индивида». Следуя утверждениям многих философов, культурологов и психологов – специалистов в области западной культуры (Э. Гуссерль, А. Маслоу, Э. Фромм, Ю. Хабермас, М. Хайдеггер, О. Шпенглер, К.-Г. Юнг, К. Ясперс), главная особенность западного общества – «рационалистичность». «Рационалистичность» общества влечет за собой рационалистичное отношение к личности пожилого человека, его возрасту, здоровью, старению.

Принятое на Западе рационалистичное отношение к личности пожилого человека предполагает, что этот вопрос разрешается в направлении на глобальное недоверие к самостоятельному сохранению физического здоровья – личностью в пожилом возрасте, а также в направлении на неуважение к пожилому возрасту, которое заключается в рассмотрении этой возрастной группы в качестве субкультуры и даже контркультуры, якобы угрожающей обществу, вынужденному «содержать» пожилых.

Существует мнение, что на Западе к старости относятся с меньшим уважением, чем на Востоке. Однако, если решить, что это слишком неоправданное обобщение, то следует разделить это мнение на два вида отношений, когда: 1) похвальным считается лишь активное долголетие, и пожилые могут оставаться полезными обществу; 2) менее позитивно оценивается беспомощная старость, требующая уход за человеком. Эти два вида отношений, так же, как и различия между двумя категориями старых людей: 1) активные старые люди и 2) не активные старики – слабые, больные – существовали с древних времен. В то же время, концепции «выхода на пенсию» не существовало ни в одном из древних обществ [13, с. 181-202].

И это является современным «завоеванием»

Запада. Первой страной, создавшей пенсионную систему, целью которой было оказание помощи людям, утратившим способность обеспечивать собственное существование в связи с достижением возраста нетрудоспособности, стала Германия. Согласно закону о государственном пенсионном обеспечении лиц, работающих по найму, принятому в 1880-е годы, пожилые люди обрели право на государственную пенсию в размере 20 % от средней зарплаты по достижении 70-летнего возраста [19, р. 46]. Принятие этого закона стало реализацией одного из пунктов социальной программы германского рейхсканцлера Отто фон Бисмарка.

Вернемся к рассмотрению второго вида отношения к старению, которое сохраняется в западном сознании до сегодняшнего дня. Это отношение имеет негативное значение, оно основывается на дискриминационной геронтофобной установке «старение как процесс разрушения или упадка», а «старый возраст есть зло». Понятие «геронтофобия» (gerontos – старец, phobos – боязнь) объясняется как боязнь старых людей и старости. Каждое общество превозносит силу и плодородность, тесно связанные с молодостью, красотой, и опасается «изношенного бесплодия и дряхлости, которые приходят со старостью» [18]. С этим высказыванием французской писательницы и представительницы экзистенциальной философии С. де Бовуар соглашаются многие исследователи, подчеркивая пессимизм и враждебность к старению «во все времена». Негативные установки по отношению к старым людям возникли на ранних этапах прогресса общества, в условиях скудости существования. Такой взгляд, выражающий неопределенность и двусмысленность человеческого существования в пожилом возрасте, оказывает существенное влияние на мотивы поведения, самочувствие и даже состояние здоровья пожилых людей, считающих себя лишними в обществе, не принадлежащими ему.

Кроме того, негативное отношение ведет к вражде между поколениями. А каждое поколение имеет свой способ трансляции культуры, передачи культурного наследия, восприятия новых тенденций и перемен. Поэтому устаревшие геронтофобные установки требуют незамедлительной критики, а рационалистичное отношение к старению личности пожилого человека требует преодоления.

С гуманистической позиции, это возможно сделать – в западных моделях самореализации личности пожилого человека в изобразительной деятельности. Эти модели могут повысить общественное признание пожилых и старых людей на Западе – как носителей традиций и культурного наследия наций; могут раскрыть современные научные знания о возможности психологической наполненности, о красоте поздних лет жизни, о самореализации в изобразительной деятельности как одним из путей достижения «благополучного» старения.

Человек – явление биосоциальное, поэтому изучением его должен заниматься целый комплекс биосоциальных наук. Советский психолог Б.Г. Ананьев полагает, что особенность современного науч-

ного развития характеризуется тенденцией к объединению различных наук, исследующих человека, в различные комплексные системы, к построению синтетических характеристик человеческого развития [1]. Следуя этой точке зрения, методология, направленная на подготовку личности к самореализации в изобразительной деятельности, приобретает характер междисциплинарного исследования, охватывающего вопросы из проблемного поля различных наук: антропологии, социальной и возрастной психологии, геронтологии, культурологии, искусствоведения, художественной педагогики.

Антропологические теории в разработке немецких (И. Кант, М. Шелер) [9; 16, с. 31-95]) и французского (П. Т. де Шарден) [14]) философов-антропологов помогают сформулировать положение об антропологическом подходе. *«Антропологический подход к самореализации личности пожилого человека» – это понятие, руководящее общей стратегией непрерывного расширения возможностей человека как био-психо-социо-духовной системы через взаимодействие биологических и социокультурных составляющих человеческой природы – на протяжении второй половины жизненного пути.*

Антропологический подход позволяет поставить следующие педагогические задачи: 1) научить пожилого человека поддерживать достаточный уровень работоспособности организма, для этого применять и усиливать телесные возможности (дыхание, зрение, сенсомоторные способности руки); 2) научить поддерживать эмоциональную стабильность, сохранять живость восприятия, для этого выражать свои эмоции и изображать предмет, одновременно; 3) научить проявлять многосторонность интересов в области изобразительного искусства, прививать любовь к изобразительной деятельности, для этого дать специализированное знание о рисунке, живописи, композиции и научить изобразительным действиям; 4) усиливать уверенность в себе, уводить от погруженности в прошлое и злободневное, для этого научить настраиваться на высокие идеи.

Данные задачи решаются субъектами образования по-разному. Наиболее важно для пожилого человека было бы изучить образцовый пример личности того, кто самореализуется в изобразительной деятельности – личность художника-долгожителя. Для конкретизации субъектов в модели привлекаются культурологические источники, содержащие творческие биографии и работы художников-долгожителей. Полученные данные были оформлены в виде самостоятельного культурологического проекта «Западные художники-долгожители», подчеркивающего возможности человека как личности в поздние года жизни, раскрывающего изобразительную деятельность как один из путей достижения «благополучного» старения. Для проекта были отобраны творческие биографии и работы 26 европейских (французских, итальянских, испанских, немецких и др.) и 4 американских художников-долгожителей, проживших более 80 лет. Среди этих художников есть очень знаменитые личности

(Франсиско Хосе де Гойя (1746-1828), Клод Моне (1840-1926), Эдвард Мунк (1863-1944), Анри Матисс (1869-1954) и др.), есть менее известные (Франческо Ладзаро Гварди (1712-1793), Уильям Холман Хант (1827-1910), Макс Либерман (1847-1935), Пьер Боннар (1867-1947) и др.), в т.ч., несколько художников-женщин (Анна Мэри Мозес (1860-1961), Тамара де Лемпицка (1898-1980) и др.). Именно это собрание кратких биографий художников-долгожителей и композиционный анализ работ, относящихся к позднему периоду их творчества, служат эмпирическим материалом для обоснования методологии подготовки личности пожилого человека к самореализации.

В ходе анализа и обобщения творческих биографий западных художников-долгожителей применялся метод исследования творческой продуктивности личности в онтогенезе, в разработке российского психолога Л.А. Рудкевича [5]. Это позволило выявить следующие особенности самореализации, общие для художников в поздний период жизни (несмотря на индивидуальные различия в частном):

- высокая длительность периода максимальной продуктивности, в котором вынужденные спады выражены редко и имеют количественный, а не качественный характер – до самого преклонного возраста, высокий уровень работоспособности организма;

- эмоциональная стабильность, сохранение живости восприятия, удовлетворенность жизнью, присутствие в картинах личных эмоций и ярко выраженного собственного отношения теме;

- устойчивость всей системы интеллекта к старению – сохранение многосторонности интересов в области изобразительного искусства, многоплановости изобразительной деятельности, появления склонности к обобщениям, к созданию художественных теорий, к рациональному осмыслению накопленного жизненного и изобразительного опыта;

- выход активности личности на уровень взаимодействия с макросоциальной средой, т.е., за пределы семейных и узкопрофессиональных интересов; либо успешное приспособление к возможной утрате активных социальных позиций благодаря осознанию возможности заниматься любимым делом;

- присутствие уверенности в себе, устранение боязни общественного мнения; отсутствие погруженности в прошлое и злободневное, самоосознание уникального себя в бытии; открытость и ассоциация каждой созданной картины с настоящим, с просветленным прошлым, с высокими идеями – в отношении создания целостности образа, света, цвета, форм.

В качестве примера дадим краткое описание достижений в области самореализации в позднем периоде жизни у Клода Лоррена (1600-1682), французского живописца и гравёра, долгое время прожившего в Италии, одного из величайших мастеров классического пейзажа [20].

В позднем периоде, который приходился на

последние десятилетия жизни, К. Лоррен демонстрировал максимальную продуктивность, работая медленнее, чем в предыдущие годы, но, неизменно, с успехом. К. Лоррен следовал своим ранее разработанным приемам передачи в пейзаже виртуозной светотеневой нюансировки и найденной мягкой живописной манере. К этому периоду художник научился создавать глубокое пространство, наполненное светом и воздухом, тонким кружевом вырисовывать листву деревьев – на фоне неба. Казалось бы, сделанного в области пейзажного жанра, было достаточно, однако, художник неустанно продолжал обогащать свой стиль, совмещая наблюдения, реалистическое изображение природы, а также ее идеализацию.

Просторы римской Кампании давали художнику свободу для восприятия прекрасного в обычном. Этюды, выполненные художником, убеждают в том, что К. Лоррену удалось сохранить живость восприятия в преклонном возрасте. К. Лоррен выходил за город утром и вечером и, наблюдая в природе, как солнечное освещение изменяло тональные переходы от среднего плана к самому дальнему, создавал цветовую гамму, особенную для каждого времени дня. Кроме того, К. Лоррен ввел в практику рисование пейзажа в графической технике перо-тушь. Изобразительная деятельность приобретала свою многоплановость, когда художник возвращался в мастерскую, и продолжал работу над картиной, стоявшей на мольберте, выстраивая пространство по свежим наблюдениям и только что найденным цветовым и композиционным отношениям в этюде. В наполненном светом пространстве важное значение приобретала связь переднего и дальнего планов в одно нераздельное безбрежное пространство, увлекающее зрителя в прозрачную даль.

Кроме того, К. Лоррен добавлял личные переживания, устремляясь к возвышенному, гармоничному образу природы. Эти личные переживания возникли благодаря тому, что художник открыл не только красоту природы, но и красоту своей души. Это достижение придавало художнику уверенность в себе. Композиции его картин не являлись, в чистом виде, картинами на основе этюдов, написанных с натуры, но их можно было бы рассматривать как сочиненные ландшафты и как новые решения в жанре *идиллического пейзажа*. Художник наполнял свои картины одухотворенностью, работая в классическом направлении. Классическое направление в живописи зиждилось на преклонении перед разумом человека, признании целесообразности мироздания, на представлении об идеальном мире и о «золотом веке» человечества, когда человек счастливо жил в единении с природой.

Следует отметить, что образ «природы, освещенной солнцем» создавался художником благодаря изобретенному (или реконструированному) им прибору под названием «зеркало Лоррена», которое помогало корректировать образ действительности в сторону уменьшения деталей и увеличения цельности, а также снижения тональности пейзажа, с целью облегчения его зрительного восприятия

при ярком освещении.

Кроме того, создать образ идеального мира художнику помогало воображение на основе углубленного чтения, знание множества библейских, мифологических, литературных сюжетов (часто это эпизоды «Энеиды» Вергилия), их обобщение, а также интерпретация в виде многофигурных сцен и аллегорий в набросках и картинах. Если композиции идиллических пейзажей были, в целом, отмечены особой масштабностью, и по размерам, и по силе выразительности, то фигуры людей и животных, помогающие изображать эпизоды из Библии, занимали в композиции незначительное место. Они оживляли передний план, вносили в него движение, жизнь, но им была отведена второстепенная роль.

Гармоничное соотношение между проявлением склонности к обобщениям и живостью восприятия у К. Лоррена отмечает российский искусствовед С.М. Даниэль: «Пейзажи Лоррена являются своего рода уравниваниями в образах, где “известное”, условные приёмы представления природы, всегда связаны с “неизвестным”, каждый раз заново открываемым обликом живой природы. Образ природы у Лоррена в известной степени мифологичен. Даже если пейзаж не связан с каким-либо мифологическим сюжетом, он всё же представляет собой некое обобщение действительности. Отвлечённость “сочинения” как бы компенсируется исключительной чуткостью в изменчивости природных состояний в пределах “малого” времени, в границах дня. Лоррена прежде всего интересуют сами эти границы» [7, с. 82]. К полотнам этого периода относятся следующие: «Похищение Европы», 1655; «Пейзаж с Энеем на Делосе», 1672; «Пейзаж с Асканием, стреляющим в оленя», 1682; цикл пейзажей под названием «Четыре времени суток» – «Утро», 1666, «Полдень», 1661, «Вечер», 1663, «Ночь», 1672. Приведенные названия картин и их количество говорят о многосторонности художественных интересов и о высоком уровне работоспособности.

Немецкий поэт, философ и естествоиспытатель И.В. Гёте сделал следующее высказывание о художнике, в котором как бы подводился итог его самореализации: «Здесь перед вами совершенный человек, он умел не только мыслить, но и воспринимать прекрасное, в душе же его всякий раз рождался мир, редко встречающийся в действительной жизни... Клод Лоррен до мельчайших подробностей изучил и знал реальный мир, однако это знание было для него лишь средством выражения прекрасного мира своей души. Подлинно идеальное и состоит в умении так использовать реальные средства, чтобы сотворенная художником правда создавала иллюзию действительно существующего» [17].

Ключ к позитивной программе старения личности пожилого человека дают традиции изобразительного искусства на Западе. Анализ источников по эстетике, искусствоведению, художественной педагогике и анализ творческих биографий художников-долгожителей, позволяет сделать вывод о том, что пожилой человек может использовать для самореализации немало исключительных, очень

своеобразных оздоровительных и образовательных ресурсов изобразительной деятельности.

Оздоровительным ресурсом изобразительной деятельности является художественный принцип мимесис. Мимесис (греч. *mimesis* – «подражание») – эстетическая категория, введенная Аристотелем, которая определяет отношения между произведением и внешним миром. Мимесис в широком смысле – это подражание действительности в искусстве. Подражание внешним вещам – главный инстинкт, неустрашимый факт человеческой природы (П.С. Гуревич). Следуя теории искусства Аристотеля, подражание, может быть рассмотрено в двух контекстах [2]: 1) в обыденном, дающем только радость узнавания в изображающем изображенного, когда проявляется природный миропорядок – благодаря чуду памяти; 2) в торжествующем, подлинном, когда человек видит узнанное освободившимся от случайности, приближенным к всеобщему и начинает свое самопознание, когда проявляются музыкальный и душевный порядки – благодаря чуду познания. Этот принцип до сегодняшнего дня остается актуальным в поле классического западного изобразительного искусства. Следование этому принципу при создании картины или при ее восприятии возбуждает чувство удовольствия (и другие чувства) от воспроизведения, созерцания и познания предмета.

Кроме того, оздоровительными ресурсами изобразительной деятельности являются следующие изобразительно-выразительные средства: цвет, линии, центр, ритм, перспектива, светотень, симметрия, формат. Перечислим особенные характеристики изобразительно-выразительных средств в западном искусстве, которые отмечают американский эстетик немецкого происхождения Р. Арнхейм [3], немецкий и американский искусствовед Э. Панофский [11], наш отечественный теоретик изобразительного искусства Н.Н. Волков [6]:

- цвет – является главным средством – для передачи, во-первых, сложности материального мира, во-вторых, эмоциональной выразительности;
- линия – является второстепенным средством, а способ изображения линиями – аналитический, или конструктивный;
- композиционный центр – является единым как единственная точка зрения;
- ритм является частью «образной геометрии», определяется чередованием линий, пятен цвета, света и тени, складок ткани, фигур, узора цветов, ветвей, листьев, ударов кисти художника;
- перспектива – форма мироощущения «духовного» пространства, образный пространственный строй – линейная, структурирует плоскость картины с целью создания иллюзии глубины пространства, строится в соответствии с закономерностями зрительного восприятия пространства с фиксированной точкой зрения; воздушная, строится по таким признакам глубины, как изменение цвета с расстоянием, ослабление тона и контрастов тона, стирание деталей, размытость контуров;

- светотень – «лепит объём» формы, в соответствии с характером освещения;
- симметрия – является предпочтительным и определяющим фактором эстетической притягательности, передает идею красоты и порядка, собирает, объединяет «крылья» около главной фигуры и главного действия;

- пропорция – это определённое соотношение величин частей между собой, это соотношение основных параметров формы (длина, ширина, высота), которые связаны между собой в единое целое и служат «измерению» красоты; это идущий от всех отдельных частей к облику целостной композиции отклик соизмеримости со взятой за стандарт некоторой частью, модулем (римский архитектор, учёный-энциклопедист Марк Витрувий Поллион);

- формат – организует плоскость картины как окно в иное пространство в результате структурно-осевого типа композиционной организации.

На основании изучения литературы по искусствоведению [8; 15], а также учебно-методической литературы по изобразительной деятельности для взрослых (Книги из серии «Мастер-класс», обучающего заочного курса по современному изобразительному искусству «The Step-by-step Art Course»: Коллаж; Натюрморт; Пейзаж; Портрет; Книги из серии «Все о технике: Незаменимый справочник для художников»: Рисунок, Живопись маслом, Живопись акварелью), к образовательным ресурсам изобразительной деятельности были отнесены следующие (в скобках указаны имена художников-долгожителей, работавших в названных жанрах, техниках, интересовавшихся перечисленными темами):

- разновидности изобразительной деятельности – живопись, графика, скульптура;

- жанры – портрет (К. Амье, Э. Дега, М. Кассат, Тициан), пейзаж (Ф. Гварди, М. Кассат, К. Лоррен, А.М. Мозес, К. Моне), натюрморт (П. Пикассо, Ж.-Б.-С. Шарден), бытовой (У. Хогарт, Ж.-Б.-С. Шарден), мифологический (Ф. Гойя, К. Лоррен, Тициан), исторический (П. Деларош);

- техники – графические (карандаш (Э. Дега, Микеланджело), мел (Микеланджело), уголь, сангина пастель (Э. Дега, Ж.-Б.-С. Шарден), тушь, перо (Микеланджело), коллаж (А. Матисс, П. Пикассо, Х. Хех), офорт (Ф. Гойя, К. Лоррен)), живописные (акварель (С. Делоне), гуашь (А. Матисс), масло, холст (К. Моне, Д. О'Кифф, Тициан), подмалевок (Тициан), кьяроскуро (или светотеневой контраст (Ф. Гойя)); скульптурные (глина (С. Делоне, Э. Дега, Микеланджело, Д. О'Кифф));

- темы – семья, материнство (М. Кассат, А. Матисс), одиночество (Э. Мунк), смерть (Э. Мунк), бессознательное (С. Дали, П. Дельво, Д. Таннинг), движение (Э. Дега), абстракция (Ж. Миро).

В данной статье рассмотрены междисциплинарные вопросы, помогающие обосновать западные модели, направленные на подготовку личности к самореализации в изобразительной деятельности. Антропология помогает сформулировать антропо-

логический подход; возрастная психология определяет психологические особенности пожилого и старческого возрастов, геронтология – убеждает в возможности развития психики человека в период поздней зрелости, культурология дает материал для проекта «Западные художники-долгожители»; искусствоведение и художественная педагогика – выявляют в качестве оздоровительных ресурсов изобразительной деятельности художественный принцип мимесис, изобразительно-выразительные средства; относят к образовательным ресурсам изобразительной деятельности – ее разновидности – живопись, графику, скульптуру; жанры – портрет, пейзаж, натюрморт, бытовой, мифологический, исторический; техники – живописные, графические, скульптурные; темы – семья, материнство, одиночество, смерть, бессознательное, движение, абстракция.

Таким образом, западные модели самореализации личности пожилого человека в изобразительной деятельности дают наглядные примеры того, что благополучная старость является наградой, а не безоговорочным правом каждого во второй половине жизненного пути. Это награда за актуализацию целого комплекса способностей к постоянному физическому, эмоциональному, интеллектуальному, духовному напряжению в изобразительной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
2. Аристотель. Поэтика // Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1064-1112.
3. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – М.: Архитектура-С, 2012. – 392 с.
4. Венское заявление министров. Создание общества для людей всех возрастов: содействие повышению качества жизни и активной старости Вена, 19 и 20 сентября 2012 года. – URL: https://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/Ministerial_Conference_Vienna/Documents/ECE.AC.30-2012-3.R.pdf (дата обращения: 10.04.2020)
5. Возрастная динамика самореализации личности: Л.А. Рудкевич, Е.Ф. Рыбалко // Психология личности в трудах отечественных психологов / сост. Л.В. Куликов. – СПб.: Питер, 2009. – 560 с.
6. Волков Н.Н. Композиция в живописи. – М.: Книга по Требованию, 2012. – 408 с.
7. Даниэль С.М. Картина классической эпохи: Проблемы композиции в западноевропейской живописи XVII в. – Л.: Искусство, 1986. – 196 с.
8. История мирового искусства / Э. Анноша и др.; ред. Е. Сабашникова; пер. с итал. Е. Балаховская и др. – М.: Бертельсманн Медиа Москау, 1998. – 720 с.
9. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / пер. Н.М. Соколова. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
10. Краснова О.В., Лидере А.Г. Психология старения и старости: учеб. пособ. – М.: Академия, 2003. – 416 с.

11. Панофский Э. Перспектива как «символическая форма» // Панофский Э. Перспектива как «символическая форма». Готическая архитектура и схоластика / пер. с нем. И. Хмелевских, Е. Козиной; пер. с англ. Л. Житковой. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – с. 29-213
12. Принципы Организации Объединенных Наций в отношении пожилых людей. Сделать полнокровной жизнь лиц преклонного возраста. Приняты резолюцией 46/91 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1991 года. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml
13. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения / перев. с англ. под науч. ред. Л.Д. Рудкевича – СПб.: Питер, 2010. – 320 с.
14. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / предисл. и коммент. Б.А. Старостина; перев. с франц. Н.А. Садовского. – М.: Наука, 1987. – 239 с.
15. Ходж, С. Главное в истории искусств. Ключевые работы, темы, направления, техники. – М.: Манн, Иванов и Фебер, 2018. – 224 с.
16. Шелер М. Положение человека в Космосе / пер. А.Ф. Филиппова // Проблема человека в западной философии: перев. / сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31-95.
17. Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни / пер. с нем. Н. Ман; вступ. стат. Н.Н. Вильмонта; коммент. и указ. А.А. Аникста. – М.: Художественная литература, 1986. – 669 с.
18. Beauvoir de S. Old Age. – London: Penguin Books., 1970
19. Blackburn R. Banking on Death, Or, Investing in Life: The History and Future of Pensions. – London: Verso, 2003. – 550 p.p.
20. Roethlisberger M. Claude Lorrain. The paintings. – London, 1963. – V. 1-2.

PHILOLOGICAL SCIENCES

TRADITIONS AND NOVELTY IN THE NOVEL OF PAVEL SANAEV "BURY ME BEHIND THE BASEBOARD"

Vasilevich E.

PhD,

Kyiv National Taras Shevchenko University

orcid.org:0000-0003-0877-007X

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ПОВЕСТИ ПАВЛА САНАЕВА "ПОХОРОНИТЕ МЕНЯ ЗА ПЛИНТУСОМ"

Василевич Е.

к. филол. н.,

Институт филологии

Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Abstract

The article is devoted to establishing the connections of the novel of Pavel Sanaev with the traditions of Russian literature, identifying the principles of the prose and the drama of the "new wave" that the writer inherits and actualizes in his novel as well as those principles that he overcomes and rejects. The vectors of modification of the picture of the world and the concept of the hero of the "new wave" in the story "Bury Me Behind the Baseboard" are studied.

Аннотация

Статья посвящена установлению связей повести Павла Санаева с традициями русской литературы, выявлению принципов прозы и драматургии «новой волны», которые писатель наследует и актуализирует в своем произведении, а также тех принципов, которые им преодолеваются и отбрасываются. Исследуются векторы модификации картины мира и концепции героя «новой волны» в повести «Похороните меня за плинтусом».

Keywords: "new wave", literary generation, world picture, transitional thinking, literary character.

Ключевые слова: "новая волна", литературное поколение, картина мира, переходное мышление, литературный герой.

Повесть Павла Санаева "Похороните меня за плинтусом" считается одним из значимых произведений современной "молодой прозы", достойным занять свое место в истории русской литературы, которым критика связывает надежды на обновление литературы.

Повесть отразила такие характерные для литературы, созданной молодым поколением, черты, как автобиографизм, лиризация, стремление рассказывать простые истории, зачастую с документальной основой. Возврат к повествованию от первого лица; подкупающая "новая искренность", "автофикциональность", "лирический реализм" - эти черты являются универсальными для творчества молодых авторов в различных литературах, о чем свидетельствуют исследования творчества молодых писателей во французской[1] и немецких[2] литературах. Эти же качества, по свидетельству ученых, присущи и творчеству молодых русских писателей: О.Брейнингер, Р.Сенчина, Е.Гришкова и др. По мнению исследователей, эти устремления, в свою очередь, отражают общие процессы осмысления культурного кризиса, смены картины мира[3].

Это история про маленького мальчика, который живет у бабушки, отнявшей его у вторично вышедшей замуж дочери; бабушка тиранит и обожает Сашеньку; затем ребенка похищает мать, все это

перемежается семейными ссорами, завершается же трагически - смертью бабушки, оказавшейся не в силах перенести разлуку с внуком. Критика в основном обращает внимание на погруженность в повседневность, длящийся и повторяющийся бытовой ужас. Таких историй, отражающих «просто обычный, типичный, житейский расейский кошмар»[4], в жизни огромное множество, а опыт их описания в литературе конца XX века представлен наиболее развернуто в прозе и драматургии «новой волны».

Действительно, погруженность в повседневность (отношения в семье, болезни, социализация в кругу сверстников) имеет связи с близкой писателю по времени традицией, которую он осваивает, но уже и видоизменяет. С конца 1970-х повседневность становится главным объектом описания литературы «новой волны», которая таким образом отталкивалась от канона соцреализма, в частности, от его героического пафоса, идеи причастности каждой судьбы к глобальным историческим свершениям, от модуса оптимизма. Как подчеркивают Н.Лейдерман и М. Липовецкий, анализируя показательное в этом отношении творчество Л. Петрушевской, именно таким был путь разрушения идеологических и эстетических правил соцреализма[5].

При этом повседневность в интерпретации писателей «новой волны» (Л. Петрушевской, Т. Толстой, С. Каледина, С. Габышева, Н. Коляды) приобрела совершенно специфические черты: она стала ужасной, наполненной угнетающими бытовыми проблемами, унижающей достоинство беспросветностью, трактовалась в ключе натурализма и социальной критики. Новую эстетику – ужас повседневности – охарактеризовал А. Зорин в статье со знаковым названием «Круче, круче, круче. История победы: чернуха в истории культуры последних лет»[6]. Ведущей в исследовании стала мысль о приобретении повседневностью экзистенциального статуса, то есть о ее всеобъемлющем влиянии на судьбу героев, на деформацию их характеров. А. Зорин полагал, что на этом пути современная литература в ряде случаев переходила меру.

Однако, несмотря на критику многих перегибов прозы и драматургии «новой волны» (усиление натурализма, культивирование «ужаса повседневности», пессимизм и беспросветность, изображение низких характеров и планов бытия и др.), исследователи признают деконструирующую роль, заслуги в разрушении идеологических и эстетических канонов соцреализма, а также принципиальную новизну. Она заключается, прежде всего, в открытии новых тем, «ранее табуированных» (по словам А. Зорина). Среди них: повседневность, болезни, физиология, разные формы унижения человека и др. Кроме того, по мнению одной из ведущих исследовательниц современной литературы Н. Ивановой, проза «новой волны» сформировала принципиально иной тип героя – это неудачник, «несчастливцев»[7].

М. Громова также приходит к выводу о появлении подобного типа героя в современных пьесах, тоже неудачника, «несчастливца», но к тому же и рефлектирующего. Исследовательница видит в таком типе сплав традиций А. Вампилова с интерпретацией новых кризисных социальных реалий, обрекших многих на неудачничество. Как правило, оказывается, что «планка» надежд, жизненных целей, принципов юности была установлена ими слишком высоко. Они в силу разных причин не смогли взять «заданную высоту»[8]. В результате центральным мотивом становится мотив несостоятельности, который, собственно, и отражает авторскую концепцию героев.

Позже эти же особенности в русле «натуральной» линии прозы «новой волны» отметила Г.Л. Нефагина, обобщая опыт исследования произведений таких авторов, как С. Каледина, Ю. Стефанович, М. Палей, С. Василенко, О. Хандусь. Опираясь на параметры явления, предложенные А. Зориным и Н.Ивановой, Г. Нефагина выделяет следующие типологические особенности «натуральной» линии: генетическая связь с «физиологическим очерком» XIX века, «с его откровенным детальным изображением негативных сторон жизни, интересом ко «дну» общества»[9], актуализация ряда приемов натуральной школы, в частности, описание того, как попирается достоинство человека. Далее – упор на описание низких сторон жизни, «чернуху»,

склонность к «жестокому реализму». Уклонение авторов от прямой оценки изображаемого как сознательный художественный прием. А также создание образа героя, в полной мере соответствующего картине мира, в которой главенствуют «чернуха», ужас повседневности. Целый ряд названных черт характерны и для «Похороните меня за плинтусом», однако в модифицированном виде. Кроме того, П. Санаев отказался от некоторых установок «новой волны», что может свидетельствовать о пересмотре художественного опыта данного течения. В этом отношении повесть вписывается в широкий ряд произведений 1990–2000-х годов, в которых традиция «новой волны» критически перерабатывается.

Одним из векторов общего процесса переосмысления оказывается отказ от голого натурализма, «чернухи», нагнетания ужаса. Это связано с тем, что в 1990-е годы «чернушные» интерпретации реальности стали клишироваться, множиться, что могло привести молодых писателей к мысли об их устаревании, рутинизации. Пересмотру подверглась не только интерпретация жизненного материала, но и концепция героя, которая, как показано исследователями[10], отталкивалась от опыта «новой волны», но уже его преодолевала. Заметим, в этом русле находится и повесть П. Санаева.

Целью данной статьи является определить, какие именно принципы «новой волны» П. Санаев наследует и актуализирует, а какие отбрасывает, а также установить векторы модификации картины мира и концепции героя «новой волны» в повести «Похороните меня за плинтусом».

Среди параметров, которые соблюдаются, назовем описание обыденной жизни, причем в характерном именно для прозы «новой волны» ракурсе – ужаса повседневности. Этот ужас, в отличие от большинства произведений данного течения, моделируется не критикой социальных деформаций, описанием маргинальных слоев общества (как это делается, например, в романах С. Каледина, Л. Габышева, в пьесах А. Дударева и др.), социальный контекст как таковой отсутствует. Мальчик растет в состоятельной семье знаменитого деда, не испытывает нужды (как, например, герой «Евгеша и Аннушки» М. Палей). Кошмар обыденной жизни создается благодаря описанию семейных отношений, и в этом плане повесть примыкает к традиции, созданной текстами А. Вампилова, во многом повлиявшего на становление «новой волны» («Старший сын»), а также ярких представителей данного течения: Л.Петрушевской («Время ночь», «Я болею за Швецию», «Три девушки в голубом»), М. Палей («Поминошение», «Евгеша и Аннушка»). Отсутствие взаимопонимания и взаимной поддержки в семье трактуется писателями как наиболее острое, концентрированное выражение деградации общества, нивелирования вечных ценностей. В этом плане исчезновение взаимопонимания в семье, различные формы равнодушия или тирании – симптом не просто социальных деформаций, но и нравственного и культурного кризиса, то есть сквозь призму

повседневности рассматриваются глобальные процессы.

Заметна тематическая и даже в ряде случаев сюжетная схожесть текстов Л. Петрушевской, М. Палей и П. Санаева. В «Поминовении» М. Палей психически не уравновешенный дед тиранит семью, особенно жену, но также и внуку, оставленную на попечение стариков матерью, которая пытается устроить свою личную жизнь. В «Похороните меня за плинтусом» роль такого домашнего диктатора играет бабушка, забравшая внука у повторно вышедшей замуж дочери. Важная деталь – бабушка также психически не здорова. Во «Времени ночь» Л. Петрушевской разгорается острейший конфликт между Анной Андриановной и ее дочерью, пытающейся повторно создать семью, но в результате «подбрасывающей» детей на попечение матери. Этот конфликт характерен и для произведения П. Санаева. Интересно и сходство финалов двух произведений. В обеих повестях дочери, избавившиеся от внутренней зависимости от матерей, забирают своих детей, причем тайно, в отсутствие дома «диктатора» (у П. Санаева мама – «Чумочка» – даже похищает Сашеньку), чем провоцируют сильнейшую душевную драму бабушек, их размышления экзистенциального характера, исповеди. В обоих текстах происходит гибель пожилых женщин в результате перенесенных испытаний, и в обоих произведениях наступает прозрение и покаяние дочерей: в «Похороните меня за плинтусом» она выражается в слезах, объединяющих семью; а во «Времени ночь» – в попытке дочери опубликовать произведение Анны Андриановны об ужасе повседневности, то есть в запоздалом признании в «графоманке» творческого человека. В данном случае о прямом влиянии произведений Л. Петрушевской и М. Палей на поиски П. Санаева речи быть не может, так как повесть во многом автобиографична, а совпадения лишь подчеркивают типичность описанных ситуаций, характеров, конфликтов, а также выработанную в литературе схожую манеру их описания.

Показательны совпадения и на уровне интерпретации: все происходящее оценивается как ужасное, отношения людей как остро конфликтные. Во всех случаях конкретные конфликты зарождаются из ничего, развиваются стремительно и, несмотря на свой бытовой уровень, в подтексте таят нечто глобальное. При этом важнейшим приемом во всех произведениях становится демонстрация разрыва коммуникации: каждый говорит о своем и не удосуживается понять другого. Например, во «Времени ночь» разворачивается сцена, подобная трагедии античной трагедии, она описана в интерпретации дочери в дневнике. Вообще в повести Л. Петрушевской используется две повествовательные позиции, у П. Санаева – три, и смысл этого показательного отличия мы прокомментируем далее.

«Один раз я у мамы переночевала с дочкой, среди ночи поднялся шум и стук, зажгла свет в квартире, демонстративно повела мальчика писать <...> зажгла у нас в комнате свет искать в шкафу

ему свежие трусики <...> Катя проснулась в коляске, мальчик стоял босой, держался за ее локоть двумя худенькими ручками <...> груди кудрей на голове и по плечам, ангел! <...>

– Мама, давай я помогу, найду.

– Что ты найдешь? – Крик, визг, слезы. – Где что ты тут знаешь, черт, собака! Сволочь! (неизвестно кому). Говорили, не пить на ночь! Говорили, живете на наши деньги, так хоть стыд бы знали, наедаться за его счет, чтобы он с голоду пил! (она, высокая красавица еще, в драной рубахе <...> На! – кричала она, как древнегреческая богиня ужаса. <...> Он упал как подкошенный на пол, рыдая!)[11].

В подтексте данного конфликта лежит борьба за жизненное пространство – в широком и более приземленном планах. В широком – это сражение с тем, что мешает личности реализоваться. Так, если семья и бедность не позволяют поэтессе Анне Андриановне заниматься творчеством, то, по крайней мере, она борется с дочерью за обладание внуком и выталкивает из своей жизни всех, кто мешает реализации ее чувства. Приземленный план – это чудовищные бытовые обстоятельства, максимально унижающие человека и ставящие его перед страшным выбором, кого оставить на жизненном пространстве двух комнат. Петрушевская намеренно сгущает ужас повседневности, высвечивает конфликт между реальностью и существующим в воображении читателя представлением о норме, идеале человеческих отношений.

Схожий эпизод встречаем у П. Санаева. Это тоже одна из типичных повторяющихся ссор между матерью и дочерью. Бытовой конфликт так же, как у Л. Петрушевской, имеет свой глубинный подтекст, является отражением конфликта более высокого порядка – между реальностью и идеалом.

Однако при этом проступают существенные отличия в интерпретации повседневности. Первое заключается в смене интерпретирующего субъекта. Им в повести становится ребенок, который в прозе и драматургии Л. Петрушевской и М. Палей был молчаливой жертвой, объектом действия.

Смена повествовательной позиции ярко остраивает рассказанные житейские истории, поскольку ребенок в силу своей наивности не понимает причин, логики и скрытого подтекста происходящего, поэтому описываемые события предстают уникальными, чудовищными и необъяснимыми, дополнительно абсурдируются. Зато тайный смысл кошмара повседневности понятен читателю (что моделируется рядом эпизодов, в особенности содержащих исповеди, самораскрытие характеров взрослых, комбинацией сцен, отражающих истинные интенции героев). Несовпадение позиций главного героя (рассказчика Сашеньки) и читателя создает дополнительное драматическое напряжение.

«Обычно мама приходила часа на два, но лишь несколько минут удавалось мне провести так, как я хотел. Остальное время проходило, как хотела бабушка <...> Разговор, начатый бабушкой неторопливо и дружелюбно, медленно и незаметно переходил в скандал. Никогда не успевал я заметить, с

чего начиналось. <...> Вот они спокойно обсуждают уехавшего в Америку Бердичевского, и вот бабушка, потрясая тяжелым деревянным фокстерьером с дедушкиного буфета, бежит за мамой вокруг стола и кричит, что проломит ей голову, а я плачу под столом и пытаюсь отскрести от пола пластилинового человечка, которого слепил к маминому приходу и которого они на бегу раздавили. Вот мама просит отдать ей шубу, и вот бабушка, крикнув: «На тебе, Оленька, шубу!», поворачивается спиной и спускает зеленые трико, изумляя меня чем-то необъятным бело-розовым.

– Что же ты жопу при ребенке показываешь, хулиганка ты! – кричит мама.

– Ничего, это его бабушки жопа, а не какой-нибудь б..., которая променяла ребенка на карлика! – кричит в ответ бабушка»[12].

Очевидно и следующее отличие. Это перевод рассказа об ужасе повседневности из тональности трагической (что характерно для произведений Л. Петрушевской и М. Палей) в тональность трагикомическую, в результате многие главы, часто организованные как сценки, скетчи, приобретают черты трагифарса. То, что ужасает наивного маленького рассказчика, смешит читателя своей гротескностью и нелепостью.

Повторим, что в отличие от произведений «натуральной» ветви прозы «новой волны», при описании повседневности акцент сделан не на угнетающий быт, безденежье, тесноту жизненного пространства, а на психологию героев, часто на деформацию характеров и на подтекст поступков, вскрывающий серьезную экзистенциальную проблематику. Подобный переход из узко социальной, бытовой сферы в философский дискурс уже был намечен в единичных ярких произведениях «новой волны», которые, фактически, указали вектор развития, воспринятый и молодым поколением писателей.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование помогло установить связь повести с прозой и драматургией «новой волны», которая проявляется в погруженность в повседневность, длящийся и варьирующийся бытовой ужас. Однако, при обращении к теме повседневности, можем говорить об иной ее интерпретации. Главным же сдвигом на пути преодоления опыта прозы «новой волны» является отказ П. Санаева от нагнетания ужасного, односторонних интерпретаций реальности. Ужас повседневности в произведении уравнивается и нейтрализуется позитивными началами. В произведении моделируются два контрастных полюса интерпретации реальности. На одном собрано все негативное: роковые обстоятельства, жизненная детерминированность, разрыв коммуникации между близкими людьми, внутренние деформации личности, всевозможные страхи и др. На другом – любовь, жизненная активность, самоутверждение, причем второй полюс, в отличие от прозы «новой волны», представлен не менее ярко, чем первый,

что свидетельствует о более оптимистичном мировосприятии молодого поколения писателей, о формировании в их произведениях иной, светлой и устойчивой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пахсарьян Н.Т. Современный французский роман на путях преодоления эстетического кризиса // постмодернизм: что же дальше? (художественная литература на рубеже XX–XXI вв.): сб. науч. тр. / РАН и НИО. центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отдел литературоведения. Редкол.: Е.Соколова (отв. ред. и сост.), Н.Пахсарьян (сост.) и др. – м., 2006. – с. 18

2. Соколова Е.В. Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма // постмодернизм: что же дальше? (художественная литература на рубеже XX–XXI вв.): сб. науч. тр. / РАН и НИО. центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отдел литературоведения. Редкол.: Е.Соколова (отв. ред. и сост.), Н. Пахсарьян (сост.) и др. – м., 2006. – с. 103.

3. Мережинская А.Ю. Диалог с классикой: интерпретация наследия А.Чехова и авторецепция в русской драматургии 1990–2000-х годов // Русская литература. исследования: сб. научных трудов / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко. Редкол.: А.Ю. Мережинская и др. – К.: логос, 2010.

4. “Хоронили бабушку”/ Страница из Романа / электронный доступ: <https://proza.ru/2009/07/01/1072>

5. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – т. 2: 1968–1990. – м.: издательский центр «академия», 2003.

6. Зорин А. Круче, круче, круче. история победы: чернуха в истории культуры последних лет // знамя. – 1992. – № 10. – с. 198–204.

7. Иванова Н. Преодолевшие постмодернизм // знамя. – 1998. – № 4. – с. 193–204.

8. Громова М. Русская драматургия конца XX – начала XXI века: учеб. пособие / м.и. громова – 3-е изд., испр., доп. – м.: флинта: Наука, 2007. – с. 80.

9. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века: учеб. пособие / г.л. Нефагина. – 2-е изд. – м.: флинта: Наука, 2005. – с. 183.

10. Мережинская А.Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80–90-х годов XX века: монография. – К.: ипц «Киевский университет», 2001. – 433 с.

11. Петрушевская Л. Время ночь // петрушевская л. собр. соч. в пяти томах. том 1. проза. – Харьков: фолио; Москва: ТКО аст, 1996. – с. 363.

12. Санаев П. Похороните меня за плинтусом // Павел Санаев. – м.: Аст: Астрель; Владимир: аКт, 2008. – с. 224–225.

A NOTION OF INDETERMINATION IN PHILOSOPHY AND LINGUISTICS

Beglyarova A.,

*Adyghe State University, branch in Belorechensk, Associate Professor of Legal Disciplines Department,
Candidate of Philological Sciences*

Khazhokova E.

Adighe State University, Maikop, Professor of French philology department, Candidate of Philological Sciences

ПОНЯТИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ЛИНГВИСТИКЕ

Беглярова А.Л.,

Адыгейский государственный университет, филиал в г. Белореченске доцент кафедры правовых дисциплин, кандидат филологических наук

Хажокова Э.А.

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, доцент кафедры французской филологии, кандидат филологических наук

Abstract

The research effort is about the meaning of indetermination in philosophy and linguistics. The author attempt to delineate its concept in a narrow and broad sense and analyze the ways to transfer the indetermination in Russian language. The special attention is given to the indefinite pronouns which are the nuclear means of the indetermination in Russian language.

Аннотация

В работе рассматривается понятие неопределенности в философии и лингвистике, предпринимается попытка разграничения трактовок понятия неопределенности в узком и широком смысле, анализируются способы передачи неопределенности в русском языке. Особое внимание уделяется неопределенным местоимениям, которые являются ядерными средствами выражения значения неопределенности в безартиклевых языках, к числу которых относится и русский язык.

Keywords: determination, indetermination, category, philosophy, linguistics, indefinite pronouns, lexical tools, phraseological units, article languages, non-article languages.

Ключевые слова: Определенность, неопределенность, категория, философия, лингвистика, неопределенные местоимения, лексические средства, фразеологические единицы, артиклевые языки, безартиклевые языки.

Категория определённости-неопределённости изучается в лингвистике с середины 19 века. Однако до сих пор в науке не существует однозначного ответа на вопрос о наполнении понятий «определённость» и «неопределённость». Между тем, это понятия не только лингвистические, но и общенаучные, чрезвычайно важные для теории познания.

Неоднозначность трактовки категории неопределенности обусловила наш интерес к данной проблеме. С позиций генезиса данной категории целесообразно рассмотреть интерпретацию понятия неопределенности в философии, поскольку именно на философской основе базируются ее интерпретации в других науках. При этом необходимо отметить, что «понятия определенности и неопределенности тесно связаны и взаимообусловлены. Определенность и неопределенность не являются противоположными полюсами одной категории, а функционируют в разных плоскостях» [1, 119-175].

Такие важнейшие положения отечественного языкознания, как связь языка с мышлением, отражение внешних явлений действительности в лексических и грамматических значениях, ярко иллюстрируют связь категорий лингвистики с категориями философии. Философия и лингвистика нередко оперируют одноименными понятиями.

В философии категория определенного/неопределенного связана, прежде всего, с категориями частного и общего, конкретного и абстрактного. Впервые наиболее отчетливо представление о неопределённости нашло отражение в учении Анаксимандра. [2, 54].

Представление о неопределённости занимает особое место в философии Платона. По его мнению, «неопределённость олицетворяет изменчивость, несовершенство, хаотичность материального мира» [3, 14-21].

В философии Аристотеля неопределённость приобретает еще более широкий смысл. Она понимается как «объективная лишённость определённого бытия, качества, количества, места, времени и т. д. Случайность характеризуется неопределённостью и непредсказуемостью» [4, 106].

Гегель считал, что «неопределенность характеризуется нерасчлененностью, необособленностью бытия, отсутствием резких границ и различий. Определенность существует на базе неопределенности, возникает из нее, является ее стороной» [3, 14-21].

В 20 веке учёные-философы занялись обстоятельным изучением проблемы связи между определённой и неопределённой и некоторыми диалектико-логическими категориями. Опираясь

на характеристику понятия определенности-неопределенности (далее О/НО) в точных науках, П.И. Визир и А.Д. Урсул пришли к выводу о том, что неопределённости свойственны такие существенные признаки, как «отсутствие резких граней между свойствами и состояниями, преобладание зависимости свойств, состояний явлений друг от друга над их относительной независимостью, проявление необходимости как возможности и случайности» [3, 14-21].

Долгое время категория определённости-неопределённости анализировалась в лингвистике лишь в связи с описанием семантики артикля в грамматиках артиклевых языков, однако во второй половине 20 века учёные пришли к выводу о том, что артикли - лишь незначительная часть языковых средств выражения определенности-неопределенности.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что категория определенности-неопределенности универсальна и поэтому свойственна как артиклевому, так и безартиклевому языкам. Некоторые учёные по-прежнему пытаются найти в русском языке аналоги определённого и неопределённого артиклей, но внимание большинства исследователей обращено на изучение языковых средств выражения определенности-неопределенности в русском языке безотносительно к артиклевому языкам. Так, работы Ю.Б. Смирнова [1985], О.Н. Селиверстовой [1988], С.А. Крылова [1989], Е.В. Падучевой [2001], Т.В. Милевской [2002] и многих других посвящены роли местоимений в выражении значений определенности-неопределенности.

Традиционно понятие неопределенности связывают только с именем, но это не совсем верно, так как категория неопределенности может рассматриваться как в широком, так и в узком значении.

В широком значении, с коммуникативных позиций, «категория неопределенности служит для выражения неосведомленности участников речевой ситуации об объекте речи или его существовании, действии, а также для передачи сомнения, незнания, неуверенности говорящим в характеристике предмета речи или для передачи значения «отсутствие сведений» об определенных предметах, действиях, явлениях с точки зрения говорящего или исполнителя» [5, 9].

В узком значении, ее функция – «актуализация и детерминизация имени, демонстрация его единственности в описываемой ситуации (определенность), либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (неопределенность)» [6, 335].

К ядерным средствам выражения неопределенности в русском языке относятся, прежде всего, неопределенные местоимения. Неопределенные местоимения - местоимения, содержащие неточное указание на предмет или его признак, обозначающие их неопределенность, неизвестность. В современном русском языке состав неопределенных местоимений и наречий очень разнообразен.

К ним относятся: *некто, нечто, некоторый, не сколько, некогда* ("когда-то в прошлом"); *кто-то, что-то, какой-то, чей-то, который-то* (разг., устар.), *сколько-то, где-то, куда-то, откуда-то, когда-то, как-то, зачем-то, почему-то, отчего-то; кто-либо, какой-либо, чей-либо, который-либо, как-либо, почему-либо, отчего-либо; кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, чей-нибудь, который-нибудь* (разг., устар.), *сколько-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, откуда-нибудь, когда-нибудь, как-нибудь, чей-нибудь, сколько-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, откуда-нибудь, когда-нибудь, как-нибудь, зачем-нибудь, почему-нибудь, отчего-нибудь; кое-кто, кое-что, кое-где, кое-куда, кое-когда*. Все эти местоимения образованы от вопросительных с помощью приставок *не -* и *кое-*, постфиксов *-то, -либо, -нибудь* [7, 150-153].

К лексическим средствам выражения значения неопределенности можно отнести также имена существительные, имеющие лексическое значение неопределенности. О.Б. Акимов отмечает, что «эти имена существительные представляют сравнительно замкнутый круг слов внутри класса имен существительных, однако имеется довольно большой пласт слов со значением неопределенности среди других лексических средств выражения этого значения» [8, 70-76].

Ядром данной группы слов является существительное «неопределенность», которое передает общее значение этого синонимического ряда, этой тематической группы имен существительных. Группу основных слов внутри этой лексико-семантической группы имен существительных составляют следующие слова: *неизвестность, приближенность, неясность, непонятность, безвестность, непостижимость, необъяснимость, неясственность, неотчетливость* и производные от них имена прилагательные и другие однокоренные слова (*неясный, необъяснимый, непостижимый; неясно, необъяснимо, непостижимо, и.т.д.*).

Для выражения значения неопределенности служат фразеологические словосочетания - *ума не приложу, кто его знает, как (или почему) знать, поди узнай (или угадай), (это) еще вопрос, (это еще) как сказать, черт (или пес, или бес) его знает; одному богу известно; бог (его) знает; бог вест*. Данные фразеологические обороты можно рассматривать в качестве эквивалентов неопределенных местоимений. Поскольку данные фразеологизмы ограничены количественно и сферой употребления, а также отличаются характерной для них ярко выраженной эмоциональной и экспрессивной окраской, они не занимают существенных позиций в системе средств выражения значения неопределенности в русском языке. Фразеологические единицы располагаются на периферии по отношению к ядру категории неопределенности - местоименным словам.

Следует отметить, что при всем многообразии средств выражения категории определенности-неопределенности, некоторые из них доминируют в конкретных типах дискурса. В устном регистре

русского языка нет недостатка в лексических средствах выражения неопределенности (*штука, штуковина, как ее/его там*), т.е. существует множество слов и выражений для восполнения лексических пробелов. В письменном и устном дискурсе различаются средства, используемые для завершения списка (*etc., и т.д., и проч., и др.* - письменный; устный официальный - развернутые формы того же; устный разговорный - *и всякое такое, и черт его знает что/где/когда*).

Регистр речи накладывает строгие ограничения на использование того или иного средства. Например, в информационных сводках можно услышать такое выражение неопределенности, как «Около тысячи человек приняли участие в демонстрации», но не «Человек пять получили ранения». Этические нормы ограничивают употребление таких привычных слов как *около* при сообщении о числе погибших (сейчас принято говорить *не менее* или *по меньшей мере*).

В целом, многие аспекты изучения данной проблемы остаются открытыми и требуют дальнейшего изучения и систематизации. Категория неопределенности является универсальной понятийной категорией, что находит свое отражение в языках различного строя. Она реализуется в использовании разнообразных языковых средств, к числу которых относятся и неопределенные детерминативы. Неопределенные местоимения в русском языке являются основным лексическим средством выражения неопределенности, в то время как на периферии находятся другие средства, которые

можно рассматривать в качестве факультативных (порядок слов, использование постпозитивных частиц и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Николаева, Т.Н. Акцентно-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности. Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках / Т.Н.Николаева. – М.: Наука, 1989.
2. Михайлова, Э.Н. Ионийская философия / Э.Н. Михайлова, А.Н. Чанышев - М.: Изд-во «ГИС», 1986.
3. цитирую по: Визир, П.И. Диалектика определенности и неопределенности /П.И. Визир, А.Д. Урсул. – М.: Междунар. отношения, 1976.
4. Аристотель. Метафизика / Аристотель. – М.: Изд-во МГУ, 1934.
5. Маштакова, М.В. Определенность-неопределенность в русском и французских языках: значения, функции и способы выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.В. Маштакова. – М., 2005.
6. Большой энциклопедический словарь по языкознанию / под ред. Н.В. Васильева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
7. Краткая русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. – Изд-е 2-е, стереотипное. – М.: Аспект-Пресс, 2000.
8. Акимов, О.Б. Лексические средства выражения значения неопределенности в современном русском языке / О.Б.Акимов. – Свердловск: Изд-во Сверд. гос. ун-т, 1991.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

RUSSIAN AND INDONESIAN PROPER NAMES IN A SITUATION OF ACQUAINTANCES

Susi M.,

*Lecturer of Russian Department
Padjadjaran University Bandung, Indonesia*

Anggraeni Purnama D.,

*Lecturer of Russian Department
Padjadjaran University Bandung, Indonesia*

Nany I.

*Lecturer of French Department
Padjadjaran University Bandung, Indonesia*

РУССКИЕ И ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СИТУАЦИИ ЗНАКОМСТВА

Суси М.,

*Преподаватель кафедры русского языка
Университета «Паджаджаран» г. Бандунг, Индонезия*

Ангграени Пурнама Д.,

*Преподаватель кафедры русского языка
Университета «Паджаджаран» г. Бандунг, Индонезия*

Нани И.

*Преподаватель кафедры французского языка
Университета «Паджаджаран» г. Бандунг, Индонезия*

Abstract

Culturally, the structure of the 'personal naming' in Indonesia is different from the 'personal naming' in Russia. In Russia, there is a convention in giving the child's name, the name should consist of three components, first, the family name- second, his or her own name –third, his or her father's name. On the contrary, in Indonesia, the people do not have any convention in giving a person's name. The person can have one word name, two, three or four words' name, all of these words can be his or her own names, his/her own names and the father's name or the family name, for example Cahya Nada Fauziyah (a girl's name) or Alfa Rizky Maulana Yasin (a boy's name). Both of the names are the names without the family or the father's name. In Indonesia, he or she will introduce his or herself with his or her first name during informal acquaintanceship, but he or she will use his/her full names during formal acquaintanceship. In Indonesia, the people use their first name to refer to themselves, but in Russia, the people use their own names and their fathers' name during acquaintanceship. This kind of acquaintanceship shows the social distance between those people, he or she can be consider as having the higher status or older age.

Аннотация

Имена в русской культуре разны с именами в индонезийской культуре. В русской культуре имя состоит из трёх компотентов, а в индонезийском по-разному, есть имя состоит из один компонент, два компонента даже три или четыре, но это не значит, что у них есть фамилии отчества (Cahya Nada Fauziyah – женское имя; Alfa Rizki Maulana Yasin – мужское имя). Все эти компоненты – имени.

В Индонезии к представляющемуся часто обращаются так, как он сам себя назвал. Если адресант представится двучленным именем, то и обращаться к нему всегда будут по первому имени.

Keywords: Russian and Indonesian proper names, acquaintanceship, culture

Ключевые слова: русские и индонезийские имена, в ситуации знакомства, культура

Имя человека широко употребляется в общении, в том числе и обращение. По мнению Н.И. Формановской, главными функциями обращения являются функции привлечения внимания, установления, поддержания речевого контакта с собеседником, а также характеристика ролевых позиций партнёров общения, их социальных и личных взаимоотношений.

Согласно системно-структурным, уровневым представлениям языка, обращение принято причислять к элементам синтаксиса, в котором оно занимает сугубо периферийную позицию. Однако сле-

дует отметить, что обращение является одной из самых частотных коммуникативных единиц, в которых находится звательный падеж. Звательная форма не организует никакой связи с другими словами в предложении, она как бы отделяет обращения от текста, придавая обращению своеобразный самостоятельный статус (Формановская 2007:195). В синтаксисе не полно определено обращение, а прагматика общения указывает на другие показатели лингвистики общения. Поэтому обращение необходимо рассматривать с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода.

Общение – сложное явление, которое требует междисциплинарного подхода целого ряда наук, в том числе, социологии, психологии и культуры. Слово «культура» многозначно. Одно из значений таково, что культура – это совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. В культуре можно выделить, в частности, культуру общения и речевого поведения. Общение и речевое поведение тесно связаны с взаимодействием людей, их производственной деятельностью, их повседневным бытом. Культура общения – неотъемлемая часть культуры поведения человека в обществе. А культура поведения – совокупность форм повседневного поведения человека (в труде, в быту, в общении с другими людьми), в которых находят внешнее выражение моральные и эстетические нормы этого поведения. (Формановская 2010: 5-11). Чтобы установить контакт с партнёром, нам необходимо обратиться к нему. Н.И. Формановская пишет: «Обратиться – это придать партнёру роль адресата. Обращение принадлежит широкой зоне речевого этикета, поскольку с помощью такой единицы устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируются представления о ситуации общения в целом и о ролевых позициях партнёров, их социальных и личных взаимоотношениях». (Формановская 2009: 62-65). В обращении, при знакомстве или в рассказе о третьем лице часто используются личные имена. Какие имена выбираются в трёх сферах, зависит от ситуации, культуры и традиции нации, как русских, так и индонезийцев.

Русская традиция и культура в употреблении имён отличаются от традиции и культуры других наций, в том числе в Индонезии. В использовании одночленные, двухчленные, трёхчленные формы русских имён имеют разные варианты форм, в разных ситуациях общения, при разной степени знакомства коммуникантов и т. д. По мнению Н.И. Формановской, правила речевого поведения в русском языке описаны под наименованием речевого этикета (Формановская 2007: 250). Речевого этикет – это, прежде всего, этикет, т. е. правила обхождения людей друг с другом, воплощённые в речи. В частности, это приветствие и прощание, обращение, благодарность и извинения и многие другие речевые проявления этикета. В узком смысле это определённая сумма ситуаций и выражений, употребляемых в каждой ситуации, в широком же смысле обхождение людей друг с другом охватывает всё наше общение (Формановская 2002: 5; 2009:11). Н.И. Формановская пишет, что в широком смысле, русский речевой этикет – сложная семантическая система, демонстрирующая национально-специфичные и узуальные, предписанные данным социумом и данной средой обычаи и традиции, взаимные социально-речевые отношения собеседников типа «равный – старший – младший» (по возрасту и положению), «знакомый – незнакомый», «официальное – неофициальное общение» и т.д., которые диктуют соответствующий выбор речевых средств. Ясно, что очень много факторов касается употребления формы русского личного имени. В данной

статии рассматриваются употребления русского личного имени в разных формах, типичных для трёх ситуативно-функциональных сфер:

а) название 3-го лица в нарративном режиме рассказа, повествования, описания; при этом реализуются номинативная, идентифицирующая и дейк- тическая функции имён;

б) самоназвание 1-го лица в ситуации знакомства, представления без посредника (а также название 3-го лица при представлении посредником). Здесь актуализируется идентифицирующая функция, преимущественно в коммуникативном режиме непосредственного общения. Своеобразной формой самоназвания является подпись в письме. В зависимости от степени официальности письма, знакомства с адресатом, ролевых и личных отношений подбирается и соответствующая форма,

в) Обращение ко 2-му лицу при активизации вокативной аппеллятивной функции, только в коммуникативном режиме (Формановская 2007: 111-112; 2007: 220-221; 2000: 283). Использования имён в этих трёх ситуациях очень богаты, с разнообразными формами и нюансами.

В кооперативном коммуникативном режиме общения русские имена используются, главным образом, в ситуации знакомства и обращения. Ситуация знакомства состоит из двух ситуаций, самоназвание 1-го лица, представления без посредника и название 3-им лицом при представлении посредником. В ситуации обращения к адресату оно (обращение) обычно выражается вторым лицом адресата. Существуют обращения к незнакомому и к знакомому. Обращение, которое обсуждается в этой статье, является только знакомством, поскольку эта часть связана с личным именем.

Далее будут проанализированы употребления русского личного имени в ситуации знакомства – с позиции носителя индонезийского языка и культуры.

Личное имя в ситуации знакомства

Н.И. Формановская пишет: «Знакомство — это, конечно, сфера влияния этикета. Знакомясь, мы устанавливаем определенные отношения, которые позволяют нам общаться, считая себя знакомыми, в какой-то мере известными друг другу людьми, более тесно связанными» (Формановская, 1989: 78). Рассматривая ситуацию знакомства, необходимо обратить внимание на единицу речевого этикета со значением знакомства. По крайней мере, существуют два различных способа в этикете знакомства и у русских, и у индонезийцев: главный вербальный – это способ названия имени, дополнительный невербальный – использование жестов. Русских можно называть по имени, уточнить его вариантами, (это зависит от ситуации, с кем происходит знакомство), а индонезийцы называют личное имя или личное имя + второе имя, больше вариантов имён нет. Для русских выбрать имя при знакомстве, очевидно, не такое простое действие, потому что необходимо называть правильно какую форму имени нужно произнести (трёхчленную, двучленную, одночленную или вариант одночленного имени). Это всё зависит от того, с кем знакомятся,

где происходит знакомство, в какой обстановке, о чём пойдёт речь, какой предполагается контакт (дружеский, официальный). Всё это нужно знать и учитывать. От того, как мы назовём себя, зависит многое и, прежде всего, тип общения и распределение ролей. Самоназвание – важный этикетный знак. С его помощью мы предлагаем собеседнику удобный для нас тип общения. Партнёру выбранное нами самоназвание поможет сориентироваться в складывающейся обстановке. (Гольдин 2009: 98). Этикетных знаков великое множество в каждом сообществе. Они бывают общенациональными, бывают знаками социальной среды, или социальной группы, или узкого круга - и при этом всегда несут важную информацию: свой - чужой (не принадлежащий к среде, кругу), вышестоящий - нижестоящий, далекий — близкий, знакомый — незнакомый, желанный — нежеланный и т.д.

В Индонезии к представляющемуся часто обращаются так, как он сам себя назвал. Если адресант представится двучленным именем, то и обращаться к нему всегда будут по первому имени. Русский речевой этикет несколько иной. Сообщив при знакомстве свою фамилию, мы не ждём, что теперь она станет обращением к нам. Зато, назвав себя гипокористическим именем (*Дима, Таня*) или сообщив имя-отчество, можно быть вполне уверенным, что именно их услышим в роли обращения. На этот факт стоит обратить внимание, чтобы не ожидать от самопредставления, что самоименование будет точным соответствием обращению. Самопредставление и обращение тесно связаны друг с другом, но необязательно совпадают.

При знакомстве люди пожимают друг другу руки. У русских обычно женщина первой протягивает руку, а у индонезийцев мужчина. Кроме того, у индонезийцев есть другой вариант приветствия при знакомстве по традиции ислама: когда мусульмане приветствуют друг друга при знакомстве, они складывают ладони вместе в приветственный жест перед грудью, не дотрагиваясь до собеседника, которого приветствуют, и называют его по имени.

1. Знакомство по трёхчленной паспортной форме имени

Трёхчленная паспортная форма имени обычно используется среди взрослых при знакомстве в формальных ситуациях или в деловой сфере. При представлении следует чётко произносить имя, отчество и фамилию и другую информацию, которую вы намерены сообщить (должность, звание, род занятий, титул и т.п.). Трёхчленная паспортная форма иногда может употребляться в неформальной обстановке, как показывает пример

Примеры:

(1) *Зовут меня Тамара. Отчество Полуэктова, то есть Максимовна, фамилия Полуэктова. Родилась в 1954 году. Мне 24 теперь. Я от вас ничего скрывать не буду, вы ведь не допрашиваете. Мама моя совсем еще молодая, нас у нее двое дочерей - я и еще Ирина. Ирина меня старше на 3 года, у нее муж - инженер, работает в ящике.* (В.С. Высоцкий «О девочках»). Анализ примера: адресант

(Тамара) представляется официально. Она рассказывает о себе и называет трёхчленную форму имени, потому что хотела бы дать полную информацию о себе. Видимо, волнуется, потому что сделала ошибку – назвала фамилию вместо отчества.

2. Знакомство по форме «имя-отчество»

Типичное русское официальное именование – это трёхчленное имя (имя, отчество и фамилия). Именование по отчеству «обычно начинают присовокуплять к имени, когда человек становится вполне взрослым, приобретает вес в обществе, обзаводится семьей, а не в юном возрасте». (Суперанская и Суслова 2010: 177). Н.И. Формановская пишет, что для русских имя-отчество составляет обычай, традицию народа, оно завещано нам предками, а ломать традиции не всегда безопасно (Формановская 2007: 114). Русское отчество – это национально-культурный знак и символ уважения достойного в общении с этим достойным (по возрасту, статусу и т.д.). (Формановская, 2009: 5). Употребляемая форма имя-отчество в качестве представления при знакомстве в русском обществе указывает на то, что человек уважает адресата и соблюдает правила русской национальной культуры и также показывает вежливое отношение к нему. Представление по имени-отчеству типично для взрослых людей, а также при обращении младшего к старшему. Например:

(2) - *А как Вас зовут? С прищипетом: - Искитя. И сердце во мне - упало:*

- *А по отчеству? Хотя при чём тут отчество. Та - и была на пять лет моложе. - Афанасьевна.* (А.И. Солженицын «Желябугские выселки»).

В данном дискурсе общение происходит в неформальной обстановке, встреча двух ранее знакомых людей, которые много лет не виделись. Коммуниканты – «свои» и равные по статусу. Хотя у них были близкие отношения, но прошло время, и они обращаются друг к другу на «Вы». Мужчина, смотря на женщину, вспоминает печальные события, когда-то произошедшие в его жизни во время войны, но сомневается, она ли это. Когда женщина называет своё имя, он в подробностях вспоминает события и чувствует волнение. Отчество она называет в ответ на запрос, так как уже в достаточно пожилом возрасте.

В ситуации знакомства индонезиец представляется личным именем. Большинство индонезийцев не имеют фамилии. Если у индонезийца есть личное имя, которое состоит из двух слов, то это не значит, что там есть фамилия. Два личных имени употребляются в официальной ситуации при знакомстве, как показывает следующий пример:

(3). *“Saya Alif Fikri dari Maninjau, Bukittinggi, Sumatra Barat”* (A. Fuadi “Negeri lima menara”, 2010). «Я, Алиф Фикри из области Манинджау, города Букиттингги, Западной Суматры». (А. Фуади «Страна пяти башен», 2010).

Анализ примера: Алиф – это личное имя и Фикри тоже имя. У адресанта есть два имени, и он называет свои имена при знакомстве со своими одноклассниками в формальной обстановке в классе. Ему лет 13. Эта школа находится на Северной Яве

и известна среди индонезийцев. Школьники приезжают туда из разных городов Индонезии. Для индонезийцев во время знакомства в формальной ситуации, особенно если знакомятся представители разных народностей, очень важно уточнять, откуда приехал. От этого зависит форма обращения, то есть, как следует обращаться к нему. В Индонезии очень много народностей и у каждой народности своё обращение к разным возрастным категориям: детям, подросткам и взрослым.

(4) *Dia (direktur per pajakan yang baru) menyempatkan untuk memperkenalkan diri sebelum menjawab pertanyaan. "Kenalan dulu. Kenalkan, saya Tjiptardjo," ujar Tjiptardjo.* (Kompas, Wahyu Satriani, Ari Wulan Kamis, 01 April 2010). Перед тем, как отвечать на вопросы, он (новый директор налогообложения) сначала представился: «Разрешите представиться, меня зовут Чиптарджо», - сказал он.

Анализ примера: обращение происходит в официальной обстановке. Журналисты будут брать интервью у нового директора, и он представился по имени, не назвав свою должность, потому что журналисты знают, кто он. Возможно, его имя состоит только из одного слова, потому что если бы его имя состояло из двух слов, то обязательно он называл бы своё имя полностью. Но журналисты будут обращаться к нему официально, произнося его только должность, не называя имени. Как, например, обращение «Господин директор».

3. Знакомство по форме «имя и фамилия»

Имя и фамилия также часто используются в ситуации знакомства в русском обществе, как правило, эта форма встречается в деловой сфере. Кроме того, при знакомстве имя и фамилия широко употребляемые общественными деятелями (писателями, актёрами, поэтами, художниками и т.д.).

В настоящее время наблюдается сужение сферы употребления отчества. Если в предыдущие десятилетия формула «имя + фамилия» применялась в публичной сфере в основном для именовании видных представителей литературы и искусства (*Евгений Евтушенко, Никита Михалков*), то в настоящее время эта формула становится лидирующей и «охватывает» не только деятелей культуры, но и в телевизионных ток шоу ведущий представляет участников, как правило, без отчества, но обращается к участникам по имени-отчеству. (Ю.А. Рылов, 2010: 194).

Имя и фамилия используются в условиях официальной или деловой встречи, как видно из следующих примеров:

(4). *Все это напоминало испорченный громкоговоритель. Молодец высказывался резко, отрывисто, с болезненным пафосом и каким-то драматическим напором...*

Он был пьян, но и в этом чувствовалась какая-то хитрость...

Я не заметил, как он подошел. Только что сидел не оборачиваясь. И вдруг заглядывает мне через плечо:

- Будем знакомы - Валерий Марков!.. Злостный нарушитель общественного покоя...

- А, - говорю, - слышал.

- Пребывал в местах не столь отдалённых. Диагноз - хронический алкоголизм!..

Я гостеприимно наклонил бутылку. В руках у него чудом появился стакан. (С. Д. Довлатов «Заповедник»).

Анализ примера: общение происходит в дружественной обстановке, персонажи равные по возрасту. Представление именем и фамилией для быстрой идентификации личности человека. Но адресант не называет отчество, потому что не желает переводить отношения в официальные.

Вывод

Употребление русского личного имени в ситуациях знакомства влияет много факторов, в том числе, статус и роль собеседника, возраста адресата, формальные и неформальные ситуации знакомства и др.

Структура русского имени - трёхчленное имя, которое типично для официальной ситуации знакомства нередко требует добавления должности или звания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Голькин В.Е. Обращение: теоретические проблемы / Под ред. Л. И. Баранниковой. Изд. 2-е, испр. И под. - М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.- 136 с.
2. Рылов Ю.А. Сопоставительная антропонимика русского и романских языков. М.: Тезаурус, 2010. – 274 с.
3. Суперанская А.В., Суслова А.В. О русских именах. – 5-е изд., перераб. – СПб.: Авалонъ, Азбука, 2010. – 304 с.
4. Формановская Н.И. (2007): Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. - М.: ИКАР, 2007. – 480 с
5. Формановская Н.И. Речевой этикет в русском общении. Теория и практика - М.: ВК, 2009. – 334 с.
6. Формановская Н.И. Культура общения и речевой поведения: 2-е, изд., доп. И испр. - М.: ИКАР, 2010. – 237 с
7. Формановская Н.И. (2002а): Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М.: Русский язык, 2002. - 160 с.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

USEFUL LESSONS AFFILIATE BETRAYAL

Kobelev A.

Psychologist, Yekaterinburg LLC Medical Center "Sverdlovsk Institute of Independent Expertise, Psychiatry and Sexology."

ПОЛЕЗНЫЕ УРОКИ ПАРТНЕРСКИХ ИЗМЕН

Кобелев А.В.

Психолог г. Екатеринбург ООО Медицинский центр «Свердловский институт независимой экспертизы, психиатрии и сексологии».

Abstract

The proposed material attempts to highlight some significant positive effects of sexual adultery. Attempts have been made to reflect not on adultery, but on adultery in partnerships between formally free people.

Аннотация

В предлагаемом материале сделана попытка осветить некоторые значимые положительные последствия сексуальных измен. Сделаны попытки поразмышлять не о супружеских изменах, а об изменах в партнерских отношениях формально свободных людей.

Keywords: infidelity, adultery, partner infidelity, the benefits of adultery, psychological assistance for adultery

Ключевые слова: измена, супружеская измена, партнерская измена, польза измен, психологическая помощь при изменах.

Разница между супружескими и партнерскими отношениями состоит в отсутствии юридической ответственности друг перед другом, в отсутствии закреплённых законом взаимных обязательствах, в наличии (или отсутствии) осознанного выбора для человека при создании такого рода отношений. В современном мире именно такие партнерские отношения складываются всё чаще, то есть два индивида находятся в отношениях, которые не скреплены так называемым законным браком. Иногда такие отношения не скреплены даже нравственными обязательствами друг перед другом. Таким образом, оба партнера имеют возможность выбора в поддержании именно таких отношений, или вольны вступать и переходить в иные партнерские формы. Партнерские отношения сохраняются до тех пор, пока в них сохраняется баланс взаимного партнерского комфорта. Такие отношения сохраняются по любви (взаимной эмоциональной привязанности партнёров), на основе заинтересованности друг в друге, общности планов, взглядов, ценностей, наличия адаптационных механизмов, когда отношения в паре гармонично меняются под влиянием общности событий совместной жизни. Благодаря этому, отношения имеют возможность постепенно эволюционировать. Участники адаптационных и гармоничных отношений развиваются как личности, тенденция к деградации у них отсутствует, так как тому нет причин.

Не хочу быть осужденным суровыми моралистами и гражданскими активистами, потому не возьму на себя труд поразмышлять над тем, что есть положительного в супружеских изменах. Поразмышляю над изменами людей, не состоящими в

браке. Тем более, что выкладки о наличии положительного опыта в этом однородном явлении вполне себе применимы, полагаю, к обоим состояниям, и к браку и к партнёрству. Так сложилось, что общество более терпимо к партнёрским изменам, нежели к изменам в брачных отношениях. Последние совершенно недопустимы с точки зрения общественной (ханжеской?) морали. Влияет ли такое суждение на уменьшение суммарного количества измен в браке от суммарного количества измен вне его, судить не берусь. Но знаю точно, что наличие брачных уз никогда никого остановить от измены не способно, если супружеские отношения иссякли. В этом случае ни судебный развод, ни раздел имущества, ни делёж детей, не способны удержать супруга, уже считающего себя свободным от брачных обязательств. И напротив, если внутри партнёрства отношения важны и являют собой взаимную ценность, и независимо от того, что формально отношения никак не закреплёны, каждый партнёр многократно подумает, прежде чем сотворить измену. Тем важнее партнёрам понимать, какой положительный опыт могут они из ситуации извлечь, если измена всё-таки произошла и стала очевидной.

Важно, что у партнёров в восприятии измены имеются существенные гендерные различия, которые снижают договороспособность партнёров в кризисной ситуации. Женщины чаще всего воспринимают измену себе, как мужское предательство (психологическое, духовное, физическое), как нечто предательское. Мужчины же считают свою измену малозначительной формальностью, чисто физическим актом, не имея в виду ущемление человеческого достоинства партнёрши, её чувств. Для мужчин такая неверность всего лишь реализация их

физиологических потребностей, стимул продолжать жизнь, иллюзия решения врождённой задачи плодиться и размножаться. В тоже время измену себе мужчины способны воспринимать как настоящую грандиозную непоправимую катастрофу, как причину прекратить партнёрские отношения. Большинство же женщин, в случае обнаружения мужской измены способны проявить рационализм и простить партнёра, не разрушая отношений. Стоит оговориться, что зачастую свою собственную измену, женщины воспринимают как вполне допустимую вещь. Именно так, например, осуществляется женская (тайная) месть за мужские обиды, реальные или придуманные. Такая измена имеет вполне осязаемую пользу, ибо позволяет примириться женщине с действительностью.

Если попытаться осмыслить период, наступивший после измены, то можно утверждать, что при наличии в партнёрстве сильной эмоциональной привязанности, произошедшая измена способна укрепить отношения при условии, что не случилось огласки. Наличие моральных терзаний и стремление загладить тайную вину способно толкнуть изменщика на проявление в партнёрстве самых лучших человеческих качеств, что, вероятно, не останется не оценённым по достоинству. Если же огласка произошла, то и это способно ещё более сплотить партнёров после осознания реальной угрозы утратить отношения, если они по-настоящему взаимно ценны. В случае огласки, партнёрам важно не рубить с плеча и уметь взять спасительную паузу на осмыслении произошедшего и его возможных последствий. Такой анализ прибавит жизненной опытности, научит ценить настоящее в отношениях. Кроме того, такое развитие событий может привести партнёров к осознанному и взвешенному решению повысить степень своего родства, к заключению брака. Такой брак бесспорно будет более крепок и устойчив по сравнению с семейными союзами, которые заключаются в стерильных, не проверенных отношениях. Скептиков отсылаю к классике – повести Антона Чехова «Дуэль».

Важно понимать, что появление измен в устойчивой паре обязательно имеет свои причины. Важно отдавать себе отчёт в том, что как у любого явления у измен могут быть не только отрицательные последствия. Важно твёрдо знать, что измены способны иметь положительную функцию, раз уж они имеют место в жизни. Отрицательные стороны измен очевидны, они разрушительны для человеческой психики, для доверия в паре. А вот положительные последствия измен очевидны далеко не всегда и отнюдь не всем. Их нужно найти и увидеть, как мужчинам, так и женщинам, для возможности эволюционировать в уже сложившихся отношениях, чтобы иметь надежду на их сохранение в кризисной ситуации, для возможного выхода из него не с потерей, а с приобретением в личностном, духовном росте. Возникший кризис – это именно та ситуация, в которой душа будет «обязана трудиться и день и ночь». Это способ получить своеобразный иммунитет к сложным жизненным ситуациям.

С детства нас приучают жить в мифах и иллюзиях, в мире сказочных героев из красивых романтических историй. Не «красивые» истории и сомнительные персонажи (например, такие как изменившая супругу Анна Каренина) напротив справедливо осуждаются, представляются как нежелательные по своим последствиям. Мы привыкаем жить в иллюзиях, любить иллюзии, верить иллюзиям, и так отрываемся от действительности. Мы ретранслируем иллюзии на наши партнёрские отношения, считая наши потаённые желания только своим персональным уделом, неразумно упуская простую мысль, что партнёр устроен так же и вполне может иметь те же мысли и желания. Примером таких иллюзий может быть история, рассказанная в культовом фильме Валерия Тодоровского «Любовник». Фильм со сложной смысловой нагрузкой, чрезвычайно глубокий и многоплановый, интересует нас сейчас лишь для цели демонстрации только одной простой мысли: благополучный в целом мужчина, не будучи верен партнёрше сам, по иллюзорной наивности потерял всё (включая собственную жизнь) от того, что питал иллюзии относительно своей партнёрши и их отношений.

Следует понимать, что наши иллюзии – это наши желания и одновременно наша защита от мучительных размышлений, возможной душевной травмы, боли. Мы представляем себе то, во что хотим верить, и полностью погружаясь в это, в этом живем, не видя за этим того, что происходит в реальной жизни. Зачастую эти представления формируются у нас в результате укоренения нашими партнерами своих взглядов, которые на поверку оказываются сопряженными с ложными посланиями и утверждениями, что для нас может быть одновременно и спасительно, и губительно. Осознание главным героем картины реального положения вещей в его отношениях с партнёршей стоило ему жизни. Он погиб сначала морально, затем физически. В реальной жизни практически отсутствует физическая смертность, наступившая в следствие осознания не идеальности отношений, от душевных страданий при переживании измены. Но смерти душевной, болезненного изменения личности человека, деформации его морали, в своей работе психологи и психотерапевты встречают достаточно много. Это сложная, в смысле психотерапевтической реабилитации, работа. Иллюзии (или как их определял Стивен Волински, «нереалистичные ожидания») оберегают нас от боли какое то время, и, в конце концов, все равно приводят к душевным страданиям. Поэтому, из психотерапевтических соображений правильно на любом этапе восстановительной работы с партнерами, пережившими измену, подводить их постепенно ближе и ближе к реальным событиям их жизни, постепенно разрушая их иллюзии. Таким образом, страдания и разочарования будут приходить в их жизнь постепенно и менее деструктивно и разрушительно влиять на них.

Партнер, идя на измены, или избавляется от иллюзий, или подтверждает их. Женские иллюзии такие, как «я могу быть нужна и кому-то ещё», «он

меня обидел, теперь моя очередь», «пусть ему будет больно, так же как мне», «пусть не думает, что он единственный мужчина» и т.д. Мужские иллюзии могут быть реализованы с целью сравнения, с целью самоутверждения, поднятия самооценки - «я могу», «я свободен» и т.д. Польза от этих иллюзий, только в том, что они имеют тенденцию к усилению. С ними легко жить, но сложно расставаться. Сложно понять, что если партнер изменяет, то дело во мне. И напротив легко иметь ошибочное понимание, что дело только в нём. Мужские измены, если они носят лишь физический компонент и не имеют духовного, психологического фактора, являются собой подтверждение природной сексуальной полигамности. Женские измены выявляют проблемы женской нужности, её необходимости, её единственности для партнера, то есть обязательно рано или поздно подключается психологический, духовный компонент. Мужская измена далеко не всегда тождественна предательству, тогда как женская измена предательством является много чаще, так как неразрывно связана со степенью эмоциональной привязанности к партнёру. Поэтому, женское предательство при измене встречается чаще, чем мужское. Мужчины предадут свою женщину крайне редко, в том случае, если присутствует обрыв психологического и духовного взаимодействия в паре. В этом и состоит положительная сторона мужских измен – они не конечны для отношений, есть возможность укреплять отношения в психологическом, духовном плане.

Конечно же, сексуальная измена близкого, родного человека – это всегда больно, и чем он ближе и роднее как в иллюзиях, так и в действительности, тем больнее. В любой измене, помимо того, что нужно увидеть положительные стороны, как в любой сложной жизненной ситуации есть три ответственных, разумных и взрослых решения: изменить ситуацию, смириться с ситуацией или закрыться от нее, убежать, не решая. Однако и это ещё не всё, есть еще и четвертый выбор – невротический. То есть, обидеться, найти виноватого и виновного (как главный герой в фильме «Любовник»), переложить вину только на партнера. В этом случае, никакой эволюции в отношениях ждать не приходится, нет никакого взросления и роста в таких отношениях, за счет этого они теряют свойство адаптивности и комфортности. Обидеться – это все равно, что выпить яд и после этого ждать, что умрет кто то другой.

Положительные моменты от измен, можно увидеть в том, что они дают возможность партнеру убрать свои иллюзии и встретиться с реальностью

своей жизни, дают возможность совершить некий поступок или критично посмотреть на себя, может даже через признание собственной слабости, уязвимости и в проигрыше. Это повод изменить себя, ситуацию или то и другое. В этом и состоит основной положительный момент партнерских измен. Изменив что-то, не войдешь уже в аналогичные отношения с этим или другим партнером.

Наши измены – это паническое бегство от себя самого. Рано или поздно это бегство необходимо осознать и остановиться, чтобы не потратить на него жизнь. Измены партнёра – это способ научиться вырабатывать антитела, формировать собственную защитную среду. Если измена в вашей жизни произошла, не стоит терять самообладание, постарайтесь сделать из неё правильные выводы прежде, чем произойдёт расставание с партнёром. Приобрести подобный опыт – это едва ли не единственный способ найти что-то настоящее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. – М., 2000.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. – Л., 1992.
3. Иванова Л.М. Судьба молодой семьи. – М., 1989.
4. Карабанова О.С. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. – М., 2005.
5. Ковалев С.В. Психология современной семьи. – М., 1988.
6. Кроник А., Кроник Е.А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. М., 1989.
7. Левкович В.М., Зуськова О.Э. Социально-психологический подход к изучению супружеских конфликтов // Психологический журнал. Т.6. 1985.
8. Линда Берг-Кросс Терапия супружеских нарушений. М., 2004.
9. Мишина Т.М. Психологическое исследование супружеских отношений при неврозах // Семейная психотерапия при нервных и психических заболеваниях / Под ред. В.М. Мягера и Р.А. Зацепицкого. – Л., 1987.
10. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В. Семейная психотерапия. – Л., 1990.
11. Сысенко В.А. Супружеские конфликты. – М., 1989.
12. Харли У.Ф. Законы семейной жизни. – М., 1992.
13. Шнейдер Л.Б. Семейная психология. – Екатеринбург, 2005.

№41/2020

Norwegian Journal of development of the International Science

ISSN 3453-9875

VOL.3

It was established in November 2016 with support from the Norwegian Academy of Science.

DESCRIPTION

The Scientific journal “Norwegian Journal of development of the International Science” is issued 12 times a year and is a scientific publication on topical problems of science.

Editor in chief – Karin Kristiansen (University of Oslo, Norway)

The assistant of the editor in chief – Olof Hansen

- James Smith (University of Birmingham, UK)
- Kristian Nilsen (University Centre in Svalbard, Norway)
- Arne Jensen (Norwegian University of Science and Technology, Norway)
- Sander Svein (University of Tromsø, Norway)
- Lena Meyer (University of Gothenburg, Sweden)
- Hans Rasmussen (University of Southern Denmark, Denmark)
- Chantal Girard (ESC Rennes School of Business, France)
- Ann Claes (University of Groningen, Netherlands)
- Ingrid Karlsen (University of Oslo, Norway)
- Terje Gruterson (Norwegian Institute of Public Health, Norway)
- Sander Langfjord (University Hospital, Norway)
- Fredrik Mardosas (Oslo and Akershus University College, Norway)
- Emil Berger (Ministry of Agriculture and Food, Norway)
- Sofie Olsen (BioFokus, Norway)
- Rolf Ulrich Becker (University of Duisburg-Essen, Germany)
- Lutz Jäncke (University of Zürich, Switzerland)
- Elizabeth Davies (University of Glasgow, UK)
- Chan Jiang (Peking University, China)

and other independent experts

1000 copies

Norwegian Journal of development of the International Science

Iduns gate 4A, 0178, Oslo, Norway

email: publish@njd-iscience.com

site: <http://www.njd-iscience.com>